

№ 10 (29) 1991

Цена 2 руб.

ISSN 0236-6864

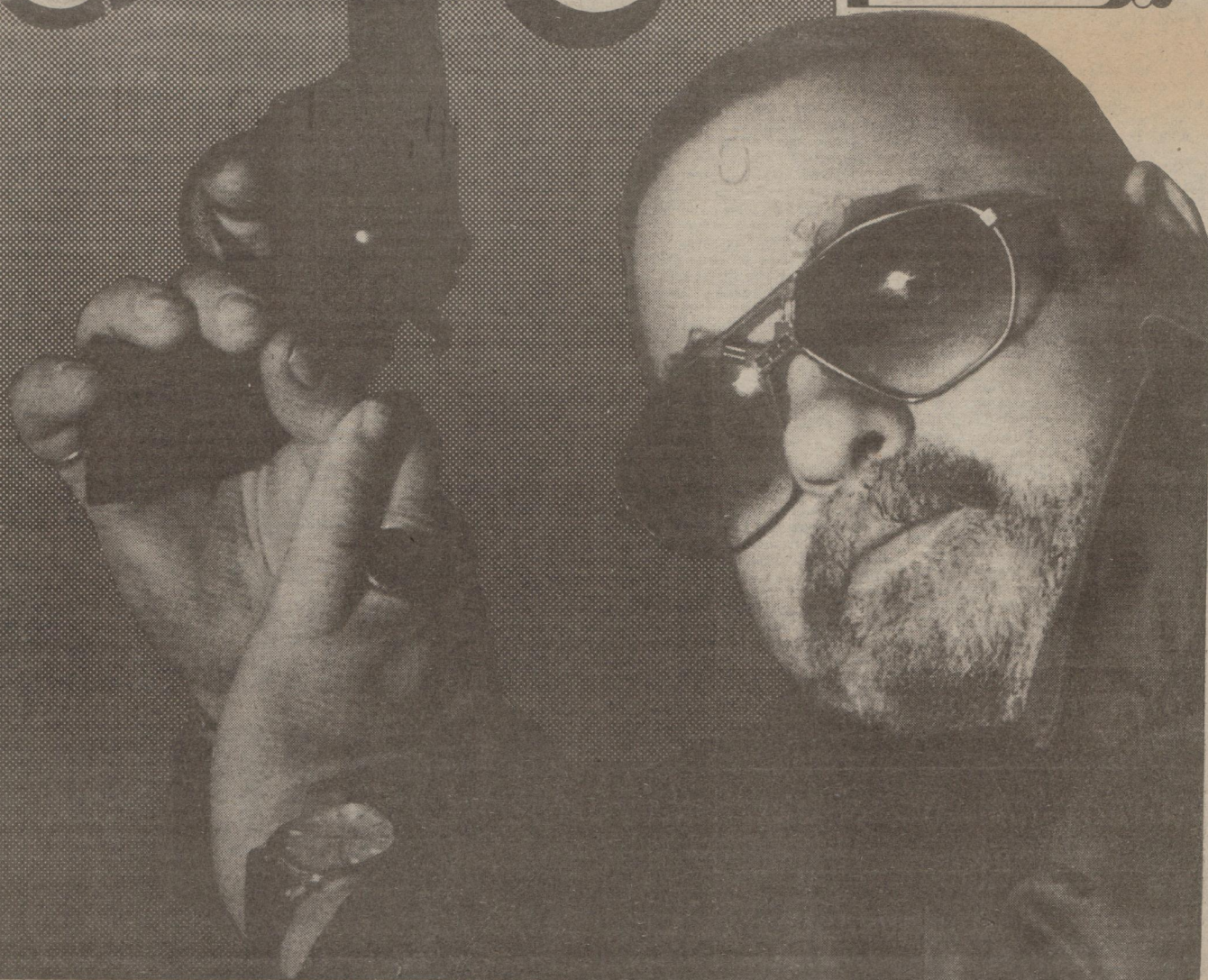
СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ЕЖЕМЕСЯЧНИК МОСКОВСКОЙ ШТАБ-КВАРТИРЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ «ДЕТЕКТИВ И ПОЛИТИКА» (МАДПР)

КОЛИАНУ СЕМЕНОВУ- 60

Вадим
БАКАТИН.
Избавление
от иллюзий.
Отрывки
из мемуаров
с. 14

Элеонора
ФИЛБИ.
Жизнь
со шпионом
с. 20

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Борис ЛИТВАК,
доктор исторических наук

Исторические аналогии опрометчивы. Я хорошо знаю эту аксиому и как профессиональный историк ее разделяю, но случилось так, что я последние несколько лет работал над книгой «Переворот 1861 г. в России» (она в этом году выходит в издательстве «Эпоха») и, честно говоря, к своему ужасу, каждый раз сталкивался с коллизиями полустаро-вековой давности, которые буквально оживали в новом облике и бушевали на экране телевизора.

— Как же так, — сопротивлялся я выражению мысли, которая мне казалась кощунственно-спекулятивной, — время совсем другое, люди и интересы другие, социальный строй и классы другие (это грозили пальцем Маркс и Ленин!), а ситуации, раскладка сил, даже фразеология, как говорится, тюфячка в тюфячку, как близнецы похожи? Случайно ли это?

Наверное, нет: эпохи великих реформ в нашем отечестве, которые, увы, куда реже случались в его истории, чем великие потрясения: бунты, революции, — проходят по одному и тому же сценарию, хотя действующие лица и исполнители разные.

ЗАВЯЗКА

Через 40 лет после Отечественной войны 1812 г., той войны, которая показала всей Европе доблесть и отвагу народов нашего Отечества и, конечно же, укрепила международные позиции Российской империи, Николай I ввязался в Восточную войну, однозначно обнаружившую гниль режима. Напрочь поглотил блеск империи, ее изыскания — в первую очередь зажившие на белом свете крепостное право, которое еще в 1827 г. Бенкендорф (да-да, тот самый «реакционер и oberpala») характеризовал как «пороховой погреб» под зданием империи, — были обнажены и нестерпимо болели. Тогда-то новый царь Александр II в намеренно неясной речи выдал из себя ставшую ныне хрестоматийной фразу об освобождении крестьян «сверху», чтобы не допустить их освобождения «снизу». Приведем полную запись этой московской речи царя от 30 марта 1856 г., опубликованную в журнале «Голос минувшего» (1916. № 5—6): «Слухи носят, что я хочу дать свободу крестьянам: это не справедливо, — и вы можете сказать это всем направо и налево; но чувства, враждебные между крестьянами и их помещиками, к несчастью, существуют, и от этого было уже несколько случаев неповиновения помещикам. Я убежден, что рано или поздно мы должны к этому прийти. Я думаю, что и вы (т.е. предводители дворянства, к которым была обращена речь. — Б.Л.) одного мнения со мной; следовательно, гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу». Так или иначе, слово было сказано, за ним должны были последовать действия.

А как «это» началось на наших глазах? Примерно через сорок лет после великой победы наша Родина была втянута в несчастную афганскую братоубийственную войну безмозглыми геронтократами, которым не хватало ума учесть мудрую политику русской дипломатии, проводимую сто лет тому назад по отношению к тому же самому Афганистану. Результат — позорная дискредитация страны, армии, в конечном счете народов нашей страны. «Афган» обнажил наши изыскания еще с большим грохотом, чем Крымская война в далеком прошлом. Миллионы поняли, что было давно

ясно первым «ласточкам свободы»: военно-казарменная система, чудовищно эксплуатировавшая и извращавшая светлую идею народной социальной утопии, изжила себя — нужны перемены. Тогда-то новый генсек, насколько ему хватало независимости, решает на встречу с народом, и не в Москве — цитадели догматической геронтократии, а в Ленинграде, прямо на его улицах. Речи, ответы на вопросы также были далеко не однозначны, далеко не ясны, но, безусловно, несли в себе заряд новизны. Триада: перестройка, ускорение, гласность, — всенародно произнесенная, независимо от того, как она трактовалась на улицах и в кабинетах на Старой площади, означала, что страна двинулась навстречу своему обновлению.

ПЕРВЫЙ АКТ ДРАМЫ

Александр II возвращает из ссылки декабристов и даже Тараса Шевченко, ослабляет цензурную удачу: только за 1856—1858 гг. возникло 65 новых периодических изданий, а герценовский «Колокол» нашел себе место на письменном столе императора. Это, так сказать, внешние сигналы о направлении грядущих перемен.

Решение главного вопроса было возложено на привычный еще для николаевских времен институт — секретные комитеты. 3 января 1857 г. Александр II учреждает под своим председательством секретный комитет по крестьянскому делу, в который вошла вся когорта птенцов гнезда Николая (перифразируя пушкинское «Птенцы гнезда Петрова»). Эта группа высших сановников должна была принять решение, которое было явно противоположно мироощущению и личным интересам большинства из них. Яркий публицист шестидесятых и семидесятых годов прошлого века Ф. П. Еленев (Скалдин) писал: «Государь очень хорошо знал направление мыслей назначенных им членов и тем не менее допустил решительный перевес на стороне противников освобождения, как бы сам не доверяя своей мысли и ища против нее возражений». С таким объяснением нельзя согласиться, т.к. автор исходит из презумпции, что Александр II к моменту формирования состава комитета был уже убежденным реформатором. Между тем, наследник не только престола, но и образа мыслей отца, он очутился между жерновами исторической необходимости отмены крепостного права и привычного стереотипа консервативного мышления. В этом положении он предпочел не оставаться в одиночестве, а мобилизовать волю и разум для него надежных, умудренных опытом государственного управления людей, чтобы они вместе с ним искали безопасный фарватер между Сциллой и Харибдой. Создание комитета не нарушало традиции, приглашение сановной элиты придавало ему достаточный авторитет и служило доказательством, что новый царь не будет рубить с плеча, а хочет выработать приемлемое для обеспокоенного дворянства решение.

Аналогично было — как мне представляется — и психологическое состояние Михаила Горбачева, но в отличие от Александра II он не смог созвать новый секретный комитет — такой уже давно существовал в лице Политбюро. Ожиревшие гуси «гнезда Брежнев-Черненко», давно потерявшие способность летать, были привычными партнерами, а слова «перестройка» и «ускорение» были взяты из все того же номенклатурного словаря, который был им понятен и не очень раздражал. Да и реальное наполнение этих слов еще не оформилось, оно только было призывом к переменам. Так, внешние сигналы этих перемен аналогичны александровским: звонок в Горький, развитие контролируемой «гласности» (да и само возрождение этого давно забытого русского слова). Если Александр II мог сразу приступить к обсуждению внутренних проблем в секретном комитете как всевластный император, то Горбачеву, только что избранному генсеку, если даже у него тогда были вполне устоявшиеся планы «что делать», предстояло искать союзников как внутри «секретного комитета», так и вне его, чтобы их постепенно по всем правилам номенклатурной кадровой политики ввести в «секретный комитет», освобождаясь от «гусей». Это требовало времени, незаурядных тактических способностей. Горбачев как поли-

тик показал свою незаурядность, и, во всяком случае, во всех тех переменах, которые совершались в стране и которые привели ее к Первому съезду народных депутатов, он не допустил тактических ошибок, за исключением одной, но существенной — имею в виду разрыв с Б. Н. Ельциным.

АКТ ВТОРОЙ

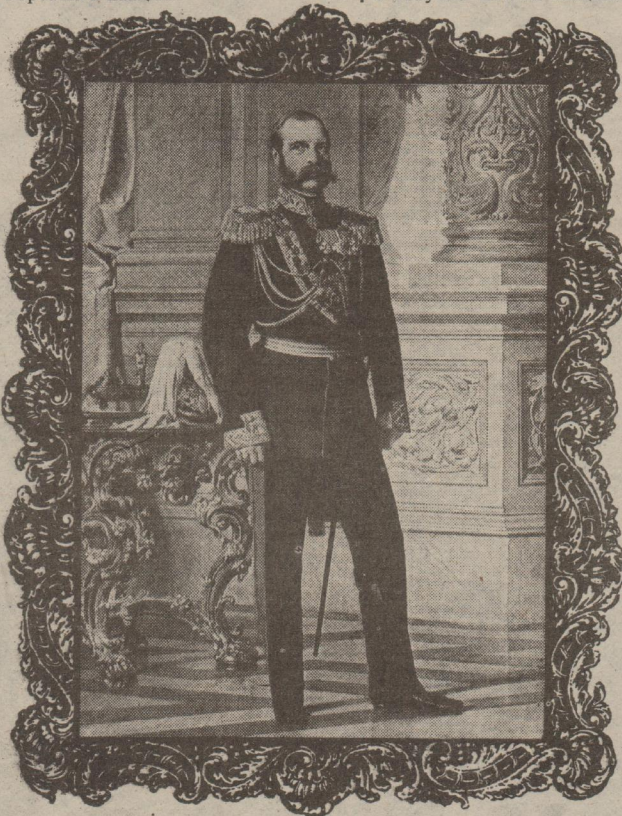
Герцен сказал об Александре II, что он в той же мере наследник Николая I, как и людей 14 декабря; если следовать логике Герцена, можно утверждать, что Горбачев в той же мере наследник Хрущева (именно Хрущева, а не Брежнева и тем более Сталина), что и Андрея Сахарова. Между этими помыслами и колебались Александр и Михаил. И эта драма колебания преследует любого реформатора, это генетический код любого реформатора.

Разбуженное реформаторами общество, во всяком случае — его социально активная часть, постепенно поляризуется, занимая позиции по одну из этих двух сторон «души» реформатора. И оба полюса общества, как это ни парадоксально, едины в своем неприятии позиции реформатора. Отстранение Ельцина — акт, удовлетворивший расстроенный улей партократии, — окончательно оформил левую оппозицию, предоставив ей готовую к решительным действиям лидера — ведь духовный лидер Андрей Дмитриевич Сахаров такими качествами не обладал: он не вышел из той инкубатора, из которого вышли Горбачев и Ельцин.

Та же коллизия была во времена Александра II. Он, опираясь на Ростовцева, сумел создать неординарное для тогдашней России временное учреждение для подготовки крестьянской реформы — т. н. Редакционные комиссии, — альтернативное всем существовавшим государственным учреждениям, которым, как говорится, сам Бог велел заниматься «крестьянским вопросом», и, таким образом, сумел нейтрализовать крепостников, но вместе с тем очень медленно, «со скрипом» соглашался на последовательные шаги этих комиссий по радикализации его первоначальной наметки, недалеко ушедшей от бывших намерений своего отца. В Редакционных комиссиях активно действовала — «работала» на царя — группа выдающихся умов: Милютин, Семенов-Тяньшанский, Соловьев, Черкасский и Самарин. Но, как только реформа была «сверстана», царь поспешил быстрее отделаться от них, к великой радости консервативного дворянства.

Те же зигзаги Реформатора и та же реакция общества: дворянство в массе своей было обижено на царя, который якобы их ограбил, а представители крестьянской демократии Герцен и Чернышевский «разоблачили» его, утверждая, что он обманул народ. Русь позвала к топору.

Наш новый класс терял свои позиции и метал громы и молнии на «виновника» происшедшего, он же, искренне убежденный в возможности реформировать все структуры, так или иначе связанные с голубой мечтой «социалистического

АЛЕКСАНДР РОМАНОВ

выбора», медлил, топтался на месте, искал наиболее приемлемую «программу», что окончательно убеждало «красных слева», «так называемых демократов», что Горбачев поправел. Не забудем, что Александр II был законным монархом, в то время как провозгласивший лозунг «правого общества» был «все-го лишь» генсеком, который должен был юридически обеспечить власть де-факто получением вотума доверия в качестве Председателя Верховного Совета и затем президента.

В этой вязкой тине политической борьбы все мероприятия Реформатора по преобразованию страны застревали, запаздывали, захлебывались. Все явственнее в действиях Горбачева проступало «наследие Хрущева».

Свободный от подобных политических обстоятельств Александр II реализовал реформы 19 февраля 1861 г. и двинул дальше реформирование устаревших структур, приспособленных к жизни в условиях крепостного права: учредил земства, реформировал суд, школу, цензуру. Но не мог перешагнуть через священные устои самодержавного правления: никакие, даже чисто косметические, средства «припудривания» самодержавного строя не проходили. Когда еще до реализации крестьянской реформы консервативное дворянство потребовало создания общероссийского представительного органа, это практически означало, что он, этот орган, не утвердит реформу, и я вполне разделяю отказ Александра II, но, когда реформа стала фактом и во второй половине шестидесятых годов снова возбуждался вопрос об «увенчании» земских представительных учреждений «общероссийским земством» и эту идею поддерживал брат царя великий князь Константин Николаевич, отказ Александра II означал только одно: в нем победило «наследие Николая I». К сведению досужих журналистов, усиленно муссирующих идею, что во всем виноваты народники-террористы: Александр II в беседе с видным лидером московского дворянства П. Д. Голохвастовым в сентябре 1865 г. — за восемь месяцев до апрельского 1866 г. неудачного покушения Каракозова — сказал: «Я даю тебе слово, что сейчас на этом столе я готов подписать какую угодно конституцию, если бы я был убежден, что это полезно для России». Итак, «польза для России» определялась николаевским наследием в душе императора.

Следовательно, не нерешительность, не двоедушие, не внешние, привходящие факторы, какой бы силой влияния они ни обладали, владели нашими реформаторами Александром и Михаилом, а внутренняя приверженность легитимному «наследию».

Не сделав последнего и единственного необходимого шага, который бы увенчал эпоху реформ в России, не превратив самодержавный строй в конституционную монархию, что обеспечило бы самые благоприятные политические условия для свободного буржуазного развития страны, Александр II способствовал ее откату назад: последовательному урезыванию прогрессивных черт реформ, всему тому, что вошло в литературу под термином «контрреформы». Уже со второй половины 60-х годов начался тихий, ползучий реакционный переворот: вместо В. А. Долгорукова, разрабатывавшего с П. А. Валуевым идею реорганизации Государственного совета, во главе III отделения стал консерватор П. А. Шувалов, вместо либерального министра народного просвещения А. В. Головнина, руководившего подготовкой университетской, школьной и цензурной реформ, был назначен мракобес Д. А. Толстой, а сторонник оперативного введения судебных уставов (новой судебной реформы) министр юстиции Д. Н. Милютин был заменен К. И. Паленом, достойным единомышленником Толстого и Шувалова. Эта группа определяла атмосферу в Совете Министров, из которого вскоре был вытеснен даже такой опытный царедворец (правда, он же носитель «конституционной идеи»), как П. А. Валуев. На его место пришел А. Е. Тимашев, тот самый, который в 1861 г. в знак протеста против крестьянской реформы оставил пост управляющего III отделением.

Политически реформатор Александр II «приказал долго жить». Реанимировать его в начале 80-х годов было задачей непосильной, потому что движущая сила реформ шестидесятых годов была резко ослаблена «тихими» контрреформами, а т. н. «конституция» Лорис-Меликова по сути своей не шла далее возрождения идеи учреждения Редакционных комиссий. Но то, что было «к обеду» в конце 50-х годов XIX века, явно «перекисло» к началу 80-х. Так что бомба Гриневецкого только ускорила дрейф «назад к Мафусайлу», к «громким», откровенным контрреформам, а отнюдь не вызвала их, как пишут иные публицисты.

АКТ ТРЕТИЙ

А что случилось с Михаилом Горбачевым? Тот же порог «наследия Хрущева» стоял перед ним, и так же он не мог его переступить под митинговый клич левых: «Горбачева в отставку!» Но он не захотел повернуть назад под улюлюканье и шипение участников пленумов: «Генсека в отставку!» Да, он проводил «перебор людшек», как говорили на Руси, не лучшим образом, да, он терял безоглядно искренних друзей и компетентных советников — все это, чтобы утихомирить «правых», но он же повернул к «новоогаревскому процессу», что было огромным шагом в развитии преобразований. Именно этот шаг шокировал реакционные силы и придал им отвалу решиться на «генеральную репетицию» переворота в Верховном Совете СССР: требование троицы о чрезвычайных полномочиях Кабинету министров. Получив отпор, они все же помнили, что «правые» дружно кричат: «Генсек! Ату его!» — и «левые» не менее громко требуют отставки президента, а раз это так, то «общественное мнение» проглотит мнимую болезнь Горбачева и примет ее за чистую монету — можно идти на мятеж, используя вакуум, образовавшийся вокруг Зачинателя Реформ.

Но не тут-то было. Тысячу раз права уважаемая Елена Боннэр, говорившая, что заговорщики проиграли, потому что считали нас «быдлом», а мы — народ, ставший им за эти шесть лет после апреля 1985 г. Но вот запальчивость заголовка ее статьи в «Известиях» 29 августа 1991 г. я не стал бы поддерживать. Думаю, что нравственное, справедливое и, главное, разумное был бы заголовок «Мы защищали закон, мы защищали Михаила Сергеевича». Это соответствовало бы истине, несмотря на то что многие, может быть, даже большинство защитников «Белого дома» на митингах кричали «Долой Горбачева!», потому что, когда наступил «момент истины», нельзя было отделить законного президента от человека по фамилии Горбачев.

Когда отдельные депутаты Верховного Совета РСФСР на памятном всемирно обозреваемом «лобном месте» «топтали» Горбачева, я старался определить, кем были эти люди до апреля 1985 г. и чем бы они стали, не будь этого апреля.

Сегодняшний Горбачев, резко и недвусмысленно отказавшийся от «наследия Хрущева» и в котором столь же внушительно заговорило «наследие Сахарова», не повторит ошибки Александра. Я так уверенно говорю о «наследии Сахарова» в Горбачеве потому, что даже его «ахиллесова пята» «социалистического выбора», вызывающая столь бурную реакцию отторжения «рыночников» всех мастей, имеет многовековую традицию социальной утопии в народной толще и вовсе не противоречит идее конвергенции, от которой, если не ошибаюсь, Андрей Дмитриевич так и не отказался.

Да и после путча страна не та, да и Горбачев обрел второе дыхание. Он вовсе не «исчерпал себя», как довольно откровенно, чтобы не сказать, цинично выразился академик А. Емельянов (см. «Гласность» № 34—36 от 7—11 сентября 1991 г.). Об этом свидетельствует последний день Пятого, внеочередного съезда народных депутатов.

Первопроходчик Реформатор сейчас нужен стране, может быть, больше, чем до путча: нужно охладить пыл победителей, которые, увы, в состоянии эйфории действуют порой не лучшим образом, полагая, что все еще незыблем закон «победителя не судят!» в стране, где нет уже «руководящей и направляющей», но еще очень аморфна ее альтернатива, сложившийся тандем «Горбачев—Ельцин» или «Ельцин—Горбачев» может довести Великую Реформу до логического конца.

ЭПИЛОГ

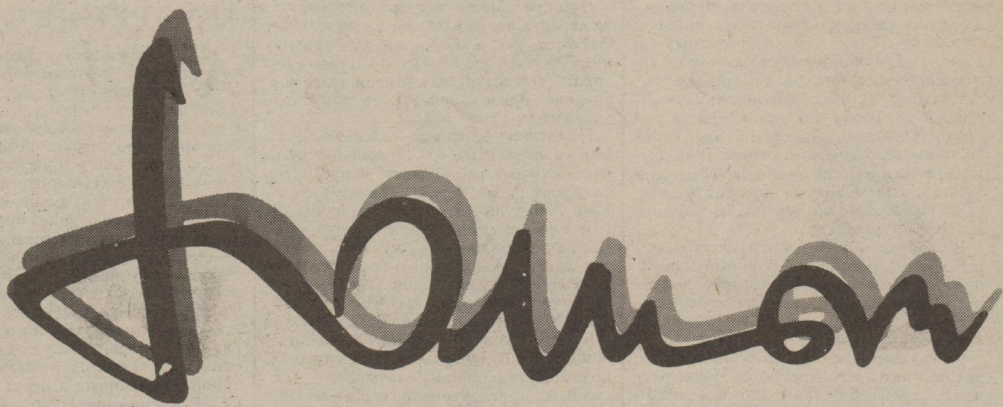
Исторические параллели уязвимы. Уязвима и моя схема, но не уязвим вывод, который вытекает из этой аналогии: не нужно мифологизировать Александра II или «петь Осанну» Михаилу, но надо помнить, что это люди тяжелой, драматической судьбы. А нам сейчас, прежде чем кричать «Долой!», надо твердо усвоить, что в истории любой последовательный Реформатор, вовремя поднявший знамя преобразований и доведший их до логического конца, за это расплачивался личной драмой, но спасал миллионы от трагедии, которая им несет всякая революция, как бы ни завораживающе звучало это слово.

© Б. Литвак, 1991

МИХАИЛ
ГОРБАЧЕВ

Юлиану Семенову, признанному патриарху советского детективного и политического романа, исполнилось 60 лет. Мало кто из современных писателей работает так же продуктивно, как он, его книги, без преувеличения, есть в каждой советской семье. Готовя к выпуску собрание сочинений Юлиана Семенова, не пришлось делать сколько-нибудь существенных правок и исправлений. Это означает, что проза Юлиана Семенова выдержала испытание временем. Редакционная коллегия «Совершенно секретно» от имени миллионов своих читателей поздравляет Юлиана Семенова с юбилеем. Здоровья и новых романов Вам!

Иржи ПРОХАЗКА, вице-президент МАДПР

Этим ироническим титулом — Резидент Президента бумажных убийств — меня когда-то в шутку наградили один чехословацкий журналист, даже не подозревая, какую честь мне этим оказывает. Ибо быть другом и ближайшим сотрудником президента-основателя МАДПР Юлиана Семенова — писателя, журналиста, неистового репортера, которому хочется находиться в центре всех опасных и драматических событий нашей планеты, вечного путешественника и мечтателя, который к тому же гейзер или, точнее сказать, вулкан идей, инициатив и вдохновений, — это действительно награда.

Впервые мы встретились на Кубе в мае 86-го года по случаю литературной конференции, посвященной детективу. Мы были приглашены туда как почетные гости, поскольку семеновский Штирлиц и мой майор Земан на Кубе необычайно популярны. Юлиан явился на Кубу с одной из своих фантастических идей: создать здесь МАДПР — Международную ассоциацию авторов детективного жанра.

Признаюсь, мне эта мысль в первый момент показалась несколько дикой. Из писателей тут были мы с ним, наши кубинские товарищи, два мексиканца, один уругвайский писатель-эмигрант, один болгарин — и все. Объявить в таких условиях о создании новой международной организации казалось мне по меньшей мере безответственным, слишком претенциозным и до смешного самонадеянным. Об этом мы спорили и ругались с Юлианом Семеновым на гавайском яхтовом причале целую ночь. При этом мы изрядно выпили, а посему около двух часов ночи спустились по трапу причальной дамбы в море, чтобы немного охладить свои разгоряченные головы. Теплое море под космическим куполом карибской ночи, похожей на своенную женщину, воткнувшую в свои волосы тысячи лениво мерцающих звезд, было так великолепно и умиротворяюще, что мы наконец-то договорились и я согласился с Юлианом.

И только утром мы узнали, какой номер отмочили. Ночью гавайский порт кишми-кишит акулами, барракудами, меч-рыбами и другими опасными тварями, а мы-то вместе с ними плавали! Но Юлиан, как всегда, оказался прав: основание в 1986 году МАДПР было задумано мудро, а время выбора настолько отвечало состоянию мира и стремлению писателей к взаимопониманию, что сегодня МАДПР объединяет писательские организации от Америки до Японии с благородной целью — помогать литературе бороться с насилием, преступностью, беззаконием и использованием силы в любой части света.

Все мои встречи с Юлианом Семеновым были интересны и полны приключений, поскольку его прямо-таки влекут драматические конфликты, напряженность и авантюры. Например, когда создавалась МАДПР, я был арестован на Кубе как террорист, поскольку у меня имелся пистолет-кольт Смит и Вессон, почетный подарок одного кубинского генерала, забывшего проинформировать полицию о своем даре.

В 1987 году, во время второй встречи Исполкома МАДПР в мексиканском городе Сан-Хуан-дель-Рио, Юлиан вдруг спросил у меня:

— Тебя исключили из партии?

— Да.

— За что?

— Я не согласен с вводом ваших войск в Чехословакию в 68-м году.

— Но ты прав, — сказал Юлиан. — Это был idiotский поступок. Рано или поздно нам от вас все равно придется уходить, поскольку это крупнейшая политическая ошибка, которую нам придется исправ-

лять. Слава Богу, что тут со мной от вас хоть кто-то порядочный.

И с тех пор на многочисленных заседаниях он с гордостью сообщал, что рядом с ним сидит чешский писатель, который не согласен с советской оккупацией Чехословакии.

За год до этого в испанском портовом городе Хихон я предложил выбрать местом следующей встречи Прагу. Однако американцы ответили, что не поедут в страну, где писателей сажают в тюрьму за их убеждения. Поскольку в то время по стечению обстоятельств Вацлав Гавел и другие политические узники совести были на свободе, я поручился, что у нас в тюрьме нет ни одного писателя.

Незадолго до нашей добжишской конференции в январе 1989 года Вацлава Гавела посадили. Юлиан Семенов немедленно прилетел в Прагу и отправился в ЦК КПЧ ходатайствовать за него у Рудольфа Гегенбарта и министра внутренних дел Кинила. Вернулся он успокоенный, поскольку эти государственные и партийные деятели гарантировали ему, что еще до открытия нашей конференции на Добжиши Вацлав Гавел будет снова на свободе, так как его арест якобы всего лишь формальность.

Однако наступило 20 февраля — день открытия нашей конференции, — а Вацлав Гавел все еще не был на свободе. Наоборот, на той же неделе его ожидали суд и приговор. Встречая в аэропорту своих иностранных друзей — членов Исполкома МАДПР, я видел, что дело плохо. Не прилетел Фридрих Дюрренматт, которому мы должны были вручать премию за весь его творческий жизненный путь. В знак протеста не прилетели и американские писатели, послаив телеграмму следующего содержания:

«Дорогие коллеги! Накануне встречи Международной ассоциации авторов детективной литературы в Праге исполнительный комитет членов этой организации в США решительно протестует против заключения нашего друга писателя и драматурга Вацлава Гавела. Этот репрессивный акт является нарушением всех прав человека и противоречит духу сотрудничества, который завладел миром. Мы убедительно просим, чтобы он и другие политические заключенные были освобождены. Мы настаиваем, чтобы это письмо было зачитано во время заседания Исполнительного комитета в Праге, было ратифицировано комитетом и оглашено на пресс-конференции этой организации в Чехословакии. Благодарим Вас за понимание.

Роджер Л. Саймон, Роуз Томас, Джо Гоез и Джером Чарин».

Под этой американской резолюцией поставили свои подписи и другие члены Исполкома: Лаура Гримальди, Марко Тропеа, Мишель Квинт, Пако Игнасио Тайбо, Андре Мартин, Мануэль Кинто, Хуан Мадрид, Эрик Райт, Сюзан Мули. А я зачитал ее на заключительной пресс-конференции.

Последним в тот февральский день прилетел Юлиан Семенов. Нам даже не удалось переговорить, потому что тут же, на аэродроме, ожидала правительственная машина, которая немедленно увезла его в ЦК КПЧ, к руководителю отделения обороны и безопасности Рудольфу Гегенбарту. Нам в тот вечер на Добжиши пришлось засесть без него. В писательский замок его привезли около полуночи усталого, раздраженного и злого. Он тотчас пригласил меня к себе.

— Эти идиоты начали с Вацлавом Гавелом большую игру и не собираются от нее откатыжаться, — сказал он мне. — Я не имею права рассказывать подробности, но мы влипли в нехорошую историю. Похоже, это конец организации, которую мы, затратив столько сил, все эти годы строили.

Я молчал, мне было тяжело.

— Для меня и для советской политики лучше всего было бы присоединиться к американцам и к их резолюции. Но таким образом я бы уничтожил тебя. На тебя возлагает ответственность за ход этого заседания, поскольку это ты предложил провести его в Праге. Если дело не кончится добром, тебя посадят.

Я был к этому готов.

— Нам нужно обмозговать, что делать. Разумеется, мы должны настаивать на освобождении Вацлава Гавела. Это наша моральная обязанность, и я сгорел бы от стыда, если б этого не сделал. Но нужно так сформулировать, чтобы спасти тебя.

В этих словах было столько солидарности и настоящей жертвенной дружбы, что я не забыл их до сего дня. Я искренне зол на истеричного француза Жана Франсуа Церрала, который так ничего и не понял и по сей день клеветает на Юлиана Семенова за его тогдашнюю тактику.

Пятая, добжишская конференция Исполкома МАДПР и впрямь была драматичной. Секретари «старого» Союза писателей Адлова и Мандат, этот «малыш» со злыми испуганными глазами, как его охарактеризовал Юлиан Семенов, шпионили за нами на каждом шагу и записывали на магнитофон каждое слово, в том числе и те, что были сказаны на ночном закрытом заседании, которое демонстративно покинула половина французской делегации — Дидье Деник и Жан Франсуа Церраль, не согласные со «слишком умеренной резолюцией», которую мы предложили. Международная ассоциация — МАДПР — тем не менее эту бурю пережила, не распалась и к утру приняла резолюцию, которая звучала так:

«Исполнительный комитет МАДПР на своем пятом заседании в Праге большинством голосов своих членов (против голосовал лишь один кубинец) решил просить президента ЧССР, чтобы он воспользовался своим правом и в духе хельсинкских и венских договоренностей предоставил свободу писателю Вацлаву Гавелу».

Но даже столь дипломатично сформулированная резолюция МАДПР в ту пору не могла быть опубликована в Чехословакии, и весь ход пражского заседания бойкотировался официальными органами и печатью.

Несмотря на это, Пятая конференция Исполкома МАДПР стала легендой в истории этой международной писательской организации.

Сегодня Вацлав Гавел — президент нашей республики, советские войска покинули нашу страну, а Юлиан Семенов празднует свое шестидесятилетие.

Мне бы хотелось еще долго оставаться его «пражским резидентом».

Вячеслав ТИХОНОВ

Когда снимался фильм «Семнадцать мгновений весны», я познакомился и подружился с очень большим нашим разведчиком. И он рассказал мне историю, которая произошла с ним во время его работы в одной из капиталистических стран, — про то, как товарищи устроили ему встречу с женой. А я в процессе работы над ролью был занят поисками материала, который помог бы мне образ Штирлица максимально заземлить. Я хотел, чтобы мой герой не выглядел сверхчеловеком, суперменом. Я старался показать его не только прекрасным профессионалом, но и просто человеком.

И вот историю этого разведчика я пересказал режиссеру фильма Татьяне Михайловне Лиозновой. Рассказ этот также подвлекнул и на нее, и мы решили сделать Юлиану сюрприз.

Эпизод получился удачным, в чем-была, по-моему, заслуга Лиозновой. Она полностью ушла здесь от диалога. Нам казалось, что в определенных ситуациях слова могут только все разрушить. И Лиознова построила встречу Штирлица с женой, как в немом кинематографе, лишь на тонких психологических нюансах.

Когда эпизод был смонтирован и вставлен в картину, мы решили наконец показать его Юлиану. Боялись, что он воспользуется своим правом сценариста, начнет спорить, вносить коррективы. Но — Семенов все понял и принял эту сцену восторженно. Он сел, что она очень точна, и сказал, что обязательно внесет ее в роман, когда будет его переиздавать.

За этой рабочей ситуацией стоит человек, писатель с открытой душой. Он всегда готов помочь другим.

Семенов

а когда помогают ему, воспринимает это с благодарностью.

...Когда я мысленно пытаюсь воссоздать духовный портрет Юлиана Семенова, Юли, как мы его любовно называем, мне всегда вспоминаются наши встречи — нечаянные и запланированные, встречи дома, за рубежом, в искусстве. И везде Юлиан оказывается удивительно цельным человеком. Часто во время работы я за ним незаметно подсматривал. И удивительно: даже зная, что за ним наблюдают, он всегда оставался самим собой, на редкость естественным и — непредсказуемым. Он постоянно рвется в бой, всегда — в гуще событий. Не помню такого, чтобы он просто спокойно отдыхал. Когда ему ни позвонишь, он всегда в разъездах, в командировках, в поисках нового материала. И я каждый раз радуюсь за него, думаю: только бы хватило тебе сил...

Сейчас его «догнала» зрелость — шестьдесят лет. Я желаю, чтобы, перешагнув этот важный рубеж, он не снижал своего напора, так же бросался в гущу событий. Ибо его книги очень нужны, очень любимы всеми нами.

Александр БЕЛЯЕВ

Э то будет история про Мери и сапоги.

Не располагаю точными сведениями, родился ли Юлиан охотником, но то, что он им стал после первого же выстрела по проносящемуся в поднебесье чиру, в этом я могу поклясться. И не просто стал. Он буквально заболел охотой — этим прекраснейшим и увлекательнейшим видом спорта. Естественно, в нашу уже давно сложившуюся компанию опытных охотников он вошел как полный неумеха. И стрелять ему еще следовало научиться, и лесною грамотой овладеть, и навыков общения с природою тоже следовало поднабраться. И он, понимая это, не стеснялся и не скрывая, и расспрашивал, и прислушивался, и наблюдал. Но он привнес в новый для него коллектив много своего, такого, что сразу же заставило всех относиться к нему как к достойному партнеру. Теперь мне представляется, что главным, чем он вызвал к себе всеобщее расположение, были его неумность, искренняя готовность всегда и во всем помочь товарищу и полное небрежение к тому, в каких условиях придется жить и охотиться. Повезет остановиться в крестьянской избе — хорошо. Придется ночевать где-нибудь в шалаше, под лодкой — тоже пожалуйста. Вымокнув до нитки, терпеливо сушиться у костра для того, чтобы через час-другой снова попасть под крутой ливень, — и это его не пугало и нисколько не портило ему настроения. Ведь главное было дожидаться удачной зорьки...

В ту пору его писательская звезда только восходила. Он очень много работал. И нас не удивляло, что именно на охоте он находил разрядку и не только восстанавливал силы, но и получал массу дополнительных наблюдений и энергии, которые так необходимы для успешной творческой работы. Мы особенно часто выезжали тогда в Мещеру с ее сказочно красивой и богатой природой и в Весегонск, завлекший нас своей необычностью и непередаваемой прелестью глухомани. Впрочем, Юлиан довольно скоро почувствовал тягу к более дальним местам. А может, наслушавшись наших рассказов о том, что, конечно, тут хорошо, но вот в Карелии или в дельте Волги, уж не говоря о Ленкорани, — вот там да! — справедливо решал, что он уже и сам с усами, и, дождавшись открытия очередного осеннего сезона, махнул попытать счастья в охоте на гусей аж в далеком Заполярье. Потом он стал частым гостем и на Каспии, и на Кавказе. Ездил с нами, а иногда и один.

В одну из таких поездок мы отправились с ним вдвоем в Нальчик. Нас встречал и был на охоте нашим хозяином удивительной доброты и сердечности человек, будущий народный поэт Кабардино-Балкарии Максим Геттуев. Сам же Максим никогда ружья в руки не брал и поэтому свои хозяйские обязанности видел в том, чтобы утром отправить нас на охоту, а после нашего возвращения устроить, как и подобает у гор-

цев, хорошее застолье.

Охота начинается от Нальчика километрах в тридцати. Четвероногих и пернатых объектов охоты множество. Но мы избрали два: кабанов и фазанов. И таким образом имели возможность поохотиться и по зверю, и по птице. Но если успех охоты по фазану зависит на девяносто процентов только от умения стрелять влет, то, чтобы добыть желанный трофей с десяти — пятнадцатисантиметровыми клыками, требуется выкладываться до седьмого пота. Кабан неимоверно подвижен, крепко на рану, а в ярости свиреп и могуч. Свалить его, что называется, с первого выстрела удается далеко не сразу. Как не всегда удается и подставиться на верный выстрел. И бывали случаи, когда по одному и тому же зверю группа охотников, хочю подчеркнуть — опытных, из местных, стреляла по десять — пятнадцать раз, а из него и щетинки не выбивала. А бывало и так, что и по пять-шесть пуль кабан в себе уносил и добывать его приходилось километра за три через два-три увала.

На таких охотах мы стояли с Юлочкой всегда по соседству, и у меня была полная возможность видеть его, как говорится, в деле. Горя в ту пору он был немного. А во всем остальном вел себя достойно: за деревья от несущегося на него секача не прятался и мимо себя без выстрела его тоже никогда не пропускал.

— А при чем тут Мери и сапоги? — спросите вы.

Да все очень просто. В Москву по моему, даже скорее по приглашению Юлиана приехала Мери Хемингуэй. И Юла, конечно же, решил устроить для нее охоту по-русски. Вот и пришлось мне, благо подходил размер, отдать ей свои болотные сапоги...

Я уверен, еще придет время и мы с Юлочкой еще сбавим по парочке слезинки на жареху. Я, во всяком случае, этого очень желаю.

Валентин АЛЕКСАНДРОВ

П омню, как-то ты говорил, не без сожаления, что твои одноклассники и старые друзья могли бы и побольше уделять внимания не приятельским чувствам, а тому, что составляет для тебя главное, — литературе. Не то что сейчас хочу восполнить этот недостаток, просто огovarиваюс вначале, что не забываю о нем.

К 60-летию маститого писателя, метра политического романа Юлиана Семенова наверняка будет сказано весомо и высококвалифицированно о литературных достоинствах твоих произведений, многие из которых вошли в наш национальный художественный фонд и были достойно отмечены.

Мне же сейчас хотелось бы вернуться несколько назад, к тому времени, когда твое отчество еще не легло в основу твоей фамилии, а будущий писатель мог просматриваться лишь в игре фантазии организатора студенческих вечеров.

Позволь провести, может быть, и не совсем приятную операцию — на твоём примере, как человеке видном в обществе, выявить отдельные слагаемые гражданственности, порассуждать о факторах, если и не определяющих, то влияющих на становление творческой личности и ее успех.

Сказать, что на нашу долю досталось нелегкое время, было бы большой банальностью. Трагедия общества прокатывалась по нашим судьбам. Давящий рок был общим, но реакция на него — индивидуальной, поскольку у каждого по-своему болит душа, и положение того, кто харкает кровью, не то, что у смотрящего со стороны.

ВЫБОР

П омню, как примерно на третьем курсе ты круто изменился. Пышущий благополучием баловень процветающей среды, еще вчера ты являл пример устойчивого понятия золотой молодежи, а сегодня — посереживший парень с повернутым вовнутрь взором.

Такие трансформации нередко наблюдались тогда

в московской интеллигенции. О точных причинах не всегда знали, но в общем догадывались: кого-то из близких «взяли». На нашем курсе ребят с опрокинутой жизнью оказалось несколько. У тебя — отец — отец, у другого — брат.

Нам до сих пор неизвестны цифры арестованных в начале пятидесятых годов. Наверное, в различных слоях дело обстояло по-разному, но только среди моих школьных знакомых в непрестижной Марьиной роще таких было немало. Муж моей учительницы — военный, отец сверстницы — инженер автозавода, мальчишка-сверстник из нашего двора, еще один из соседей.

Вокруг тебя, Юлиан, было похлеще: сын известного драматурга, внук первого наркома, другие школьные одноклассники.

Сколько их было причислено к заговорщикам, шпионам, вредителям? Ушли без суда и вернулись через несколько лет без чести. Да и не все вернулись. А кто вернулся, распачивались приобретенными пороками до преждевременной смерти.

Мы прожили с тобой уже долгую жизнь, в которой было много всего, но память так устроена, что она хранит даже небольшие разговоры, если они касались добра и зла, а тем более поворотов судьбы, твоей ли, чьей-либо другой.

Репрессии в отношении моей родни ушли в прошлое с бурями 30-х годов. Когда общество стало менять кожу, когда индустриализации понадобились квалифицированные руки и клеймо «лишенца», «пораженного в гражданских правах» потеряло первоначальный убийственный смысл, мой отец стал частью рабочего класса, можно сказать, социальной опорой строя, а мы с братом — активными слагаемыми общества. На третьем курсе я был захвачен комсомольской активностью, где-то состоял, куда-то ходил.

В Институте востоковедения все студенты знали, что есть на втором этаже комната с железной дверью, рядом с отделом кадров. Никто, мне кажется, туда добровольно не заглядывал. Находился за той дверью человек с голой, как бильярдный шар, головой, о котором только-то и было известно, что его надо сторониться.

Находит меня как-то девочка из деканата и сообщает, что мне надлежит немедленно за ту дверь зайти. Иду. Комната, какими, наверное, бывают камеры. Решетка на окне. Закрывающаяся дверь щелкнула замком, не предвещая пустопорожнего разговора.

— У вас на факультете учится некто по имени Юлиан?

— Да, на афганском отделении.

— Он всюду обивает пороги, клеветает на советские органы, пишет, что его отца неправомерно осудили. Разве у нас допустимы ошибки в приговоре? Как может такой клеветник учиться в институте, разлагать окружающих да еще состоять в комсомоле? Гнать надо взашей сначала из комсомола, а потом из института. И не возражайте, что он имеет право. Нет у него права клеветать, а у вас — прикрывать его. Идите. Потом сообщите мне о решении. И больше никому ни слова.

Вышел я из той зарешеченной комнаты, как выпотрошенный. Несколько дней переваривал все услышанное, не представляя, что придумать.

Бывало у нас всякое. Кого-то из вытрезвителя вызволяли, на кого-то обвинительные письма приходили. Мы научились амортизировать административные удары в таких ситуациях. Устраивали разбирательство, объявляли взыскание. И все были при своих интересах — пушечные бомбардиры и воробы.

Но твои случаи был иным. Я не вдаюсь во все перипетии и переживания. Много лет спустя, встретившись как-то в Доме кино, мы вспомнили задним числом эту историю. Вспомнили, как долго вдвоем кружили по двору института и ты рассказывал о своих хождениях от инстанции к инстанции, о преодолении множества преград к встрече с отцом. «Не может он быть против Советской власти. Я всю его жизнь знаю, и как я могу ему не верить? И как же мне не добиваться пересмотра? Разве не было ошибок в прошлом? А вся

ежовщина не об этом говорит? И я нигде не пишу, что у нас неверный суд. Просто могут быть ошибки. Вот на отца она и случилась. Прошу об одном: пусть еще все тщательно проверят».

Логичная и не вызывающая сомнений позиция сына и просто честного человека. Пусть хлопочет. Это так естественно. Дело окружающих — не мешать ему, по крайней мере, а если есть возможность, то и чем-то помочь.

Так и было в основном. Преподаватели словно не замечали твоего сплошного отсутствия на занятиях. Товарищи помогали проскочить зачеты и экзамены.

Мне представляется, что именно проявившееся тогда стремление действовать, не смиряться с очевидным поворотом судьбы, а искать другой выход, пробиваться сквозь несокрушимые стены стали определяющей чертой не только характера, но и твоей литературной работы, того, что принято несколько выпрепенно называть творчеством.

ДЕЙСТВИЕ

Позволю себе высказать такую версию. Если бы в твоей жизни не было трагедии отца, скорее всего она обрела бы другой поворот. Как сын видного советского деятеля, скорее всего после института ты оказался бы где-нибудь на запанке, и дальше появились бы иные слагаемые, меньше выбора и больше предопределенности. Примеров среди наших общих знакомых — масса.

Из возможностей выбора, имевшихся тогда у людей нашей области знаний, реальных для тебя, даже после реабилитации отца, открывалось немного. Реабилитация ведь была половинчатой, недоверие оставалось. Ты выбрал журналистику, а в ней в качестве главного жанра — очерк, который выводил в художественную прозу.

Каждый человек неповторим в своих проявлениях. Что же касается духовного труда, то здесь вообще царство индивидуальности. Боже упаси говорить сложившемуся человеку: делай то, не делай этого!

Куда вернее, продуктивнее интерпретировать созданное писателем или художником, хотя, конечно, любая интерпретация отражает какие-то взгляды, позиции, интересы.

В твоём труде есть одна примечательная черта, которая отнюдь не является всеобщей для литераторов нашего времени и тем более не может характеризовать писателей прошлого. Это — перенос отработанных коллизий, сюжетов и характеров из одного вида литературы в другой.

Научно-техническая революция открыла новые возможности. И мы можем быть тебе благодарны, что ты не прошел мимо новых жанров искусства, нашел силы вдохнуть в литературных героев кино- или телевизионную жизнь. Практически это вновь был поиск, на этот раз по линии «повесть — пьеса — сценарий».

У тебя, Юлиан, этот поиск передачи характера героев в нескольких литературных жанрах, на мой взгляд, оказался чрезвычайно плодотворным. При всей многоотраженности опубликованных тобой книг некоторые персонажи стали широко известными и даже нарицательными в немалой степени благодаря экранной жизни.

То, что несколько поколений нашей детворы играют в Штирлица, служит наилучшим подтверждением достижений на избранном тобой пути. Это серьезно прибавляет веса медалям и орденам даже столь высоких номиналов, которыми отмечен твой труд.

Сейчас, когда ругаются многие представления о нашей истории, меняются идеалы, возрастает, мне думается, важность ценностей вечного достоинства. К ним, безусловно, относятся и смелость, граничащая с риском, и порядочность, что сродни благородству, и преданность долгу, вплоть до способности пожертвовать собой.

Твои герои наделены этими качествами в достатке. Возможно, поэтому они переживут наше лихолетье.

АГЕНТ ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Давняя проблема «поэт и царь» у нас за неимением формальных царей преобразилась в отношении «художник и власть». Здесь тебе «повесть» оказалась объектом многих слухов. Твое мнимое звание секретного сотрудника КГБ росло быстрее, чем щетина твоей бороды, и, кажется, сейчас молва приписывает тебе погони за зигзагами, не сходящая, правда, во мнения, сколько звезд посадить на каждое плечо. А может быть, прямо на маршала тянуть? Ну, как? Маршал КГБ! Неплохо. Такому многие позавидуют. Если потом расстреляют новые эсэры, то, по крайней мере, будет за что грешить подлую подставу.

Вообще-то ты зря все это отрицаешь. Признайся, что ты разведчик, начинал еще с полковником Исаевым, потом на космическую разведслужбу перешел, совершил шестнадцать выходов в открытый космос, добыл секрет создания «Патла», несколько раз появлялся над штатом Южная Дакота в корабле типа «летающая тарелка», что породило массу разговоров о пришельцах с других планет, вызвало легенду о «звездных войнах» и программу СОИ. Этому будет легче поверить, чем твоим отговоркам, будто ты офицер запаса и больше студенческих слоб в Гороховских лагерях с военными дела не имел.

Если бы существовала категория тайных членов КПСС, то вполне можно было бы признаться и в этом,

т. к. кто же поверит, будто тебе, беспартийному, «Правда» доверяла быть ее спецкором на ряде тайных революционных сходов, из которых одна была даже замаскирована под корриду? Нет, Юлиан! Ты в представлении многих, не только наших, доморощенных, обывателей — агент Интернационала, только никто не знает какого. Может быть, того, что считается пролетарским революционным гимном?

Однако если к делу подойти серьезно, то я не счел бы возможным пропустить один элемент твоих отношений с властью — стопроцентную и сразу поддержку курса на перестройку. Не рассчитывай, что это обязательно зачтется в плюс, кое-кто из твоих собратьев-писателей зачтет и в минус, особенно если кроме «Сорока способов любви» издательства перестанут выпускать иную литературу.

Конечно, таких издержек перестройки ты не предполагал, да и сам зачинатель нового курса на них не рассчитывал. Но, как известно, и жар углей дает золу.

На первых порах политика обновления, названная перестройкой, далеко не всеми была встречена с пониманием. Что же касается писательских, да и вообще интеллектуальных кругов, то, пожалуй, только публицисты на нее откликнулись возгласами одобрения.

Поэтому твои два письма, которые довелось читать и мне, были широко распространены. Как принято тогда было говорить, их разослали по начальству. Но это значит, что круг ознакомления был значительно большим. И дело было не только в доброжелательной позиции популярного писателя, но и в большом наборе позитивных идей, предложений, которые показывали обширные возможности преобразований, открытые перестройкой.

Для более узкого понимания ситуации это значило, что ты, не будучи связанным с бюрократической машиной власти, понял ее правила вращения идей, сразу же вписался и в этот творческий жанр. Но все доверяли тому, что прислано специально, с адресом. Да еще если разослано ограниченному кругу лиц. Каждое общество имеет свой язык, и, чтобы быть услышанным, надо владеть соответствующими средствами общения. Ведь либерализация, не будем себя обманывать, пришла сверху. Таким образом, интуиция, стремление к результативности подсказывали: грядущему обновлению надо помогать.

Думаю, что и сейчас, если бы тебе позволяло здоровье, ты нашел бы возможность поискать путь к благоразумию в стихии разбуждавшихся страстей. Причем средствами, адекватными текущему времени.

Припоминаю, как мы встретились с тобой в зимний, малоподходящий для курортной жизни сезон в Карловых Варах, кажется, в 1980 году. Ты жил тогда в «Империале» на горе, а мы с женой в центре города в «Бристол».

Чуть ли не каждый вечер мотались по окрестным кинотеатрам, иногда отыскивая их где-то далеко. Там шли боевики различных стран, и каждое посещение, как мы наблюдали, становилось предметом анализа, сопоставления и прикидок. Шло накопление опыта по образцам.

И в промежутках между рандеву с медициной, которая выполняла твой заказ — уменьшить тебя на десять процентов, ты мчался на частную снятую квартиру. Не для курортной интрижки, как могло бы показаться, а только для того, чтобы с коллегой-соавтором, приехавшим из Москвы, отработать очередной сценарий.

Наше пребывание там совпало дней на десять, и не помню, чтобы ты соблазнился на глоток иного напитка, кроме минеральной воды из источника № 8. Если несведущим серебристая клема в ухе казалась твоим экзотическим украшением, то знакомым было известно, что это попытка найти панацею от подступающих недугов.

В конце концов, они-таки настигли. Может быть, кому-нибудь покажется, что тебе имело бы смысл сбавить рабочий темп, что-то отставить, от чего-то отказаться. Обычно в таких рассуждениях бывает большая логика. Только жизнь, по-моему, в логическую схему трудно умещается.

Ты, Юлиан, очень доходчиво, в лицах двух спорящих представил одно из глубочайших размышлений, вошедших в Библию двадцать первой книгой, от Екклесиаста, или Проповедника. Это насчет времени разбрасывать и собирать камни. Как ты помнишь, двумя стихами выше там есть и такая диалектическая пара обусловленностей: время убивать и время врачевать.

Прислушаемся к словам старой книги. Право же, не зря ее собирали на протяжении веков. Настало время врачевать. Это, между прочим, относится не только к твоему здоровью. Все определеннее становится и другой вопрос: не пора ли прекратить убивать все наше общество, не настало ли время его врачевать?

Может быть, я утомил тебя таким пространством письмом. Прости меня. Но мне думается, что нарабатываемой тобой интеллектуальные ценности представляли такой общественный интерес, который оправдывает расходы на бумагу. Ну а мой труд не в счет, для такого случая он — в удовольствие. Надеюсь, что доброе слово вообще допустимо для нормальных человеческих отношений и менее знающих друг друга людей.

Пусть эта речь будет тостом за твое здоровье. И каждый из нас пригубит то, что ему на сегодня не противопоказано.

Поправляйся, Юлиан!

Это наиболее полное собрание сочинений известного советского писателя — крупнейшего мастера острозаметного жанра. Помимо получивших широкое признание «Политических хроник» с главным героем советским разведчиком Исаевым-Штирлицем в издание включены романы «Петровка, 38», «Огарева, 6», «Противостояние», «ТАСС уполномочен заявить», «Репортер», «Тайна Кутузовского проспекта», «Ненаписанные романы», а также повести, рассказы и дневники писателя.

Собрание сочинений издается тиражом 300 тыс. экземпляров в 1991—1992 гг. Цена одного тома в твердом переплете — 19 руб. По вопросам приобретения обращаться в арендный магазин «Находка» и его филиалы по адресам в городе Москве: — набережная Мориса Тореза, 36 (тел. 231-73-60); — Калининский проспект, 21 (тел. 291-13-47); — набережная Тараса Шевченко, 1 (тел. 243-37-03); — Ленинский проспект, 76 (тел. 930-45-45); — Товарищеский переулок, 3 (тел. 271-21-07).

Оптовым покупателям предоставляется торговая скидка.

Московская штаб-квартира
Международной ассоциации
детективного и политического
романа
Советско-французское
издательство «ДЭМ»

Читателям хорошо известен очерк Ю. Семенова «Скорцени — лицом к лицу», в котором он рассказал о встрече с штандартенфюрером СС. Но как удалось советскому писателю встретиться с главой отряда особого назначения, подчиненного лично Гитлеру? Об этом отрывок из нового «ненаписанного романа».

Несколько лет назад «Радио Свобода» передало комментарий моего давнего приятеля Анатолия Гладиллина, в котором он — в очередной раз — пожурил меня за то, что я встречался в Мадриде с освободителем Муссолини штандартенфюрером СС Отто Скорцени по заданию КГБ: «два аса разведок обменивались информацией, интересно бы узнать — какой именно?».

Я не стал тогда отвечать Гладиллину, но сейчас решил опубликовать эту главу из дневниковых «ненаписанных романов» потому, что слишком часто получаю записки на читательских встречах с просьбой рассказать о ночной беседе с председателем «Антибольшевистского блока народов», с одной стороны, и, с другой, оттого, что обязан рассказать о трагической судьбе моего покойного испанского друга Хуана Гарригеса-Волкера, которому я обязан встречей со Скорцени.

Нет нужды объяснять, как мне было интересно встретиться со Скорцени, который ни разу не принял ни одного журналиста — даже из самых правых изданий, а ведь он был любимцем фюрера, фанатиком идеи национал-социализма, утверждавшего богоизбранность арийцев, страстным подвижником гитлеровского антисемитизма. Тем более дело происходило в Испании, во времена франкизма, традиционно дружеского к Гитлеру. Впрочем, франкизм той поры (а это был семьдесят четвертый год) уже был припудрен туризмом, правом на выезд из страны и возможностью аккуратно критиковать определенные недостатки Системы, не поднимаясь, понятно, выше уровня заместителей министров; если речь шла о члене Кабинета, дело решалось не в цензуре даже, а в идеологическом отделе «Министерства Партии» — так назывался ЦК фашистского фаланги, переключившийся с борьбы против «растленного империализма» и «варварского большевизма» на фанатичный поиск главных врагов нации — мазонов.

...Именно Хуан Гарригес познакомил меня с Сиснейросом — молодым человеком, в прошлом рабочим, а тогда — ответственным секретарем ЦК «фаланги». Подчеркнуто скромный, молчаливый, с огромными вдумчивыми глазами, он, слушая, казалось, вбирал в себя каждое слово, как бы обсматривая его перед тем, как заложить, — раз и навсегда, — в потаенные сейфы памяти.

Встречались мы пару раз в «Клубе финансистов», принадлежавшем клану Гарригесов: отец, дон Антонио, был послом Франко в США, потом его перевели в Ватикан, а затем уволили в отставку — слишком либерален; был женат на американке миссис Волкер, заражен духом линкольновского волюнтаризма; старший сын женат на дочери графа де Мотрико — тоже стоял в оппозиции к Франко; средний — связан с бизнесом США, до сих пор представляет интересы ИТТ.

Несмотря на то что Сиснейрос знал, кому принадлежит «Клуб финансистов» (ужих сюда не пускают), тем не менее разговаривать остерегался, видимо, имел информацию о том, что стоили здесь каким-то образом, несмотря на «собственную» охрану, прослушиваются людьми из Пуэрта Дель Соль, небольшого средневекового здания в центре Мадрида, где помещалась тайная полиция Франко.

Лишь однажды Сиснейрос приоткрылся: когда мы вышли из Клуба, он коротко бросил:

— Сейчас наша задача состоит в том, чтобы загоня привнести в ряды фалангистов элемент социализма... Да, рискованно, однако в этом я вижу единственный выход: в противном случае, после смерти Франко, нас ждет новая гражданская война...

Сейчас я все более и более задумываюсь над словами тех, которые во время дискуссий о нашем трагическом прошлом утверждают, что, несмотря на ужас ста-

линского террора, в нашей стране, тем не менее, был построен социализм. Ой ли? Если Сталин уничтожил коммунистов в сотни раз больше, чем Гитлер, Муссолини, Франко, Пиночет, Салазар, Чан Кайши и Стресснер, вместе взятые, то о каком социализме может идти речь? Социализм без коммунистов-ленинцев? Социализм, который стали определять малограмотные горлопаны, пришедшие на смену убитым партизам, рабочим, интеллектуалам, справным мужикам?

Кровавый террор, геноцид, надругательство над человеческим достоинством и социализм — явления, друг друга взаимоисключающие.

Заслуга Горбачева в том и состоит, что он работал в условиях подполья, ибо если мы будем и брежневское безвременье определять «социализмом», то снова останемся мелкими лгунами, не способными на реальную борьбу и обновление.

Безда в том, что мы до сих пор не отменили антисоциалистических (по сути и форме) сталинских и брежневских законов, постановлений, уложений, разъяснений, которые были определены еще в конце двадцатых и оказались удобными тем, кого Сталин привел с собой к власти, а привел он людей с трусливой, рабской психологией.

Красные патриоты, которые никак не хотят связывать трагедию сталинизма с отсутствием в дореволюционной России устойчивых демократических традиций, оказывают медвежью услугу будущему, призывая народ искать корень зла вовне, а не внутри.

Если мы снова начнем кричать, что «Россия — родина слонов», слоны у нас все равно не появятся, климат не тот. Если не на словах, а на деле думать о будущем (не своем, мы — проигранное поколение, мы в свое время дали раздавить себя катком), о тех, кто идет следом, кому сейчас двадцать, надо говорить Правду.

Если мы привычно начнем винить прибалтов в «национализме», исключив из поля зрения такие проблемы, как попытка насильственного превращения Таллинна в русский город, как московские приказы, вынудившие цветущие республики решать «продовольственную проблему», которой у них не было, мы национальный вопрос не решим: о попытке Сталина с насильственным высыланием целых народов являются плохой копией с гитлеровского «окончательного решения еврейской проблемы» или «уничтожения сорока процентов славянских недочеловеков»; мир теперь стал слишком маленьким; цивилизованное человечество, наученное опытами Гитлера и Сталина, не позволит повторения государственного зверства; хватит; люди уже стояли на грани тотального уничтожения от рук маньяков и послушных им орд...

...Я не смею снимать с себя вину за то, какой ужас творился в стране в конце сороковых — начале пятидесятых. Я тогда учился в Институте востоковедения и, вплоть до ареста отца, работал лектором МГК ВЛКСМ.

Однажды меня отправили выступать в рабочие общештеты Орехово-Зуева. Тема лекции была в ту пору типичная: о том, как капиталисты Запада угнетают трудящихся.

Материалы об этом были обширные, классифицированы и подобраны вполне искусно, запомнить легко, оперировать еще проще. Поскольку на Западе никто из нас не был, на лекциях мы заливались слезами.

Там, в Орехове, после того как я кончил просвещать стариков и дитяшек, пополнился аплодисментами и предложил задавать вопросы, поднялся беззубый старик в ватнике и, комкая шапку в огромных, с синими жилами на измученных работой руках, прокричал:

— Спасибо товарищу Сталину, за нашу свободную и счастливую жизнь! Ни в одной стране мира рабочий

человек не живет так хорошо, как на родине победившего социализма!

Старики и дети снова зааплодировали; вопросов не задали, стали быстро расходиться...

Я попросил деда показать его квартиру.

Он с радостью согласился, повел меня по тюремному коридору общежития, остановился возле покосившейся двери, отпер ее (замком было три), пропустил первым:

— Заходи, товарищ лектор, гостем будешь...

Комната была узенькая, как пенал, одна стена — фанерная, оконце под потолком, маленький кухонный стол, покрытый клеенкой, четыре табуретки, две раскладушки у стены, койка с металлическими шарами, возле двери — керосинка и умывальник. Холодильников тогда не было — роскошь, телевизоров тоже. Над койкой висел портрет вождя, вырезанный из журнала.

— Вы тут давно живете?

— Так ведь уж давно, — живо откликнулся дедок. — С тридцать второго... Раньше-то в деревне жил — ни водопровода тебе, ни электричества с радио, — он кивнул на картонную лепешку репродуктора (приемники тогда тоже были в редкость, все больше трофейные, но слушать их боялись, тех, кто нарывался на «голоса», сажали по статье 58-10 — до десяти лет лагерей, «антисоветская пропаганда»), — ни, наоборот, бакалейной лавки — бабка сама хлеба пекла, спину гнула от зари до зари, а теперь счастье настало, никаких забот рабочему человеку, только трудись на благо Родины!

— А сколько получаете?

— И-и-и, милый, хватай! Семьсот двадцать чистыми, — хоть и на заем отдаю две зарплаты со всей моей добровольной радостью!

(Бутылка водки с «черной головкой» стоила тогда девятнадцать сорок, туфли — двести тридцать, пальто — тысячу пятьсот, «шифонеров» в продаже не было, хотя «выбросили» машину «ЗИМ» — всего, кстати, за сорок тысяч, следовательно, дедок мог набрать на автомобиль за пятьдесят месяцев, четыре года, но при условии, что ни пить, ни есть не будет и обую новую не приобретет... Знал товарищ Сталин, чем уболажить усталость рабочего человека: поллитра можно было хоть каждый день принять, а как ее засосешь — так ведь и небо в алмазах...)

От деда я вышел с ощущением потаенного ужаса: шесть человек в семиметровой комнатке, одна уборная на этаж (не менее как на десяти человек, строили-то барак еще при царе, а при Сталине квадратные комнаты перегородили в узкие пеналы), и при этом старик и искренне говорил о счастье...

Когда тебя, студента второго курса, принимают за твои лекции в члены-соревнователи общества «Знание», платят за час молюббы языком пятьдесят рублей (по-настоящему пять, а тогда — две бутылки с закуской), недопустимо-крамольная мысль про то, как ужасно живут трудящиеся в «стране победившего счастья», уступает место иной, отъединяющей тебя от людей, ставящей в положение верховенства, приобщенности к элите, — притча о тридцати сребренниках никогда не умрет из-за людского несовершенства, рожденного о честнотобойной корысти.

Нас тогда, видимо, не столько обманывали, сколько покупали — умело и расчетливо. Такова правда, и надобно ее сказать себе открыто и честно, хоть и мучительно это. Куда как легче защищать себя, сваливая все на Сталина; нет, увы, все мы одним миром мазаны.

...Словом, испанская эпопея — я попал в Мадрид сразу после джунглей военного Вьетнама, в семидесятом, благодаря незабвенному Роману Кармену, — была подростку необходима мне, ибо я боялся, быд, увидеть

функционирующий фашизм генералиссимуса Франко. «лучшего друга детей, рабочих и крестьян», давшего приют нацистскому преступнику Отто Скорцени, и соотнести (для себя, не для прессы) фигуру штандартен-фюрера, подчеркивавшего свое преклонение перед «гением Гитлера», с теми у меня дома, кто продолжал класть земные поклоны памяти «великого Сталина».

Начал я подражаться к Скорцени во время первой поездки в Мадрид: покойный ныне режиссер Антонио Альварес, ученик Кармена, свел меня с генерал-полковником Молина, последним военным атташе Франко при ставке фюрера.

Встречу генерал-полковник назначил в самом феешенебном отеле; Антонио посмеялся: «Там чашка кофе дороже бутылки вина в лавке»; приехали мы загодя, чтобы осматреться.

Генерал опоздал всего на три минуты (вообще-то испанцы умели тогда опаздывать, как и мы сейчас, на полчаса, а то и больше, только-только втягивались в европейский бизнес, который прощает все, кроме опозданий, «время — деньги»). Маленький, скромно одетый, с розеткой высшего франкистского ордена в лацкане пиджака, он выслушал мою просьбу и сразу же ответил:

— Скорцени — мой старый и добрый товарищ. Я не вижу никаких трудностей, встречу гарантирую. Но — давайте начистоту: чем вы сможете отплатить мне за эту услугу?

Я не понял его.

— Все очень просто, — пояснил генерал. — Пенсия у меня достаточно маленькая, нужны деньги, в Испании сейчас дефицит на асбест, помогите мне заключить контракт с вашими фирмами, производящими эту штуковину, сделка взаимовыгодна.

В Испании тогда не было нашего торгпредства, сидели представитель Черноморского пароходства Виктор Дырченко и его заместитель Сергей Богомолов, ставший, ясное дело, нашим первым послом, после смерти Франко уже.

Отвечать старику отказом было неразумно, я сказал, что попробую разузнать, что могу сделать, и начал расспрашивать о том, как он провел свои последние дни в Берлине.

Антонио Альварес (мы звали его «Антоша») заказал кофе, генерал оживился, забросил ножку на ножку (они у него были маленькие, как у ребеночка) и начал:

— Самое сильное впечатление у меня осталось от завтрака у генерала Андрея Власова в Вюнсдорфе, под Берлином... Это была середина апреля сорок пятого... По-моему, именно в этот день маршал Жуков прорвал оборону и покатыл к столице рейха... Знаете, что меня покорило во Власове? Абсолютная четкость формулировок! Настоящий кадровый военный: «Война проиграна из-за идиотизма немцев, которые вовремя не дали мне оружия! Только мы имели возможность остановить Сталина! Я — его ученик, я умею читать его ходы. Война — это увеличенные до гигантских размеров шахматы... А Гитлер думал, как слепой фанатик: «Славы нам нельзя верить»...» Тут один из офицеров вермахта, знавший русский, сделал генералу резкое замечание: Власов напрягся, потом откинул голову, — облик был похож на сельского учителя, — и рубяще произнес: «Вон из-за стола! Чтб духу вашего здесь не было!» И понул немеских офицеров уйти! Да да, прогнал!

Я спросил, что подавали к завтраку.

— Еда была очень русской, — ответил генерал-полковник. — Блины, на которые надо было класть топлное масло с рублеными яйцами и чуть поджаренным луком, водка, конечно, хо я Власов пил мало... Вообще, в доме был истинно русский запах, это врезалось в память...

— Что значит «истинно русский» запах? — поинтересовался я.

— На это трудно ответить, — подняв на меня уставшие, чуть слезящиеся, но совершенно непроницаемые глаза, генерал сделал крошечный глоток кофе. — Какая-то теплота, полнейшее спокойствие и странное ощущение, что пронесет; оно, это ощущение, было скрыто именно в запахе, определявшем суть дома Власова... Я не умею объяснить это иначе... (Язык генерала, как объяснил мне потом Антоша Альварес, был изысканно кастильским.)

— Как выглядел дом Власова, генерал?

— Два льва у парадного подъезда, — ответил Молина. — Морды на сложенных лапах гривасты, но вполне миролюбивы...

(Я нашел этот дом в Вюнсдорфе; принохивался; запахи были немецкими: торфяные брикеты и уют старой деревянной лестницы.)

...Я уже писал однажды, что рассказывал мне о Власове его старый знакомый Роман Кармен. Однако, видимо, стоит повторить. О нем, об «Андре», о генерал-лейтенанте Власове, серебряноголовый, голубоглазый, предельно элегантный Кармен рассказывал несколько раз — особенно во время его сражения против начальника Политуправления Советской Армии Епишева, равно удобного для Берия (он был его заместителем) и Брежнева с Гречко, которому солдаты, превращенные в средневековых рабов, воздвигали охотничий дворец в Красной поляне, таская мраморные плиты на спинах по горным тропам.

На Епишве лежит прямая ответственность за преждевременный уход Кармена: «Он смеет говорить, что я делаю мою «Неизвестную войну» в угоду американским империалистам, — задыхался Кармен, — слоняный безграмотный боров!»

Кармен познакомился с Власовым до войны; если

мне не изменяет память, либо в Китае, где «Андрей» был военным советником с мандатом, подписанным вождем, либо сразу после трагедии в Испании.

И Кармен был последним из наших, кто видел Власова перед его пленением под Волховом.

Я знал подробности этой последней встречи двух членов ВКП(б) — фронтового кинооператора и генерала, главнокомандующего Армии, одного из любимцев «гениального стратега и полководца»; именно поэтому я и задал вопрос Молина:

— Скажите, Власов был принципиальным человеком?

— Бесспорно... Это был убежденный борец против сталинского деспотизма, рыцарь идеи — нравится она вам или нет...

А вот рассказ Кармена: «Я ночевал у него в землянке; перекусили при свете керосинового фонаря чем бог послал, выпили бутылку водки; как рефрен, Власов повторял все время: «Римляе, не паникуй, пока с нами товарищ Сталин, ничего не страшно, свернем шею Гитлеру, только верь Иосифу Виссарионовичу, как отцу, верь, в нем — спасение России, надежда и счастье наше...»

А спустя несколько месяцев он возглавил русское фашистское движение...

...Лилия Юрьевна Брик во время наших прогулок по сосновому николагорской дороге вспоминала, что за полгода перед арестом группы высших советских военачальников во главе с Тухачевским к ее мужу, командиру червонного казачества Виталию Марковичу Примакову, переведенному тогда в ЛенВО, чуть не каждый день приходили коллеги, приезжали люди от Уборевича и Блюхера.

— Допускаете мысль, что они готовили смещение Сталина?

— А почему не допустить?

Такую же мысль высказывал и Орлов, резидент НКВД в Испании, ставший, как и герой Октября Раскольников, невозвращенцем; Орлов не выдал ни одного из своих товарищей по борьбе, а ему было кого выдать, — значит, ушел по идейным соображениям, не мог более позволить себе служить слепым орудием в руках антикоммуниста Сталина.

И Раскольников, посол СССР, никого не продал, а знал — как посол — многое. Он просто обвинил Сталина в фашистском термидоре — поступил как высокоинтеллектуальный человек, а не изменник.

Увы, заговора против Сталина наши военные во главе с маршалом Тухачевским не готовили.

Фельдмаршалы Роммель и Виттебен, когда поняли, что Гитлер ведет страну в пропасть, приняли участие в подготовке переворота, и пора нам наконец пересмотреть свое отношение к «заговору 20 июля», это был не заговор, а героическое движение тех из немецких военных, кто прозрел, а прозрев, нашел в себе мужество действовать.

Бороться со сталинской тиранией, опираясь на гестапо, сотрудничая с теми, кто называл твой народ «стадом славянских недочеловеков», — нельзя считать «принципиальностью», с какими бы мерками ни подходить к тем, кто оказался в рядах власовцев, волю или неволю.

...Клан Гарригесов был построен по законам патриархата: отец, дон Антонио, распределил между детьми сферы влияния: старший сын (умер от рака крови) курировал связи с Европой, средний — с Америкой, а младшему, Хуану, отец предложил заняться налаживанием контактов с Советским Союзом.

Он поставил младшего на этот «куласток» потому, что Хуана, студента первого курса университета, арестовала тайная полиция Франко. Повод — участие в подпольной организации, ставившей целью реформу общества, легализацию партий и право на свободу слова и собраний. При генералиссимусе надо было получать разрешение секретной полиции на встречу, если собиралось более десяти человек; Франко неплохо платил рабочим, давал калымить бизнесменам, но что касалось цензуры и арестов за требование гражданских прав — в этом «отец нации» был человеком суровых правил: «Народ должен хорошо есть, тотально молчать и повиноваться любому слову начальства».

Пять месяцев Хуан отсидел в тюрьме, а потом его выслали к отцу, в Вашингтон, на «перевоспитание».

...Когда после поездки в Испанию я возвратился в Москву с разработанной с Хуаном идеей устроить обмен выставками: музей «Прадо» — в Москву, Третьяковка — в Мадрид, над мной посмеялись:

— Твоего Хуана в Америке ЦРУ перевоспитывало...

Лишь один человек отнесся к нашему предложению с пониманием — министр культуры Екатерина Алексеевна Фурцева.

...Мы довольно бездумно проходим мимо того факта, что имя Брежнева в кандидаты Политбюро и секретари ЦК внес не кто-нибудь, а именно Сталин; генералиссимус попустил в такие списки никого не включая, значит, сделал ставку; самый молодой из вождей, всего сорок шесть лет; впервые проверил надежность Леонида Ильича еще в 1937 году, выдвинув на партийную работу (посадил в кабинет расстрелянного «врага народа», секретаря горкома), провел по Красной площади на Параде Победы, подписал решение об «избрании» Брежнева первым секретарем Запорожского и Днепронетровского обкомов, когда тому было тридцать девять годов, присмотрелся к нему во время трудов праведных верной тройцы — Брежнев — Щелоков — Черненко — в Молдавии.

...Меня умиляют сталинисты, которые катят бочку на Брежнева: «Звезд навешал, совесть потерял, героем войны себя выставил».

Пусть лучше катят бочки на своего обожаемого сатрапа: именно он привел Брежнева вместо расстрелянных ленинцев; с него, со Сталина, и спрос. Не зря именно Брежнев стал во главе заговора против Хрущева: смерть «лучшего друга советских физкультурников, детей, пожарных и ученых» выбросила Брежнева и из Президиума ЦК КПСС, и из секретарей ЦК... «Отправили на низовку» — начальником полуправления флота. Как же он о Сталине, бедолаге, скорбел! Как же он ненавидел Никиту, осмелившегося поднять руку на Великого Отца!..

...Помню, как Фурцева, выслушав меня, вздохнула:

— Идея прекрасная, помогу, чем могу... Теперь мне легче помогать, — она встала из-за стола, отошла к окну, выходящему на улицу Куйбышева, поманила меня пальцем и, понизив голос, прошептала: — Когда я была там, — Екатерина Алексеевна подняла глаза к потолку (ее уже давно вывели из Политбюро), — сердце атрофировалось, только холодная логика: «кому понравится, что подумают, кто возразит», постоянная балансировка, как на канате... Мне теперь легче помогать, — повторила еще тише, — хоть часть грехов простится за это старание, грустно улыбувшись, заключила она. — Давайте попробуем.

Попробовали.

Ничего не вышло.

А ведь этот обмен экспозициями, по нашему с Хуаном Гарригесом замыслу, должен был стать первым шагом на пути к созданию «Общества культурных связей Испания — СССР»!

...Денги на Западе считать умеют: после этого не туристского, а человеческого путешествия, которое давно принято в правовых государствах (там ты можешь ездить туда и так, как тебе заблагорассудится, арендовав машину в прокатном офисе, останавливаясь на ночлег не в отеле, а в любом доме, — если договорился с хозяином, зная при этом, что ни его, ни тебя за это в тюрьму не посадят и доносы писать не поудят), дон Антонио Гарригес выделил сыну деньги, помог создать фирму и благополучно его бизнес с Советским Союзом.

...Бедный Хуан... В какие только двери Миннвешторга он не стучался! Как не старались помочь ему я и мои друзья! А внешторговцы заключали сделки с подонками, которые, урвав куш, забывали о Москве, но любому предложению Хуана отказывали, как бы интересно оно ни было: «Не торговцев, папешкин сын! Бизнеса не знает»!

Его братья, ориентировавшиеся на США и Западную Европу, преуспевали; Хуан, бывший за установление прочного экономического моста между Мадридом и Москвой, стал объектом насмешек: «Мы тебя предупреждали: с русскими дело иметь невозможно, сам виноват...»

...Но это было потом — после того, как дон Антонио Гарригес стал министром юстиции в первом послефранкистском правительстве, а граф Мотроко его свекор — министром иностранных дел; в Испании начались перемены, у нас продолжалась пора болота, в котором последовательно реанимировались сталинские самодержавные порядки: без разрешения Центра любая инициатива — подсудна, преступна и обжалованию не подлежит, человек — червь, пока не прикажут — не смей, нишкни!

...Когда однажды мы с Хуаном вернулись от Масисель, выдающейся певицы, нашего с ним доброго друга, и сели ужинать (это был ранний ужин, часов в одиннадцать, в Мадриде и Андалузии к столу обычно садятся в полночь), мы снова и снова, в который раз уже, чертили схемы и строили планы на будущее, думая, как бы пробить брешь в стене нашего бюрократизма; стена была зыбкая, эластичная, и в этом были ее главная сила и безнадежный ужас...

Кармен, жена Хуана и его ангел-хранитель, заметила:

— Сегодня в «Иа» была большая статья о том, что вы, — она посмотрела на меня, — намерены реконструировать асбестовые заводы на Ураче. Может быть, Хуану предложить технологическую помощь? Финансировать новое строительство?

Я рассмеялся, вспомнив генерала Молина.

— Ты что? — спросил Хуан. — По-моему, Кармен внесла интересное предложение...

Я рассказал про Молина с его «скорценивско-асбестовым» проектом; расхохотался и Хуан; это было совсем как у Ильфа с Петровым: «нарзанные поклады» смея, великое отдохновение, сброс стресса...

— Ну и он устроил тебе встречу с Отто? — спросила Кармен.

— Какое там...

— А ты по-прежнему хочешь с ним увидеться?

Конечно.

Хуан поднялся из-за стола, спустился к телефону в гостиницу, набрал номер отца; тот отозвонил через пять минут, пригласил меня к аппарату:

Хулиан, завтра в семь вечера Скорцени будет в нашем «Клубе финансистов», я и Хуан познакомим тебя с ним, — дон Антонио усмехнулся. — Кстати, Отто тоже интересуется асбестом, это не шутка, он вложил деньги и в эту индустрию...

1987 г.

СЛЕДОВАТЕЛЬ,

который
вел
дело

ЛЕНИНА

Юрий ИДАШКИН

До революции имя Александрова не сходило со страниц газет. Блестяще проведенные им расследования об отравлении Бутурлина доктором Панченко и об убийстве артистки Тимме, дело Орлова-Давыдова и артистки Пуаре, Ольги Штейн, а также известного педагога, воспитателя великих князей Дю-лу по обвинению в развратных действиях принесли Александрову широкую известность и спискали

ему репутацию проницательнейшего криминалиста. Однако политических дел ему не поручали, и, разумеется, не случайно. При расследовании нескольких подобных дел, в исходе которых были весьма заинтересованы власти, Александров обнаружил столь твердую категорическое нежелание понимать намеки и уступать давлению, что стал негодным. Началось это, когда расследовал дело о покушении на С. Ю. Витте, которое власти стремились приписать революционерам, Александров доказал, что покушение — провокация сотрудника охраны Казанцева (об этом подробно написал в своих воспоминаниях сам С. Ю. Витте). Выдающийся специалист своего дела, вдумчивый, умелый, добросовестный, он был одержим поиском истины. Ведь именно установление истины делает возможным и наделяет смыслом всю деятельность правоохранительных органов. Если истина не найдена и не доказана, правосудие мгновенно теряет свою нравственную основу и становится страшным инструментом аморальности, калечащим не только индивидуальные судьбы, но и общественные нравы. Александров это глубоко понимал и служил истине не только компетентно, настойчиво и умело, но и убежденно. Именно за это он и поплатился жизнью. Ибо главным обвиняемым по уголовному делу, последнему делу, расследованному следователем Александровым, был Владимир Ильич Ульянов (Ленин).

Дело против большевистского руководства было возбуждено через несколько дней после событий 3—5 июля 1917 года, которые официальная советская историческая наука трактует как мирную, да еще и стихийную, демонстрацию, к которой лишь из-за своей неотделимости от народа позднее присоединились большевики. В действительности большевистская военная организация обеспечила явку на демонстрацию сочувствующих ей воинских частей с оружием, а ее агитаторы, в том числе Ленин и Троцкий, хотя и не призывали тогда к штурму Зимнего, но требовали немедленного свержения Временного правительства. Это и стало одним из главных пунктов обвинения большевиков в том, что они «...состоя в русском подданстве, по предварительному между собой и другими уговору, в целях способствования находящимся в войне с Россией государствам, во враждебных против нея действиях, вошли с агентами названных государств в соглашение содействовать дезорганизации русской армии и тыла для ослабления боевой способности армии, для чего на полученные от этих государств денежные средства организовали пропаганду среди населения и войск с призывом к немедленному отказу от военных против неприятеля действий, а также в тех же целях в период времени с 3 по 5 июля 1917 года организовали в Петрограде вооруженное восстание против существующей в государстве верховной власти, сопровождавшееся целым рядом убийств, насилий и попытками к аресту некоторых членов правительства, последствием каковых действий явился отказ некоторых воинских частей от исполнения приказаний командного состава и самовольное оставление позиций, чем способствовали успеху неприятельских армий, то есть в преступных деяниях, предусмотренных 51, 100 и 108 п. 1 ст. Уголовного Уложения».

Естественно, что политическая обстановка в стране и обеих столицах была крайне накалена. И если добавить к этому, что в распоряжении следственной комиссии оказались очень серьезные улики против Ленина, Троцкого, Зиновьева, Луначарского, Коллонтай, Козловского и других большевистских руководителей, подтверждавшие их сотрудничество с немецкой и австро-венгерской разведками, остается лишь восхищаться той добросовестностью, которую проявил Александров при расследовании дела.

Для проверки показаний даже весьма надежных и безупречной репутации свидетелей Александров проводит множество новых допросов, привлекает десятки других свидетелей, истребует огромное количество документов, справок, как из отечественных, так и зарубежных учреждений. Скрупулезность его потрясает. Он не торопится ни с арестом, ни с допросом Ленина, он не только выпускает на свободу под залог Троцкого, Луначарского, Коллонтай, но и способствует внесению ими залога, лично помогая Луначарскому и Коллонтай собрать необходимую сумму.

Однако довести следствие до конца не удалось. Следующая попытка большевиков захватить власть увенчалась успехом.

Осенью 1918 года уже начавшего работать в советском учреждении Александрова, его дочь (тут же, правда, выпустив) и зятя, тоже бывшего судебного работника, арестовывают и заключают в концлагерь «до окончания гражданской войны».

Но 26 июля 1919 года зятя по ходатайству Демьяна Бедного на имя Ф. Э. Дзержинского освобождают. (Как видим, нарушения того, что впоследствии получило наименование социалистической законности, начались вовсе не в тридцатые годы, а буквально в первые месяцы советской власти и происходили, так сказать, в обе стороны: то есть по воле власти не только сажали, но и освобождали.) Александрову никто не порадел, и пришлось ему, как всегда, пробиваться собственным трудом: ведь и своего дореволюционного положения добился он не родовитостью и богатством.

Находясь в концлагере, он был привлечен администрацией к работе в канцелярии и так наладил дело, проявил столько трудолюбия, добросовестности

и компетентности, что привел одного за другим двух начальников лагеря в совершеннейший восторг, в состоянии которого один из них ходатайствует перед «заведующим лагерями Республик» (великолепное название должности, не правда ли?) товарищем Медведем о досрочном освобождении Александра, заслужившего полное доверие, и об оставлении ценного работника («в лагере для занятий с проживанием в нем»). Но «заведующему лагерями Республик» тоже нужны ценные работники. И бывший царский следователь становится управляющим делами у возглавлявшего тогда будущий архипелаг ГУЛАГ Филиппа Демьяновича Медведа. Да, да, того самого, который «не уберет» С. М. Кирова от своего заместителя, за что удостоился личной пощечины якобы рассердившего Кобы, нуждавшегося в мертвом Кирове значительно больше, чем в живом. Правда, задержавшись в аппарате столь элитарного учреждения новой власти Александру не удалось. Несмотря на самое положительное мнение Медведа о его деловых и личных качествах, Александру пришлось из-за своего прошлого уйти «из системы». Но он сравнительно неплохо устроился юристом-консультантом Сахаротреста. И вдруг — вызов в ОГПУ. И снова — дело Ленина.

А теперь попытаемся оценить то, что он говорил на допросе, с учетом обстоятельств его еще недолгой, но весьма непростой послеоктябрьской жизни. Не мог он не понимать, что в стране прочно утвердилась власть, причем монополия, партии, которая пронизала все государственные и общественные структуры, не мог не видеть и не слышать, что именно принадлежность к партии открывает дорогу наверх, практически независимо от деловых качеств и зачастую несмотря на элементарную безграмотность, а люди выдающихся дарований и профессиональных умений, если у них нет партийной, обречены на второстепенность, невостребованность и уж во всяком случае — на ограниченность самореализации. И, понимая все это, отдавая уже тюремной баланды, уяснив, что с его-то неистребимым клеймом «Следователь. Тотальный Вел Дело Ленина», невзирая ни на какую квалификацию и старательность, ни на какое высокое покровительство, не получить полноценной, отвечающей его способностям, знаниям, опыту работы — дай Бог на свободе-то остаться, — он все же решает на презрительные высказывания относительно тех, кто еще в его времена пытался делать служебную карьеру не старанием, а через партию, и позволяет себе положительно отзываться о законности в царское время.

Искушенный юрист, он выстраивает линию самозащиты. Сначала, так сказать, в сфере общих мировоззренческих и профессиональных установок. Господи, как же он, бедняга, исхитрился... С одной стороны, ему необходимо убедить чехиков, что он ни в каких буржуазных партиях не состоял, а просто выполнял свой служебный долг, а он, конечно, заключался, в частности, в том, чтобы защищать государственный строй, законное правительство от насильственного свержения. «Революция (февральская. — Ю. И.) не изменила дела, когда во главе правления стала одна политическая партия и через короткое время вырисовались ее принципиальные разногласия с политическими противниками (большевиками и эсерами. — Ю. И.), — дает он показания. — Не было необходимости вступать в партию для того, чтобы выполнять работу на службе нового правительства. Это делалось и так по твердо выработанной годами привычке. Не надо было быть членом партии, чтобы знать, что всякое выступление против существующего строя есть выступление, караемое по закону». Но, с другой стороны, ему представляется важным внушить следователям, что он теперь-то прозрел, понял ограниченность и ложность своей тогдашней позиции, а иначе его нынешняя лояльность подвергнется сомнению. Поэтому он явно кривит душой, делая вид, что не признает законности отречения Николая и Михаила, легитимировавших Временное правительство, как бы забывает о том, что после отречения сохранились и Государственная дума и даже Государственный совет, что вплоть до созыва Учредительного собрания госу-

дарственный строй России не подвергся официальным изменениям и лишь Октябрьский переворот отверг законный путь решения судеб государственного устройства страны. Слишком грамотным юристом был Александров, чтобы не видеть разницы между переходом власти к Временному правительству на основе отречения Михаила и штурмом Зимнего, арестом многих министров Временного правительства, которое, как теперь стало известно, отнюдь не прекратило после этого своей деятельности, и разгном законно избранного, но не устроившего большевиков по составу Учредительного собрания.

В тот раз, в 1925 году, Александрова отпустили. Видимо, все-таки еще помогли и благоприятные отзывы видных большевистских руководителей, и покровительственное ответственность работников ЧК—ОГПУ во главе с Медведем, возглавлявшим в то время московское ГПУ. Да и произвол еще не достиг в то время того глобального характера, когда никакие доводы, доказательства, факты, документы уже не могли отвести от головы обреченного беспощадный меч Революции, изображенный на эмблеме ОГПУ—НКВД.

Но время шло. И когда на процессах 1936—1937 годов в заговоре против Ленина, пусть ли ни в попытках его убийства обвинялись его ближайшие соратники и друзья Зиновьев и Каменев, Бухарин и Пятаков, когда под дьявольской режиссурой Сталина Ягода, а затем Ежов и Вышинский осуществляли чудовищные спектакли политических процессов, мог ли уцелеть человек, который не в болезненном воображении маньяков Ягоды — Ежова, а в действительности был причастен к уголовному преследованию Ленина? Разумеется, не мог.

Тридцатого декабря 1938 года оперуполномоченный 2-го отделения 2-го отдела ГУТБ НКВД СССР Д. Е. Белов вынес постановление об аресте и привлечении Александра П. А. в качестве обвиняемого по ст. 58 п. 13 УК РСФСР. В постановлении сказано, что «Александров П. А. в течение продолжительного времени вплоть до Октябрьской революции 1917 г. состоял на ответственных постах у царского и Временного правительства и вел активную борьбу против рабочего класса и революционного движения».

Одной из самых преступных сторон деятельности Александрова, как было сказано в постановлении, «является фабрикация следственного материала о так называемом «шпионаже» В. И. Ленина и большевиков в пользу Германии». Александров весь обвинительный материал против руководителей партии большевиков базировал на допросах всякого рода провокаторов, контрразведчиков и прочих врагов рабочего класса при непосредственной помощи самого Керенского. Лично Александровым было дано распоряжение о задержании В. И. Ленина».

Постановление это, подписанное кроме оперуполномоченного Белова еще и заместителем начальника 2-го отделения 2-го отдела лейтенантом госбезопасности Накитинским, имеет визу «согласен» заместителя начальника 2-го отдела ГУТБ НКВД СССР капитана госбезопасности Федотова и утверждено, правда, лишь спустя более двух недель, 16 января 1939 года, самим наркомом внутренних дел СССР Генеральным комиссаром Государственной безопасности Л. Берия.

Постановление — документ изумительный. Он как нельзя полнее вообрал в себя самые примечательные особенности большевистской классовой юстиции.

Ведь если внимательно вчитаться в процитированные выше строки, то станет ясно: следователя Александрова обвиняют в том, что он выполнял свои служебные обязанности! Ему вменяют в вину то, что он был следователем и работал хорошо, доказательством чему были перечисленные в постановлении ордена, которыми Александров был награжден. Утверждение, что Александров вел активную борьбу против рабочего класса и революционного движения, — просто откровенно и легко опровергаемая ложь, ибо он никогда до революции не вел дел о политических преступлениях.

Стало быть, единственным реальным обвинением Александрову могло стать лишь обвинение в фабрикации уголовного дела Ленина и фальсификации доказательств. Такое должностное преступление следователя, разумеется, всегда, при любых политических режимах остается преступлением. Но ведь и этого Александрову нельзя было вменить.

Во-первых, в самом постановлении признается, что Ленин и другие были привлечены к уголовной ответственности по материалам дознания, к которым Александров никакого отношения не имел, то есть не мог заниматься их фабрикой. Занялся он в процессе следствия лишь их тщательной проверкой.

Во-вторых, следствие по делу не было закончено, обвинительное заключение составлено не было, и дело в суд не направлялось. Таким образом, следственная комиссия в целом и ее член Александров в частности своего заключения о виновности привлеченных по делу не вынесли и, естественно, не могут быть обвинены в фабрикации дела.

Совершенно очевидно, что большевистское «правосудие» ни в коей мере не интересовало ни реальные действия Александрова по делу Ленина, ни тем более степень достоверности тех материалов, с которыми Александров работал как следователь. Как раз наоборот: чем серьезнее была проверка доказательств, предпринятая Александровым при расследовании, тем тяжелее представлялась его вина: серьезно занимался этим делом, значит, допускал возможность виновности Ленина. А это было больше чем преступление. Немыслимым кощунством считалось даже употребление таких слов, как «шпионаж», «подкуп», «сотрудничество с германской разведкой», в сопряжении с именем Ленина, поэтому в протоколах допроса следователя и прокуроры эти слова ставили в кавычки, дабы подчеркнуть свое отношение к самой версии. Не поставили бы этих кавычек, и как знать, не пришлось ли бы сменить удобный кабинет на камеру в том же здании?..

Поначалу 72-летний Александров на допросах держался с достоинством, в основном приспосабливаясь той версии, что лишь добросовестно выполнял свой служебный долг, хотя в показаниях, изобличавшие Ленина в шпионаже, не верил, потому, дескать, и не арестовывал Ленина. А когда получил на этот счет прямое предписание Керенского, то расстроился с приводе Ленина к допросу, не имея намерения его арестовать. Так ли это на самом деле? В материалах следствия, с которыми мне удалось познакомиться, распоряжения об аресте Ленина нет. Но я видел лишь малую часть дела Ленина. Все оно — 20 томов — пока для нас недоступно.

Но через год Александрова сломали. Возраст, систематические ночные допросы, угрозы, а вероятнее всего, и физические воздействия сделали свое. Он начал признавать все: и фабрикацию дела, и фальсификацию доказательств, и распоряжения об аресте Ленина и Свердлова (который по делу-то и не привлекался), и активную службу в контрразведке (где он прочитал несколько лекций).

Читая майские протоколы допроса Александрова просто тяжело. Горько и страшно видеть, как он послушно повторяет грубые и неадекватные политические ярлыки, которые навешивают следователи на его давние абсолютно добросовестные действия по выяснению истины...

Вопрос: Расскажите подробно о том, как вы в контакте с контрразведкой Генерального штаба и группой контрразведчиков сфабриковали вымышленные материалы по обвинению Ленина, большевиков в так называемом «шпионаже» и «государственной измене».

Ответ: Я уже давно стал на путь признания и сейчас хочу в дополнение к сказанному откровенно рассказать правду о том, как фабриковалось обвинение большевиков в шпионаже и государственной измене. Обвинительный материал против Ленина, большевиков был собран на основе допросов провокатора Ермоленко, известного противника большевиков Алексинского, меньшевика Мартова, начальника контрразведки Генерального штаба Медведева, полковника Накитина, штабс-капитана Голицына-Кукузова, генерал-майора Неслуховского и директора департамента полиции Белецкого.

Все эти лица дали показания, изобличающие Ленина, большевиков в шпионаже в пользу Германии и подготовке восстания с целью государственного переворота (последнее обвинение в свете Октябрьского переворота выглядит, конечно, особенно «сфабриковано-вымышленным» — Ю. И.). Еще забыл упомянуть, что был допрошен Алексеев М. В., генерал, бывший Главнокомандующий, который показал, что большевики готовили государственную измену.

Примечательно, что к делу Александрова приобщены протоколы допросов лишь Ермоленко, Алексинского, Мартова и Алексеева. Показаний остальных «жестовидителей» нет. Видимо, их ложь настолько «отвратительна», что в целях охраны общественного спокойствия ее лучше не обнародовать: а вдруг она кого-нибудь ненароком убедит...

И вот, наконец, 22 мая Кобулов утверждает вынесенное Дюпинским и Арениным постановление просить Прокурора СССР возбудить ходатайство перед Президиумом Верховного Совета СССР о неприменении к Александру Постановления ЦИК СССР от 2 ноября 1927 года об амнистии в ознаменование 10-летия Октябрьской революции. А тем временем, добившись от Александрова признания, которое выдающийся теоретик социалистического беззакония А. Вышинский возвел в ранг «парии доказательств», «законники» из НКВД ходатайствуют о продлении срока следствия до 5 августа, так как им, мол, надо запросить из архивов еще ряд документов.

Нет, видимо, никогда нам не понять дьявольскую механику тогдашних репрессий. Вопреки законам бросили человека в тюрьму, а потом «законно» решают, на сколько продлить беззаконие... Бог знает какой-то страшной ценой вырвали у старика признание, а потом решают проверить, насколько далеко от истины то, в чем заставили его признаться... Решили расправиться с человеком и ждут бумаги, приданной этой расправе видимости «законности», хотя прекрасно знают, что само получение этой бумаги абсолютно незаконно. Кому и зачем была нужна колоссальная, бессонная, неостановимая и совершенно бессмысленная работа гигантского механизма «добывания» улик, которая калечила не только жертвы, но и самих палачей, превращая их в кровавых маньяков?..

А дело Александрова с июня 1939-го на целый год замирает. Ни одного допроса — во всяком случае — протокола, ни одной справки, постановления — ничего! И вдруг 1 июня 1940 года начинается лихорадочная суета. В этот день военный прокурор Воронов выносит постановление о привлечении Александрова в качестве обвиняемого (после полутора лет пребывания под следствием в тюрьме и двукратного продления срока расследования!) и предъявляет ему обвинение по ст. 58 п. 13 УК РСФСР. В тот же день Воронов производит допрос обвиняемого.

Вопрос: Почему Вы начали следствие с Ермоленко (10 июля 1917 года)?

Ответ: Потому что прокурор судебной палаты Каринский заявил мне, что ко мне явится очень важный свидетель, которого мне нужно допросить как следует (прокурор Каринский никогда бы не позволил себе давать подобные указания следователю по особо важным делам Александрову. — Ю. И.).

Вопрос: Кто такой этот Ермоленко?

Ответ: Это, как я узнал позже (видимо, от следователя НКВД Дюпинского... — Ю. И.), известный провокатор, но в 1917 году мне об этом известно не было.

Вопрос: Ну и что же: этот Ермоленко дал вам ценные показания?

Ответ: Да, он дал мне подробные показания, изобличающие Ленина в шпионаже (как? Выходит, напрасно Дюпинский полтора года «работал» с Александровым? Но нет! Это та же игра в социалистическое правосудие... — Ю. И.).

Вопрос: Вы поверили этим показаниям?

Ответ: Вначале — да, но потом, когда проверил их, убедился, что эти показания ложные, данные им по чей-то установке, и ни в какой мере не находят себе подтверждения в добытых мною следственных материалах.

Вопрос: Непонятно, Александров. Вы говорите, что добыли данные, опровер-

гающие шпионаж Ленина и других, а осмотр материалов вашего следствия по этому делу установлено, что вы проявляли исключительную инициативу по этому делу, писали запросы о Ленине, старались его задержать, проверяли все банки, сообщали в печати все, что было против Ленина.

Ответ: Да, я признаю, что старался установить все, что можно было, в отношении шпионажа... Я был опытным следователем, старался вести следствие как можно лучше, так как задачей нашей следственной комиссии являлось доказать государственную измену и шпионаж в пользу Германии со стороны руководителей большевиков, особенно со стороны Ленина.

Поистине полное взаимное непонимание... Я не исключаю, что Воронов совершенно искренно не понимал, как можно было проводить проверки банковских счетов, запрашивать документы, передопрощать свидетелей в целях выяснения истины, когда были показания Ермоленко, избивавшие Ленина в шпионаже. И по логике советского военного прокурора, если следователь разыскивает укрывшегося от следствия подозреваемого, то с единственной целью — вывести его «в расход». Тем более располагая показаниями Ермоленко... В свою очередь, Александров все еще недоумевает: как же не могут понять, что он действительно не верил на слово ни Ермоленко, ни другим свидетелям, даже самым уважаемым, а стремился проверить их показания, добывая документы, устанавливая факты всеми законными способами.

Господи, да можно ли сомневаться в том, что все эти Диопинские, Ареинны, Кобуловы с благословения Воронова добились бы для Ленина и всех его соратников «вышки» и при пяти процентах тех следственных материалов, которыми располагал Александров?

В тот же день, 1 июня 1940 года, Воронов выносит постановление об оставлении обвиняемому Александрову прежней меры пресечения — содержания под стражей, указав, что обвиняемый находится под стражей с 17 января 1940 года, хотя из постановления о продлении срока расследования, продержанного самим же Вороновым, вытекало, что Александров содержится в тюрьме с 18 апреля 1939 года, а на самом же деле он был арестован в декабре 1938-го.

Но на этом «суэта» вокруг Александрова не кончилась. Воронов объявляет ему об окончании следствия и знакомит, как положено по закону, с делом. А на следующий день, 2 июня, Прокурор СССР М. Панкратьев утверждает обвинительное заключение. Почему вдруг такая вспышка активности? Да потому, что 1 июня 1940 года в деле Александрова появилась выписка из протокола № 6 заседания Президиума Верховного Совета СССР о неприменении к Александрову П. А. амнистии. Но самое поразительное, что заседание это состоялось 11 ноября 1939 года!.. Да, прав был давний подследственный Александрова, утверждая, что если что и погубит советскую власть, то — бюрократизм. Семь месяцев дождался Александров, пока бумажка с Моховой доберется до Лубянки или до Пушкинской...

Конечно, это были семь месяцев жизни. А этот измученный старый человек очень хотел жить. 16 июля 1940 года на недолгом заседании Военной коллегии Верховного суда СССР его приговорили к расстрелу. А он в своем последнем слове просил дать ему возможность дожить и доработать на воле... Неужели не понимал, что происходит? Все еще не понимал? Видимо, так! Во всяком случае, подал ходатайство о помиловании. И еще два месяца прожил в безумной надежде. Лишь 21 сентября 1940 года Президиум Верховного Совета СССР отклонил ходатайство. На этот раз такой волытки, как с путешествием решения о неприменении амнистии, не было. И 24 сентября приговор был приведен в исполнение.

Так закончился еще один спектакль из театра абсурда, именуемого «социалистической законностью». Совершившееся можно было бы назвать фарсом, если бы оно не было трагедией.

ПОЧТА
«СОВЕРШЕННО
СЕКРЕТНО»

ОХ УЖ ЭТИ «СПУГИ»

Спасибо за статью Александра Горелика (1990. № 9) «Черная «Волга» для слуги народа». Благодарен ему и вам за конкретные и деловые предложения по реанимации нашей экономики.

У нас резервов, способных помочь в решении социальных проблем, много. Предлагаю создать банк информационных данных по экономии народных средств. Я лично для этого банка даю данные, которые меня волновали еще даже до перестроечного периода. В ведении МО СССР в г. Сухуми имеются два санатория и один дом отдыха. Все вместе на 1500 коек. У них общал котельная, а у двух санаториев и территория, и водолечебница, и дворец культуры — общие. Пляж для всех трех тоже общий. На все эти здравницы могли быть общие руковоство, обща бухгалтерия, общий гараж, но они искусственно разобщены. Ведь министерству обороны выгоднее иметь одного начальника, один гараж, один склады и т. д. Я не экономист, но предвижу колоссальную экономическую выгоду. Ведь более 100 человек высвободится, транспорт будет использоваться эффективнее. Один санаторий поднимается московскому военному округу, другой — московскому округу противовоздушной обороны, и дом отдыха — закарказскому военному округу. Эти все три учреждения решают одну задачу, но они разобщены и ведут междоусобные бои местного значения.

В. В. ПИЛИЯ,
президент ассоциации
врачей Абхазии

НЕИЗВЕСТНЫЙ МАРАТ

8 мая 1794 года «безболезненной машиной для казни», незадолго перед тем изобретенной доктором Ж. Гильотеном (Гийотеном), пришлось немало поработать. Еще бы! Двадцать восемь могущественных и босатейших людей Франции взошли тогда на эшафот. Судебный процесс, вынесение приговора, казнь (следствия практически не велось) — все произошло в один день.

Революции часто казнят достойнейших людей. И Великая французская не оказалась исключением. Однако среди двадцати восьми достойнейших оказался только один, о котором его современник сказал: «Достаточно было всего лишь одного мгновения, чтобы отрубить эту голову, и потребовалось, вероятно, целое столетие, чтобы породить ей подобную». Он ошибся — столетия не хватило. Подобных ученых Франция больше не знала... 8 мая 1794 года на эшафот взошел Антуан Лоран Лавуазье, величайший химик и физик, блистательный литератор, оратор, адвокат...

История его жизни и смерти достаточно хорошо известна. Но есть в ней одна загадка, о которой, насколько знаю, не задумывались ни современники Лавуазье, ни последующие поколения. Дело в том, что весьма своеобразную и трагическую роль в судьбе Лавуазье сыграл Жан Поль Марат, известный в истории Великой французской революции под именем «Друга народа» — так называлась газета, которую он издавал. И роль эта подобна той, какую в судьбе великого Николая Вавилова сыграл Лысенко.

Марат пришел в политику довольно поздно, когда понял, что на иже науки, где он подвизался долгие годы, громкой славы ему не сыскать. Хотя во Франции вышел ряд его трудов и истории науки, как прошлые, так и современные, не считали и не счита-

ют Марата совсем уж никчемным естествоиспытателем, ему не то что великим, а просто крупным ученым стать было не суждено. Не достигал талант, и все тут! К тому же Марату претил кропотливый труд малоизвестного ученого. «Моей главной страстью», — писал Марат, — была любовь к славе; она определяла выбор тех или иных моих занятий; она заставляла отбрасывать каждый предмет, который не обещал мне прийти к настоящему большому результату...

И что же решил сделать этот любитель славы? Он избрал путь, по которому до и после него прошло немало больших и малых честолюбцев. Он решил опровергать других ученых.

С характерным для него неистовством обрушился Марат на академиков и академию. Он писал в 1793 году: «Я осмелился бы похвалить себя, что добился своей цели, если судить по гнусному преследованию меня со стороны королевской академии наук, не прекращавшемуся в течение десяти лет, когда она убедилась, что мои открытия о свете непроверены: все труды за целое столетие и что я мало заботусь о том, чтобы войти в ее состав. Поверят ли, что, так как даламберы, кариты, леруа, менье, даламбэ, лапласы, монжы, кузенны, лаваузы и шарлатаны этой научной корпорации одни хотели держаться в своих руках светильник и так как в их руках были все трубы, создающие славу, они стали обесценивать мои открытия во всей Европе, возбуждая против меня все ученые общества, закрывая для меня все журналы...» Эта цитата очень важна. Но не только потому, что показывает, как можно хватить через край в самооценке своих трудов, своего места в науке. Называя шарлатанами крупнейших ученых Франции, Марат ниспровергал их в глазах черни, одновременно намекая, что они сродни королевским чиновникам, сидевшим на шее народа. Этот прием в истории известен, его часто применяли посредством по отношению к своим более талантливым соперникам.

Через много лет после Марата практически тот же прием применил «народный академик» Т. Д. Лысенко против гениального Н. И. Вавилова. И, поразительно, поначалу Вавилов, подобно Лавуазье и другим французским академиком, просто игнорировал бредни Лысенко и в полемику с ним не вступал. Итог борьбы и у Лавуазье, и у Вавилова оказался одним и тем же...

Статья Марата, по сути, была не аргументом в научном споре, а политическим доносом, более того — приговором, который незамедлительно был приведен в исполнение чернотой, пылающей ненавистью к аристократии и к интеллектуалам. Печальная оказалась судьба большинства из тех, кто попал в «проскрипционный» список. Так, Менье в том же, 1793 году погиб при странных обстоятельствах. От активной научной деятельности были отстранены Лаланд, Кузен и Леруа. Карпент безжал из Франции. Монж, занимавший пост морского министра, был отстранен от должности. Не пострадал, пожалуй, лишь Лаплас, который легко себя чувствовал при любом правительстве.

А вот судьбы «новаторов» Марата и Лысенко сложились по-разному. Первый пал от руки молодой женщины Шарлотты Корде, зарезавшей его в ванной кухонным ножом. Второй, пережив ряд падений и взлетов, в конце концов стал совершенно «нерукопожатным», но умер в своей постели на 79-м году жизни.

Захар ГЕЛЬМАН,
кандидат химических наук

ИКОНЫ ПОД ЗАПРЕТОМ?

Я, один из осужденных, отбывающих свой срок в «учреждении» строгого режима, обращаюсь к вам с просьбой ответить на очень важный вопрос не только для меня, но крайней мере в этом учреждении.

27 апреля 1989 года были внесены

изменения и дополнения в правила внутреннего распорядка ИТУ. В частности, согласно этому приказу министра МВД, согласованному с Прокуратурой СССР, был расширен перечень предметов и вещей, которые осужденные могут иметь при себе. Это и литература, издаваемая в СССР, в том числе и религиозного содержания. К предметам и вещам в этом перечне добавлены спортивные х/б костюмы и нательные крестики, другие аналогичные предметы культа, изготовленные из недорогих промышленных металлов.

Но то, что делает наш начальник ИТУ со своей командой, мне непонятно. Заходя и устраивают варварскую расправу над нашими иконами, рвут, ломают, отбирают, что им понравится.

У меня вопрос к министру МВД: что подразумевается под «другими аналогичными предметами культа»? И насколько правомерны действия доблестных сотрудников ИТУ?

М. МЕНЬИЛОВ
Уссурийск

ПРИНОСИМ ИЗВИНЕНИЯ

Почти пятнадцать лет назад мы написали роман «Евангелие от палача», раскрывший многие мрачные механизмы сталинского МГБ. Полнотно, что долгие годы роман не мог быть напечатан, и лишь в 1991 году нас ждал счастливый день — день его первой публикации в «Совершенно секретно». Увы, эта радость омрачилась ужасным недоразумением.

Дело в том, что, не имея доступа в архивы КГБ — многие из них и до сих пор закрыты, — мы вынуждены были пользоваться свидетельствами различных осведомленных людей. Одним из наших «источников» был генерал КГБ, репрессированный в свое время. Его информация, как правило, была глубоко профессиональной и достоверной, подтверждаемая — при проверке — другими участниками описываемых событий, хотя из конспирации он всегда давал действующим лицам вымышленные имена, так что в работе над рукописью нам приходилось «расшифровывать» персонажи, такие, например, как Абакумов, Кобулов, Гоглидзе и т. д. В частности, и в материале к главе о В. С. Абакумове (опубликованной в «Совершенно секретно», № 7 за 1991 г.) фамилии персонажей были изменены: Маленков звался «Большовым», Абакумов — «Шегловым», Юмин — «Михайловым» и т. п. Вымышленными именами были наделены и второстепенные лица информации. Среди них промелькнула буквально двумя фразами «восходящая эстрадная звезда Тамара Крайнова».

В рукописи мы посчитали необходимым расшифровать псевдонимы главных злодеев, уже известного народу по бериевскому процессу, — с литературной точки зрения это понятно. Прочим персонажам мы оставили их вымышленные имена. Вот здесь-то и обнаружилась страшная мина: наш информатор, оказывается, не стал сочинять псевдоним эстрадной певице, а просто и бездумно (полагаем, без злого умысла) взял имя другой, реально существующей артистки, которая никакого отношения к описанным событиям не имела. Нам, людям, далеким от эстрады, она, увы, не была известна. Так родилась роковая ошибка.

А в результате публикации была опорочена честь хорошего, порядочного человека, заслуженной артистки РСФСР Т. В. Крайновой. Нам очень горько и стыдно, что своей ужасной, хотя и неумышленной, оплошностью мы причинили боль и обиду достойной и талантливой женщине. Мы просили прощения у Тамары Васильевны в разговоре с нею и считаем своим нравственным долгом здесь, на страницах «Совершенно секретно», принести ей самые искренние и показанные извинения ПУБЛИЧНО.

С искренним уважением и неизгладимым чувством вины —

Аркадий и Георгий ВАЙНЕРЫ

Путч, распад Союза, грядущая холодная и голодная зима поднимают сиюминутные вопросы выживания. Но, размышляя о путях выхода из кризиса, надо представлять себе, что ты — лишь часть общепланетарного сообщества и наши проблемы тесно переплетаются с проблемами, общими для всей цивилизации. Предлагаемая статья — это размышления о тех опасностях, которые кроются во взаимоотношениях государств и отдельных людей. Но я их рассматриваю в том ракурсе, в каком они видятся специалисту, занимающемуся вопросами естествознания.

Никита МОИСЕЕВ,
академик

ПРИРОДА ПЕРЕСТАЕТ БЫТЬ РЕКВИЗИТОМ ИСТОРИЧЕСКОЙ СЦЕНЫ, ОНА СТАНОВИТСЯ ЕЕ ДЕЙСТВУЮЩИМ ПЕРСОНАЖЕМ

Человечество подходит к той грани, которая отделяет нынешнюю эпоху техногенной цивилизации от совершенно нового периода истории. В нем основной особенностью жизни людей сделается борьба за сохранение на Земле самого вида *homo sapiens*.

Для такого утверждения достаточно оснований.

Тепличный эффект — к нему уже приковано внимание ученых и общественности. Как бы ни были сложны измерения и расчеты, сколь бы ни были велики неопределенности в принимаемых гипотезах, основной вывод, тем не менее, однозначен: уже через одно, может быть, два поколения этот парниковый эффект сделается ощутимым. Из-за возрастающих засух начнет сокращаться продуктивность основных житниц планеты: степей Евразии, Средиземноморья, стран Сахеля...

Интенсивность мутагенеза и рост генетической неполноценности человека заметно возрастают. Сегодня каждый 600-й или 700-й ребенок, в силу естественных мутаций и структуры генофонда, рождается с тяжелыми генетическими отклонениями от нормы. Благодаря успехам современной медицины неполноценные дети выживают и производят себе подобных. И главное — частота рождения неполноценных детей увеличивается из-за социальных факторов (алкоголизм, перенаселенность и так далее). У каждой биологической популяции есть порог процента неполноценных особей, за которым уже ничто не может предотвратить ее деградации. Можно спорить о конкретных числовых оценках, но через несколько поколений, может быть, уже к началу XXII века, человечество, если экстраполировать современные тенденции изменения условий его существования, вероятно, подойдет к этому опасному порогу. В литературе описано множество других явлений, развитие которых в течение трех-четырех поколений приведет к необратимым изменениям условий обитания и сделает их негодными для человека и развития цивилизации в ее современном понимании.

Но существуют два фактора, отрицательное действие которых может проявиться уже и через одно поколение, то есть ко второму десятилетию наступающего века.

Первый — это знаменитая «проблема Мальтуса». Только в нынешних условиях она приобретает значительно более глубокий и разноплановый характер, чем это было 200 лет тому назад.

Сейчас во весь рост поднимается проблема несоответствия растущих потребностей все увеличивающегося человечества и уменьшающихся ресурсов оскудевающей планеты. Угрожающе опустошаются кладовые углеводородного топлива. Но что еще опаснее — прямо уменьшается продуктивность биологической среды. Эти процессы охватывают всю планету. Но в отдельных регионах (Бангладеш, Узбекистан и некоторых других) они сегодня уже видны достаточно отчетливо — деградация природной среды приобретает характер катастрофы.

Для того чтобы любой биологический вид мог устойчиво существовать на Земле, необходимо, чтобы он вписывался в естественный круговорот веществ. Человек уже давно нарушил это правило. Например, возобновимые источники энергии обеспечивают лишь около 10 процентов его современных потребностей. Значит, чтобы человечество не нарушало хрупкого баланса ресурсов, население планеты — при нынешнем уровне технологий и энергопотребления — должно сократиться минимум в 10 раз. Следовательно, «мальтузианская катастрофа» неизбежна!

Без ограничения стремительного роста населения мы не сможем согласовать потребности человечества с теми возможностями их удовлетворения, которыми располагает планета. Нам не обойтись без регулирования семьи и ограничения рождаемости. Стремление уйти от решения этой проблемы мне представляется проявлением либо трусости, либо политиканства. Чем дольше мы будем ее откладывать, чем менее решительно мы будем объяснять людям неизбежность регулирования семьи, тем тяжелее станет расплата. Альтернативы этому просто нет, наука, развитие технологий могут лишь смягчить кризис, но снять с повестки дня проблему ограничения рождаемости они не могут. Строго говоря, надо, чтобы человек как биологический вид снова вписался в естественный круговорот природы. Но для этого необходимо, чтобы население Земли уменьшилось в 8—10 раз. Очевидно, что это нереально при современном состоянии общества и современной технологической основе цивилизации. Но если бы нам удалось, например, реализовать принцип «одна семья — один ребенок», тогда лет через двести человечество смогло бы «вернуться обратно в биосферу» и найти необходимое с ней равновесие.

Но надо ясно представить себе трудности, которые встретятся на пути любого регулирования семьи. Против него восстанут, вероятно, все религии мира. Даже просвещенный католицизм выступает сегодня против применения противозачаточных средств. Я уж не говорю об абортках. Борьба за реализацию принципа типа «одна семья — один ребенок» будет непопулярна. И многие политики в демократических странах смогут взять на вооружение этот лозунг. Тем более что успех подобной акции далеко не гарантирован. Сокращение рождаемости — лишь один из разрезов этой проблемы. Предстоит качественно изменить технологическую основу нашей цивилизации и, прежде всего, развить биотехнологии. И менять структуру потребностей!

Если проблему Мальтуса понимают достаточно отчетливо, то о второй проблеме, не менее грозной, почти ничего не известно. Это проблема возможной потери стабильности биосферы: концентрация углекислого газа в атмосфере в нашем столетии увеличилась на 17 процентов, а продуктивность биоты, для которой он служит пищей, не возросла. Это очень грозный симптом. Катастрофа способна развиться совершенно неожиданно, может быть, в самом начале XXI века.

НЕИЗБЕЖНОСТЬ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ — ПРОКЛЯТИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Итак, в наступающем веке наше планетарное сообщество, нашу цивилизацию ожидают действительно серьезные экологические трудности. Человечество, вероятно, уже не раз переживало экологические катаклизмы.

Сейчас становится понятным, что основным двигателем развития биосферы является конкурентное взаимодействие сообществ. Если какой-нибудь вид или сообщество не выдерживает конкуренции, то оно деградирует и уступает место другим. Если же в этой конкуренции оно становится абсолютным победителем, то есть монополистом, то его тоже ждет деградация, но уже по другой причине. Сообщество-монополист лишается внутренних стимулов к самосовершенствованию, оно разрушает свою экологическую нишу, уничтожает то, что изначально служило источником его процветания и прогресса. И наконец, у него постепенно атрофируется способность к адаптации, и даже незначительные изменения условий обитания приводят это сообщество к полному исчезновению.

Человечество уже в палеолите добилось совершенно исключительного положения среди других видов. Новый скачок в степени его превосходства, который произошел в начале неолита, за

БУДУЩЕЕ

несколько тысячелетий привел к полному исчерпанию возможностей той экологической ниши, которая верой и правдой служила человеку на протяжении сотен тысяч лет.

Успешно завершив свою перестройку в эпоху неолита и найдя новую экологическую нишу, человек многократно усилил свое могущество и укрепил положение в мире живого вещества. Его монополия в Природе еще более усилилась. Вот почему новый кризис неотвратим. Беда в том, что человечество чересчур поздно начинает осознавать его приближение. И проблема состоит не в том, как избежать надвигающегося кризиса, а в том, как смягчить его последствия, как разумно перестроить свою экологическую нишу, самого себя и принципы существования своего сообщества.

Человек обречен на монополизм — такова его судьба. В этом он не волен. Но, обретя это понимание, человек, может быть, найдет в себе силы установить систему «антимонопольных законов», имя которым «принципы коэволюции человечества и окружающей среды». Мы сейчас уже начинаем понимать, что эпоха «покорения Природы» навсегда окончилась! И это понимание, может быть, даст нам необходимую силу и волю для того, чтобы найти приемлемые пути преодоления нового кризиса.

На этом фоне глобального нарушения биологической регуляции перехода Земли к новому состоянию, в котором человеку придется научиться по-новому жить, управлять самим собой, обрести новую нравственность, раскрывающаяся трагедия человеческих страстей, судеб отдельных людей, народов, континентов и наш кризис в том числе. В этом сочетании природного, или экологического, императива и невероятного разнообразия стремлений, образов мышления, оценок реальности, консервативности и косности я вижу самую грозную опасность для будущего цивилизации.

Противоречивость человеческого общества, клубок разнонаправленных тенденций и противостояний развязать невозможно. Такова реальность. Этой противоречивостью и было обеспечено развитие общества. И тем не менее не все так безнадежно, как это может показаться. Миром правит не простая противоречивость, а противоречивое единство. Мы все вместе, у нас общая судьба. И друг без друга мы просто не выживем.

Заметим, что противоречия противоречиям рознь. Одно дело те, которые могут быть преодолены компромиссом за столом переговоров и для которых первостепенствуют аргументы Разума и Логики. Их я буду называть противоречиями мнимыми или устраиваемыми, хотя отыскание нужных коллективных решений может оказаться бесконечно трудным.

Но есть и другие конфликтные ситуации, другие противоречия, недоступные аргументам логики, противоречия, которые раскрываются на уровне эмоций, традиций, религий, глубокой убежденности, что по-другому и быть не может. Они гораздо опаснее для будущего цивилизации, чем первые, ибо перестройка человеческого мышления требует не только усилий, но и времени.

КООПЕРАТИВНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ И ИНСТИТУТЫ СОГЛАСИЯ

В развитии человеческих сообществ роль кооперативного начала совершенно исключительна. И по мере роста могущества цивилизации она все время возрастает.

Любое кооперативное соглашение — это всегда некоторый компромисс, и он возможен лишь тогда, когда у людей или групп людей, собирающихся войти в соглашение, существуют общий интерес, общая цель и когда эти люди осознают их существование. Так, например, когда люди находятся в одной лодке, то, помимо своих собственных, индивидуальных или, как говорят, эгоистических интересов, у них всегда есть и общий — благополучно доплыть до берега. И во имя этой общей цели каждый из плывущих должен чем-то поступиться. Вот так и рождается выгодный для всех компромисс, в котором каждому ради этой общей выгоды приходится нести в чем-то и потери.

В 1983 году было опубликовано исследование проблемы гонимых ядерных вооружений и было показано, что даже и в этой ситуации также существует некото-

рый взаимовыгодный компромисс. Противостоящие стороны и здесь не являются антагонистами: помимо целей собственного развития, у них присутствует и некоторый общий интерес — уменьшить риск ядерной войны. Оказалось, что в рассмотренной ситуации существует некоторый минимальный, выгодный обоим сторонам уровень ядерных вооружений. Увы, не нулевой!

Отыскание взаимовыгодного компромисса требует определенного профессионализма, определенной организации информации и, если угодно, определенной специальной культуры мышления. Такие понятия, как интерес, цель, всегда субъективны. У каждого человека своя шкала приоритетов. В их структуре никаких стандартов не существует. Поэтому для устранения противоречий, для разрешения конфликтов сегодня уже недостаточно дипломатов, умеющих сидеть за столом и вести светские беседы, скрывающие их истинные намерения. Необходимы нового типа профессионалы, владеющие необходимыми методами анализа конфликтных ситуаций.

В новых условиях переговоров, которые сейчас проводятся на уровне политиков, дипломатов, коммерсантов, предстоит превратиться в лаборатории независимых исследовательских групп. В своеобразные институты согласия.

ИСТОЧНИКИ КАТАКЛИЗМОВ, ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ И ОБЩЕСТВЕННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

Человечество с его изобретательским гением потенциально способно обеспечить свое существование в очень сложных и изменчивых условиях обитания. Основную опасность для будущего цивилизации я вижу не в тех требованиях, которые сегодня Природа предъявляет к жизни и деятельности человека, не в существовании экологического императива и даже не в неизбежности экологического кризиса, а в неспособности человека подчинить себя этим условиям, в неспособности общества найти приемлемые правила обожения, отвечающие сегодняшним экологическим реалиям. Иными словами в рамках экологического императива может выжить лишь общество, сумевшее утвердить новый нравственный императив!

Всякий раз, когда человечество выходило на рубежи, требовавшие нового образа жизни и нового общественного сознания, главной опасностью, главным препятствием на пути его дальнейшего развития были установившиеся стандарты поведения. Не явные противоречия, столкновение интересов отдельных групп людей — их можно преодолеть с помощью переговоров, с помощью логики, — а внутренние установки, приобретенные в процессе общественного развития, общественное сознание, которое очень трудно воспринимает аргументы логики. Его установки становятся подобными инстинктам.

Вот в этой консервативности общественного сознания и состоит основная опасность для будущего цивилизации. Человеку свойственно «чувство общности», для него характерно стремление принадлежать к той или иной группе людей, к той или иной общественной структуре. И оно было оправдано исторической необходимостью — иначе не выживешь. Сначала это была семья. Позднее орда, племя. Затем страна или религиозная община. Может быть, эта необходимость ощущать свою принадлежность так же заложена в наш генотип, как инстинкт «слепохождения» у цыплят.

Представления о том, что является главным объединяющим началом, непостоянны — они меняются со временем. Были эпохи, когда таковым была религия. Вспомним, как зеленые знамена Магомета объединили и арабов, и персов, и туземцев. Государственные границы пролегли по рубежам, разделяющим религии, а не народы. И это было не только на Востоке. Тому пример — религиозные войны в Европе, где чех-гусит находил поддержку у немца-лютеранина против немца-католика. А в Восточной Европе в борьбе Московского царства против Польши поведение Украины определялось больше принадлежностью к православному веру, чем этнической или языковой близостью.

Но вот пришел мир 1625 года, стала постепенно изменяться жизнь, и пруссак-лютеранин, слегка, конеч-

но, презирая своего южного собрата, начал строить с немцем-католиком вполне хорошо действующее «совместное предприятие», и все религиозные войны в Европе ушли в прошлое, как я надеюсь, навсегда. Объяснить возникновение религиозных войн и нетерпимости какими-либо чисто материальными причинами невозможно. Человечеству, его коллективному сознанию, по-видимому, свойственно создание «фантомов общности». Материальные, экономические факторы их могут усилить или ослабить, но не заменить. И инстинкты должны брать свое. Вот почему на смену идее религиозной государственности должна была подняться новая общность. И на этот раз ее основой стала идея национальных государств.

Начиная с XVIII века происходит постепенное формирование наций в современном смысле этого слова. Обостряется национальное самосознание, возникает идея тождественности границ государственных и границ национальных. В XX веке возник, почти повсеместно, монстр национализм. Он вышел на сцену истории, оказав на характер ее развития не меньшее влияние, чем религиозный фанатизм времен исламской экспансии и крестовых походов.

Но во второй половине нынешнего века многое стало меняться. Начали расти экономические связи, и разделение труда вместе с расширением рынка стало объединять разные страны и континенты — экономический организм постепенно превращается в общепланетарный. Огромную роль в жизни общества стали играть транснациональные корпорации. Поднимаются во весь рост трудности обеспечения экологического императива, требующие по многим позициям общепланетарного консенсуса. Растет роль творческой личности, ее инициатива, и идеи оказываются нужными широкому кругу людей, а не только соотечественникам. В этих условиях национальные границы становятся помехой того естественного процесса самоорганизации, который называется прогрессом общества или развитием цивилизации.

Здесь мы сталкиваемся еще с одним противоречием — между ростом разнообразия и необходимостью объединения. Человечество для своего развития нуждается в разнообразии. И в генетическом, и в разнообразии характеров и способностей отдельных личностей, в разнообразии культур, традиций и языков. И, конечно, формы организации жизни и трудовой деятельности. Разнообразие — это интенсивность поиска новых путей развития, новых решений. С этой точки зрения национальное разнообразие — благо, а разнообразие культур — необходимость. Унификация — это первый шаг к деградации общества.

Но такова диалектика жизни, что наряду с этой тенденцией всегда присутствует и обратная — необходимость объединения, кооперации, стандартизации, унификации... И нет на все случаи жизни единого рецепта сочетания этих тенденций. Сегодня уже и планетарная общность становится необходимой реальностью!

Человечество должно научиться примерять эти реальности, находить между ними компромисс, в каждое время свой собственный. Но для разрешения подобных противоречий логики уже недостаточно, ибо многое происходит на уровне эмоций, инстинктов, традиций. И только длительный процесс общественного опыта способен менять в сознании людей установившиеся фантомы (и заменять их другими — такова природа человека). Одно сегодня действительно ясно: стандарты XIX столетия не могут быть приняты веком XXI. Человечеству с ними просто не выжить. И главные приоритеты должны получить не местные или национальные предпочтения, а общечеловеческие ценности. Многие из того, что привычно, сделается достоянием истории. И первое, что должно быть разрушено, — представления о национальных границах, национальном суверенитете и национальных правительствах. Сказанное многим может показаться святотатством, но я убежден, что это не может не произойти — такова логика развития общества. Другое дело — когда это случится.

Национальные границы будут сметены. И не завоеваниями или появлением новых империй, а экономической и экологической необходимостью. Вопрос о национальных правительствах самый сложный. Хотя это тоже фантом, противоречащий и принципам приоритета общечеловеческих ценностей, и религиозному гуманизму, и даже экономической выгоде. Ведь он означает узаконенное неравноправие, узаконенное предпочтение одной нации, имеющей правительство, другой, не имеющей такового, то есть узаконенное нарушение прав человека. Отсюда и неразрешимые противоречия Карабаха, Южной Осетии. И не только их. Это и проблемы Ольстера, и Квебека, и Шри-Ланки...

Мне кажется, что будущие структуры того обще-

ЦИВИЛИЗАЦИИ

ства, которое я называю рационально устроенным, должны быть чем-то вроде «Объединенных Штатов» с либеральной многоукладной экономикой. В нынешних условиях они должны предельно освобождать интеллектуальный, творческий потенциал, ибо в нем залог того, что люди смогут находить проходы между Сицилией и Харибдой.

Я специально говорю «Объединенные Штаты», а не «Соединенные Штаты», ибо объединения могут быть очень разными, а говоря о Соединенных Штатах, невольно имеешь перед глазами некоторый образец. Соединенным Штатам тоже еще очень далеко до того состояния, которое можно было бы назвать рациональным обществом. Очень важно, чтобы в рационально организованном обществе правительства были территориальными, а не национальными, чтобы они были правительствами всех тех людей, которые живут на территории данного государства. Это условие необходимо для того, чтобы общество можно было назвать рациональным, удовлетворяющим условиям эпохи оскудевающей биосферы, ядерного оружия и экологического императива. В таком обществе национальный суверенитет, как и национальные границы, должен будет уступить место национальной автономии — культуры, языка, вероисповеданий, при абсолютном правовом равенстве.

Однако до становления рационального общества нам бесконечно далеко. И никакие рассуждения и назначения существенно ускорить его приближение не помогут: национальные чувства, как и вера, не подвластны логике — они запятаны в глубине души человека. И до поры до времени, пока они живут в его душе, они — благо и толкают его на добрые дела. Но, выходя из-под контроля, они, как правило, превращаются в монстров национализма и фундаментализма, и тогда льется кровь.

Можно ли предотвратить их крайнее проявление? Я думаю, что мы можем лишь снизить вероятность национальных взрывов. И, может быть, главный рецепт — это общие дела, и прежде всего в экономике. Эффективность совместного «экономического пространства» — аргумент очень сильный. Это хорошо показывает история Западной Европы послевоенных десятилетий. Между странами, которые входят в «Общий рынок», были и войны, и вражда. А сейчас они неумолимо, хотя и медленно, движутся к своеобразному объединению. Будущее покажет, как далеко зайдет этот процесс, но уже и сегодня суверенитет стран «Общего рынка» существенно отличается от традиционного понимания.

В решении национальных проблем без экономического благополучия не обойтись. Это абсолютная истина, ибо, когда людям тяжело, они всегда ищут выход, ищут виновного. А это весьма благодатная почва для утверждения национальной исключительности и розни. Но обеспечение экономического благополучия — это не универсальный рецепт. Его одного недостаточно, как это показывает Олстер или уж совсем благополучная Канада... Для решения подобных проблем необходимо время, терпение и мудрость интеллигенции. Как и у нас в стране.

НУЖНЫ ИНСТИТУТЫ СОГЛАСИЯ

Любой «ура-оптимизм» в разговорах о будущем цивилизации мне кажется неуместным и даже преступным. Люди должны отдавать себе отчет в том, что нас ожидает. Кризис не должен застать нас врасплох, нам следует подумать о будущем.

Сегодня общество, наверное, еще не готово сформировать вариант стратегии, необходимой для преодоления трудностей развития цивилизации в критических условиях. Можно говорить лишь о начальном этапе ее подготовки. И вот здесь мне представляется очень важным создание в рамках Организации Объединенных Наций некоей системы просветительства. Человечеству необходимо обрести ощущение реальности, с его глаз должны быть сняты шоры традиций, оно должно освободиться от фантомов прошлого. Во всяком случае, увидеть, что их следствием может быть только Вселенская Катастрофа. Выработка концепции такой международной системы просветительства должна сделаться важнейшим направлением усилий ученых — естествоиспытателей, специалистов в области общественных наук, философов, политиков.

Мне кажется важным, чтобы вокруг этих проблем рождалась определенная культурная среда, способная, с одной стороны, препятствовать настроениям алармизма, а с другой — сохранять представление о серьезности трудностей наступающей эпохи. Для создания такой атмосферы могут оказаться очень полезными те «институты согласия», которым был посвящен один из разделов этой работы. Нахождение общих решений — компромиссов требует прежде всего определения общих целей и их осознания. Вот в этом последнем я и вижу ключ к новым стандартам общественного сознания.

У ЭТОЙ КНИГИ — НЕОБЫЧНАЯ СУДЬБА. ВАДИМ БАКАТИН ЗАКОНЧИЛ ЕЕ 1 ИЮЛЯ НЫНЕШНЕГО ГОДА. А ЧЕРЕЗ НЕКОТОРЫЕ ДНИ Я ПРИЕХАЛ К НЕМУ ДОГОВАРИВАТЬСЯ О ПУБЛИКАЦИИ ОТРЫВКОВ В «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО». «ПОДОЖДИ НЕМНОГО», — СКАЗАЛ БАКАТИН, — Я НЕ МОГУ ПРИДУМАТЬ, ЧЕМ ЭТУ КНИГУ ЗАКОНЧИТЬ. ПОГОВОРИМ ОБ ЭТОМ ПОСЛЕ МОЕГО ОТПУСКА. НО ВСКОРЕ ПОСЛЕ ЕГО ОТПУСКА НАСТУПИЛО 19 АВГУСТА, ЗЛОВОННАЯ ТАНКОВАЯ ОТРЫЖКА НА МОСКОВСКИХ УЛИЦАХ, ЧАДЯЩИЕ СКЕЛЕТЫ ТРОЛЛЕЙБУСОВ, ВЫМОКАЮЩИЕ ПОД ДОЖДЕМ РОССИЙСКИЕ ФЛАГИ, ЭЙФОРΙΑ И ПЕРЕПОЛНЕННОВ СТРАХОМ ЛИЦО ПРЕЗИДЕНТА ПОГИБШЕЙ НА БАРРИКАДАХ ИМПЕРИИ. В ТОТ ДЕНЬ, КОГДА ВАДИМА БАКАТИНА НАЗНАЧИЛИ ПРЕДСЕДЕТЕЛЕМ КГБ, Я ДОЗВОНИЛСЯ ДО НЕГО ТОЛЬКО ЗАПОЛНОЧЬ. «ТЕПЕРЬ ТО У ВАС ЕСТЬ ПРОДОЛЖЕНИЕ», — СКАЗАЛ Я ЕМУ. «ЭТО ВЕРНО, — СОГЛАСИЛСЯ БАКАТИН, — НА ДВЕ КНИГИ ХВАТИТ». И ВСЕ ЖЕ МНЕ КАЖЕТСЯ, ЧТО АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ КНИГА ВАДИМА БАКАТИНА ТАК И ОСТАНЕТСЯ НЕЗАКОНЧЕННОЙ. И ЧТО ЕЩЕ ПРОИЗОЙДЕТ НА РОССИЙСКОЙ ЗЕМЛЕ ПОСЛЕ ТОГО, КАК ОН ПОСТАВИТ В РУКОПИСИ ПОСЛЕДНЮЮ ТОЧКУ?

Дмитрий ЛИХАНОВ

14 июня 1991 года. Пятница. После полудня. Я позвонил первому Президенту России Борису Ельцину. Попросил принять поздравления от победленного и пожелал удачи. На мою оговорку, что звоню искренне, без всякого «заднего» умысла, Борис Николаевич очень живоотреагировал, сказав, что и не думает подозревать меня в этом, уверен, что мы сможем в дальнейшем сотрудничать, поблагодарил за поздравления.

Мне показалось, что у него было хорошее настроение. Он был несколько возбужден. Конечно, причина не звонки, которых в это время было немало. Ни с чем не сравнимая колоссальная личная ответственность за то, чтобы остановить падение и распад России. Я почувствовал это очень ясно и, уже положив трубку, еще раз про себя пожелал удачи и чуть больше счастья многострадальному народу... и первому Президенту России.

В открытое окно кремлевского кабинета смотрели четырехсотлетние купола Ивана Великого, немом упреком достоинства и спокойствия вечности сегодняшним суете, страстям и тщеславию. Еще два-три месяца назад, обсуждая с Президентом СССР Горбачевым проблемы российского президентства, я со стопроцентной уверенностью предсказывал победу Ельцина и, исходя из этого, предлагал строить всю политику Центра...

На первое место я ставил поворот к принципиально новым взаимоотношениям центральных и российских институтов власти. От конфронтации к сотрудничеству, которое не только реально и интенсивно осуществляется, но и демонстративно подчеркивается.

И сейчас не вижу альтернативы этой политике. Не думаю, что мне нужно оправдываться перед теми, кто мое участие в выборах считает отходом от нее. Категорическое нет. Но сам с собой я должен разобраться, что же произошло до и после 17 мая 1991 года, когда направил в Центральную избирательную комиссию по выборам Президента РСФСР заявление о согласии баллотироваться в качестве кандидата в Президенты РСФСР.

А потом было заявление по первой программе телевидения о том, что мы с Рамзаном Гаджимурадовичем Абдулатиповым — Председателем Совета национальностей Верховного Совета РСФСР, согласившимся баллотироваться в вице-президенты, берем на себя всю ответственность, вступая в предвыборную борьбу. «Никто не может упрекнуть нас, что мы ищем легкой работы в это трудное для народов России и всего Союза время.

Мы считаем, что создающаяся президентская власть России должна разорвать порочный круг полумер и топтания на месте, обеспечить безопасность гражданам России. Не может стоять дом, расколотый надвое, не выживет страна, где люди идут стенка на стенку. На основе согласия и политики здравого смысла мы должны объединить уставших людей вокруг общенациональной цели возрождения народов России и всей страны. Создать новое общество свободной экономики, обеспечивающей условия для нормальной жизни, реализации неотъемлемых конституционных прав каждого человека.

Я вижу цель президентской власти в том, чтобы вывести Россию из скорлупы отмирающих структур. Помочь людям пережить трудности переходного периода.

Быть порукой безопасности граждан и страны. Еще не вечер, и судьба России в руках ее народа».

ЧУТЬ-ЧУТЬ ИЗ АВТОБИОГРАФИИ

В третьем поколении корни мои надо искать на Алтае, на Вятке, Воткинском заводе и в Малоярославском уезде Калужской губернии.

Мне повезло с моими предками. Это были активные, творческие и талантливые люди. Мой дед по матери Афанасий Ефремович Куликов — самообытный, скромный русский художник. Деда по отцу Александра Петровича Бакатина я не знал, так как родился в ноябре 1937 года, а дед был расстрелян за 70 дней до этого,

Бабушка рассказывала, что он был очень смелый, справедливый и активный человек. С 1913 по 1927 год они вместе учительствовали на Анжерских каменноугольных копях. Дед дружил не только с интеллигентами, но и со многими рабочими, в том числе коммунистами. На поселке он мог усмирить самого необузданного хулигана, пьяницу. В послереволюционный период безвластия на общем собрании рабочих анжерских копей его избрали руководителем дружины по охране шахт и электростанции.

Когда был чешский мятеж, он пытался организовать сопротивление. Потом приходили и белые, и красные. И у тех, и у других по несколько раз, правда не подолгу, дед отсидел в тюрьме.

Отец мой был горным инженером, мама — врачом-хирург, мудрый, волевой человек.

Я благодарен моим родителям и бабушке за ту атмосферу доброжелательности, спокойствия, честности, посильного труда и поощрения творчества, в которой я провел свое детство и отрочество. Это были военные и послевоенные годы в маленьком шахтерском городке Киселевске, сочетавшем в себе все качества сельского быта и промышленного производства. А улица, школа и стадион воспитывали патриотизм, спортивный дух и дух товарищества.

В 1955 году я уехал учиться в Новосибирск, в Сибирь, где началась юность и иное, более широкое познание жизни и мира. Здесь была создана своя семья, и мы с женой, воспитав двух сыновей, старались сохранить то, что было главным и для ее, и для моих родителей и дедов. Главное — это семья, ею надо дорожить, ее нельзя терять. В семье заключены начало и конец нации.

Потом была работа строителя. Тринадцать лет постоянной безуспешной борьбы за порядок и гармонию, общения с прекрасными организаторами-профессионалами в условиях плановой неразберихи и непредсказуемости. При всей централизации и специализации стройки, как и колхоз, гораздо более демократичная среда, чем производство с заводской технологией. Здесь нужны организаторы, здесь личность не теряется, и начальство быстро отучают бояться.

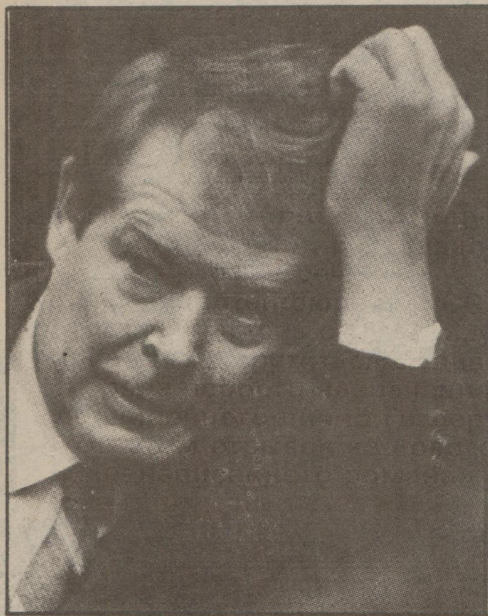
В 1973 году моя жизнь перевернулась.

Я работал уже главным инженером домостроительного комбината. В апреле довольно поздно вечером пригласил меня к себе первый секретарь Кемеровского горкома КПСС Георгий Адамович Навасардин. Говорили обо всем — общие разговоры, а закончил предложением пойти вторым секретарем Кемеровского горкома. До этого я никогда не был на партийной работе, даже в комсомоле не работал. Единственное мое комсомольское поручение — школьную стенгазету оформлял. На мои сомнения он мне ответил, что давно следит за мной и замечал, что планерки провожу хорошо, могу руководить коллективом, выступать, не теряюсь в рабочей среде. Второй секретарь, по его словам, — это дежурный по городу. «Будешь дежурным. У тебя получится».

Не скажу, что долго думал, — согласился. Это в корне развернуло мою жизнь.

И теперь вот за плечами 10 лет работы в партаппарате. Полнолётная работа в ЦК КПСС и четыре с половиной — первым секретарем Кировского, а потом Кемеровского обкомов. Заочная Академия общественных наук при ЦК КПСС. Я не считаю, что эти годы прожиты зря, или во вред себе, или тем более кому-то. Партийная работа по идее политическая, хотя за исключением последних лет всегда была, в сущности, хозяйственной, но, если ты способен к самосовершенствованию, широко анализируешь ситуацию и своих взглядов, она тебе эту возможность дает. По сути, строго говоря, КПСС была не партией, а стержнем единой партийно-государственной системы и даже, риску сказать, неотъемлемой частью образа жизни.

Эта работа не требовала широкой эрудиции и кругозора выше, чем для любой другой службы, но кто хотел — получал их. На этой работе было легко, если оставаться навеки догматиком и не думать или не говорить, что думаешь. Совесть не будет мучить, иллюзии своей полезности всегда можно поддержать, окружив себя подхалимами, «единомышленниками», вместе возмущаясь «втихую» крестинизмом и бюрократизмом Центра.

НЕДОПИСАННАЯ КНИГА

Вадим БАКАТИН

Слава богу, моя строительная закалка, прямота рабочей стройки, как я сейчас вижу, помогли создать некоторый иммунитет против равнодушия, подходить к разрешению любого, даже идеологического, вопроса с позиции практицизма.

Работа первого секретаря обкома немислима без хорошего знания кадров Совмина и министерств.

Это снабженец, экспедитор, грубо говоря, только другого масштаба. Все время надо было что-нибудь «выбивать».

Не сказал бы, что у меня плохо складывались отношения и в Госплане, и в Госнабте, и в Совмине. Не все решал на сто процентов, но большую часть проблем все-таки решал. Дело в том, что я старался реально оценивать и наши потребности, и возможности партнера. Не люблю играть втемную. Принципы такой: давай вместе разберемся и вместе выберем оптимальный вариант.

Меня иногда упрекали, что я вхожу в положение министерств. Особенно когда перебрался в Кемерово, где обком делал вид перед общественностью, что «воюет» с министерствами. Я это прекратил. Никому от этого толку не будет. Нужно вместе находить оптимальное решение. Считаю это одним из своих главных жизненных принципов, сотрудничество лучше, чем война.

Можно, конечно, говорить о недостатках всей системы, что она бюрократическая, сверхцентрализованная, что прав внизу нет. Все это так, но мы жили в этой системе и играли по правилам этой системы.

Так что лучше: сотрудничать с Минутлепромом или воевать с ним? А может быть, надо трезво, как специалисты, компетентно оценивать его политику и, если есть какая-то дискриминация Кузбасса, показать, доказать: вот она, дискриминация, будь любезен ее устранить. А не просто примитивная привычка: «Дай, дай, дай — и ничего не знаю».

Должны быть контакт, взаимоуважение и сотрудничество. Этой линии на объективный подход и сотрудничество придерживался всегда. И поэтому получались отношения и с тем же Михаилом Ивановичем Щадовым, и с другими министрами.

Я говорю о здравом смысле. Иногда, может быть, и надо стенку лбом пробивать, если знаешь, что стоит за этой стенкой. А если ты знаешь, что за этой стенкой ничего нет, — побереги свой лоб.

Партнерство, сотрудничество и совместный поиск путей решения проблемы — вот что должно быть главным, а если на это не идут, все равно не надо сворачивать с этого пути. Война здесь победы не принесет.

Я был бы не прав, если бы сказал, что был бунтарем, что не признавал ни своего управляющего трестом Николая Александровича Малинина, который был моим первым начальником, Навасардянца Г.А., первого секретаря горкома. Я не могу этого сказать. Я их уважал и их указания исполнял. Другое дело, что я по складу своего характера ко всему критически относился. Иногда не соглашался, мог демонстративно непослушание, когда был убежден в своей правоте.

Был в моей жизни еще один переломный момент, когда Степан Васильевич Карнауков, тогдашний заведующий сектором ЦК, побудил меня окончить заочно Академию общественных наук. Я серьезно отнесся к этому. Общение с преподавателями, слушателями, но прежде всего с первоисточниками много мне дало.

Вечерами два часа почти каждый день посвящал чтению ленинских работ, трудов по философии, политэкономии. Вначале было трудно, но втянулся. Как говорится, «сдул пыль с мозгов». Стал во всем сомневаться. Я всегда считал, что лучше сомневаться, чем слепо верить. Академия в этом отношении послу-

жила той самой почвой, на которой эти сомнения стали разрастаться и превращаться в иные убеждения. Сомнения были тогда во всем, во всех вопросах — экономических, политических, было искреннее желание найти истину.

В чем причины наших неудач? Мы же видим нищенский уровень жизни, бесхозяйственность, безразличие в экономике. Интересно было общаться с Л. Абалкиным, Г. Сорвиной, Н. Кондаковой, Э. Новиковой.

Следующий, кто повлиял на мою судьбу, кстати, как и на судьбу Б. Н. Ельцина, — это Е. Лигачев. Андропов верил в его честность, независимость от московской сросшейся элитной номенклатуры и поручил ему кадровую работу. Он реанимировал должностные инспектора ЦК, стал брать с мест «молодых» партийных работников и обкатывать их. Я попал в эту команду. Нас вначале было одиннадцать человек. «Футбольная команда». Потом больше...

Литвинцев, Ревенко, Антищев, Строев, Купцов, Шарин...

Как меня встретил Лигачев? Он всегда выглядит хорошо, подтянут, лаконичен, уверен в себе, энергичен. Повспоминали по-соседски общие проблемы. Он долгое время жил в Томске, я кузбассовец. Надо отдать ему должное — он и в застойные годы всегда боролся с пьянством, взяточничеством. Он себе никогда не изменял.

Сообщил, что создается специальный институт инспекторов, который будет работать под его непосредственным руководством. «В Москве не задержись, не могу гарантировать, куда ты поедешь и когда поедешь. Может, через месяц, может, через год. Может быть, на Дальний Восток, а может быть, в Среднюю Азию. Но здесь надо опыта поднабраться, знаний, нам нужны новые кадры, кадры на местах заскорузили, постарели. Мы знаем, что ты честный человек, а все остальное — от тебя зависит».

С октября 1983 года по март 1985 года я был инспектором.

Эта работа мне помогла лучше узнать страну, проблемы и людей. За это время у меня было тринадцать больших командировок. В Средней Азии, например, месяц жил. Были вполне конкретные задачи. Тогда там прошел Пленум ЦК Компартии Узбекистана, связанный с искоренением рашидовщины.

Я два раза ездил в Андижанскую область, всячески старался помочь Салиджану Мамрасулову. Тогда я познакомился и с Исламом Абдуганиевичем Каримовым, удивившим меня глубиной знаний экономики, финансов, проблем Средней Азии и откровенным критическим настроением.

Эта работа была полезна и в личном плане как возврат к самостоятельной работе. Долгая «руководящая» деятельность отучает даже от самостоятельных звонков по телефону: всегда через секретаря — кнопку нажал, тебя соединят. А здесь пельцов полтора года ты один — ни секретарей, ни помощников, сам ищешь информацию, сам пишешь, сам печатаешь, сам организуешь дело.

И тут мы стали предлагать работу. Вначале предложили Читю. Стал готовиться, взял в архиве все, что относилось к этой области. А потом: нет, не поедешь в Читю. Предложили секретарем в Узбекистан. Начал изучать Узбекистан. Я не мог выбирать. Куда пошлют — туда надо ехать. Считалось, что ты идешь на партийную работу, а она везде одинакова, что в Чите, что в Узбекистане.

Тут у меня начали появляться сомнения: а правильно ли все это затеяно? Ну как так, я не знаю совершенно Читы, не знаю Узбекистана... Не успел посомневаться, как скончался Черненко. Генеральным стал Горбачев.

Опять беседа у Лигачева: «Мы решили просить Вас возглавить партийную организацию Кировской области. Область самая крупная и самая отсталая в Нечерноземье. Мы тебе доверяем. А сейчас пойдём к Михаилу Сергеевичу».

...После смерти Черненко все инспектора хотели, чтобы Генеральным был Горбачев. Потому что уже тогда он импонировал нам, располагал к себе, был проще, энергичней, заметно выделялся среди старой, застойшей, привыкшей к субординации «гвардии».

Итак, 21 марта 1985 года состоялась моя первая личная встреча и беседа с Горбачевым.

Лигачев быстро ходит, через две ступеньки по ковковским лестницам. Я не отставал. Разговор был короткий, не больше десяти минут, общего плана: «Как настроение? Мы знаем Кировскую область, это тяжелейшая область, ее надо вытаскивать, помогать, единственный тебе совет — работай спокойно, не нервничай, не сутись, все будет нормально...»

Через месяц состоялся апрельский (1985 г.) Пленум ЦК КПСС. Началась другая жизнь. Чем она кончилась для меня?

ЗВОНОК ГОРБАЧЕВА

К емерово. Октябрь 1988 года. По области идут отчеты и выборы в партийных организациях. КПСС возвращается к внутрипартийной демократии. Выборы проводятся по-новому, на альтернативных началах. Много путаницы, сумятицы, вопросов.

День самый обычный: хлопотный, даже радостный. Сегодня встреча с ветеранами. Не знаю почему, но везде и всегда любил встречаться с ветеранами, всегда находил контакт, а о пользе и говорить нечего.

На этот раз встреча состоялась в малом зале обкома партии. ...Разговор был в самом разгаре, когда мне подали записку: «Звонит Михаил Сергеевич Горбачев...»

Я извинился, поднялся в кабинет. Как всегда, вежливый голос телефонистки спецсвязи: «Вадим Викторович! Соединяю с Михаилом Сергеевичем».

Разговор был довольно длинный. Может быть, минут десять — пятнадцать. «Как с углем? Как уборочную завершаете?» Здесь все ясно. Рассказал я и о партийном отчетно-выборном собрании в облбюде, где вчера был. Помню, это Михаила Сергеевича заинтересовало. И вдруг... Он говорит: «Хорошо. Я чего звоню? Мы вот тут посоветовались на Политбюро и предлагаем тебе работу министра внутренних дел...»

Я ничего не понял. Сразу разволновался. Начал заикаться, не помню, что лепетал. А Горбачев: «Ты не волнуйся, успокойся, приезжай в четверг на Политбюро. И мы все решим. Тут все правильно... Поможем... Нам нужен не милиционер, а политик...»

Это уже интересно. Выходит, М.С. Горбачев считает меня политиком, я ему нужен. Тут недолго и возомнить о себе «что-нибудь такое». Но я гнал эти мыслишки, и все безраздельно заслоняла неизвестность этого монстра — МВД.

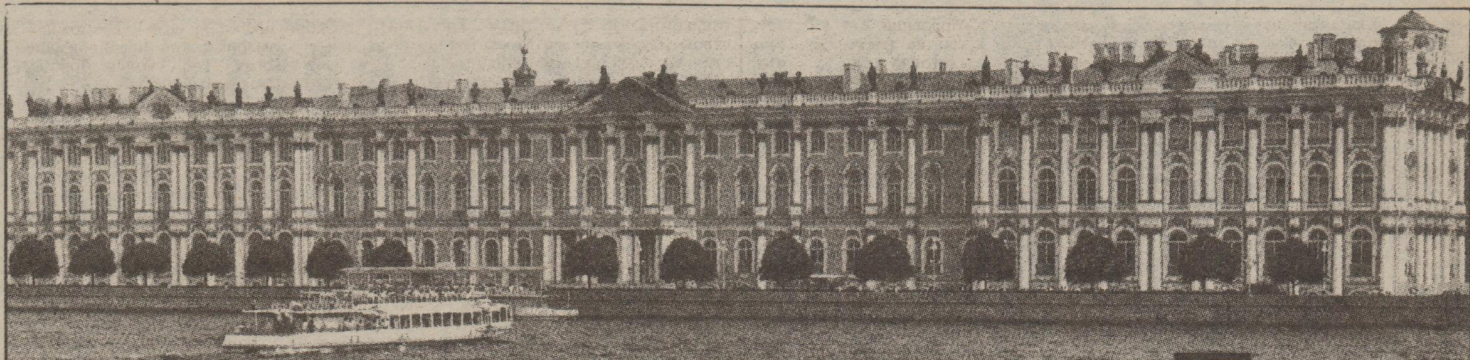
А в понедельник я полетел на заседание конституционной комиссии. Заседание прошло. Стали расходиться. Горбачев говорит: «Минуточку, тут у нас все члены Политбюро присутствуют, первые секретари ЦК Компартий республик, обкомов, ученые, рабочие, давайте в духе демократизации еще один вопрос решим. Есть предложение Бакатина Вадима Викторовича назначить министром внутренних дел СССР». Все, конечно: «Правильное решение!» Горбачев: «Правильно мы решили?» — «Правильно!» — «Ну что, Вадим Викторович?» А что я?... Думал, что Политбюро будет в четверг и еще не привык к «демократизации». Все переживал, как справлюсь. Входил в проблемы, еще не был готов, хотя, конечно, мне было интересно...

Я встал и сказал: «Я Вам говорил, Михаил Сергеевич, что этой работы не знаю. Но мне остается только поблагодарить за доверие». Горбачев: «Поможем, не боги горшки обжигают». Вот и все. Второй раз перевернулась моя жизнь. И мне она уже не принадлежит. Я улетел домой. Вскоре появился Указ о назначении. В Кузбассе начали возмущаться: «Опять ни с кем не советовались, никому ничего не сказали...» Правильно. Крывать нечем.

Лигачев меня спросил: «А кто замена?» Я никого не смог назвать.

Продолжение следует

Фото Александра НАТРУСКИНА

КОММЕРЧЕСКИЕ ТАЙНЫ

Треугольник Армайд Хаммер — русское искусство — американские деньги существует более пятидесяти лет. Проведя много лет в Советской России при Ленине и Сталине, Хаммер вернулся в Нью-Йорк в 1932 году, чтобы заняться продажей «романовских сокровищ» (как он их называл) через американские универмаги. Это были годы великой депрессии. Еще раньше братья Хаммеры оказали косвенную поддержку Эндрю Меллону в реализации его мечты — приобрести картины из Эрмитажа. Теперь же они развернули собственное дело по распродаже русского искусства (они не покупали, а продавали). Арманду Хаммеру удавалось делать деньги там, где другие терпели неудачу. В истории отношений между русским искусством и американским капиталом эпизод, связанный с Армандом Хаммером, наверняка самый интересный. Ведь это был человек, сумевший сторговаться со Сталиным об обмене карандашной фабрики на драгоценности Фаберже и на семейное наследство последних Романовых, а затем продавший их богатым американцам. В 30-е годы Хаммер, как алхимик, превратил развалины революции в сверкающее золото.

Для Арманда Хаммера русское искусство сначала означало драгоценности, а не картины. Как бывало уже не раз, самым ходовым товаром в Америке оказалось европейское искусство из русских коллекций, а не русское. На этот раз продавались драгоценные образцы декоративного искусства работы Питера Карла Фаберже, всемирно известного придворного ювелира последних Романовых.

Примерно в 1884 году Густав Фаберже (отец Питера Карла) был назначен придворным ювелиром императорского двора Романовых, и этот титул и должность он сохранил вплоть до падения старого режима в 1917 году. Известные ныне всему миру роскошно декорированные пасхальные яйца преподносились каждый год Николаю II, его жене и матери. Эти маленькие сокровища обычно делались из золота и украшались бриллиантами самой чистой воды, иногда также эмалью и вставками. Обычно они открывались, и внутри обнаруживался миниатюрный «сюрприз» — крохотная модель дворца или памятник Петру Великому и т. п.

Когда пал дом Романовых, с ним вместе, как карточный домик, наполненный драгоценностями, распалась и фирма Фаберже. Цеха и склады в конце концов попали в руки большевиков, семья бежала за границу, а работы Фаберже были объявлены атрибутами буржуазного и империалистического прошлого и обменивались на хлеб в голодные годы военного коммунизма (1918—1921) и новой экономической политики (1921—1928).

По свидетельству самих Хаммеров, они собрали свою частную коллекцию русского искусства в двадцатье годы (когда жили в Москве), и им было разрешено вывезти ее в обмен на карандаш-

ные фабрики, которые они передали советскому правительству.

Хаммеры вывезли свою коллекцию в 1929 году и выставили ее на продажу через сеть универмагов по всей стране. Уже зимой 1922/23 года Виктор и Арманд Хаммеры обнаружили, что в Москве они могут очень дешево покупать иконы, фарфор восемнадцатого века, фарфоровые фигурки и другие произведения искусства. Поэтому Виктор стал разыскивать и реставрировать иконы. Он вспоминает, что коллекционирование предметов искусства «было его хобби», скоро оно переросло в страсть: «Мне представлялось, что мы очутились в царстве бесчисленных сокровищ, нетронутых золотых копей». В результате дом Хаммеров в Москве стал известен как «настоящий музей, наполненный реликвиями бывшего великоколлекция династии Романовых».

Хаммеры утверждают, что с 1929 по 1932 год они обменивали карандаши на произведения искусства. «Важной частью нашего соглашения с Каменевым о продаже наших фабрик», — писал Арманд Хаммер, — был пункт, позволяющий нам вывезти из России все наше хозяйство, включая и коллекцию произведений искусства, которые мы собирали по всем уголкам России все девять лет, что провели там». Но произведения искусства нельзя было вывозить из России без разрешения Главного управления музеями. «Благодаря переговорам с правительством относительно продажи наших фабрик», — пишет Хаммер, — нам дали необходимое разрешение, хотя и не без длительной волокиты и только после того, как мы заплатили громадную «пошлину на экспорт», размер которой определялся музейной комиссией. Таким образом, если верить Хаммерам, они оставили свои иностранные концессии в России, вывезли свою частную коллекцию произведений искусства и продавали ее сначала через американские универмаги, а затем через Хаммер Гэлери в Нью-Йорке в тридцатых годах.

В этом объяснении хаммеровских культурных связей с Россией не все ясно. Во-первых, они не были просто частными предпринимателями, но уже с двадцатых годов — американскими партнерами Советского Союза в его торговых операциях. Во-вторых, нет никаких свидетельств, что Хаммеры вообще когда-либо собирали произведения искусства в самой России, хотя хорошо известно, что они начали продавать их в Америке в 1932 году. Кроме того, есть сведения о том, что они не оставили свои концессии ни в 1929-м, ни даже в 1930-м, а только в 1932-м и после длительных и сложных переговоров, во время которых все их операции были связаны не с Нью-Йорком, а с Парижем и Москвой. Наконец, они участвовали в кампании по продаже произведений искусства, проводившейся советским правительством за рубежом, зимой 1928/29 года, и продавали от имени советского правительства за комиссионные, а не как частные коллекционеры

Арманд Хаммер... С самого появления на мировом коммерческом горизонте это имя оказалось окруженным легендами, корни которых уходят в историю Советской России. «Король соды, виски, нефти и карандашей» проник и в область, весьма далекую от названных, — искусство, что, впрочем, не помешало ему и здесь сколачивать свои миллионы. Тому есть множество свидетельств, включая и воспоминания самого Хаммера, но наиболее авторитетное из них — книга Роберта Вильямса «Русское искусство и американские деньги». Сегодня мы публикуем главу из нее.

Роберт ВИЛЬЯМС

и экспортеры. Только зимой 1932/33 года они начали продавать свою Хаммер коллекцию в Америке, как раз в то время, когда большое количество драгоценностей дома Романовых и произведений искусства продавалось через советское торговое представительство в Берлине. Их десятилетняя карандашная концессия должна была действовать до 1935 года, и есть многочисленные свидетельства, что они сохранили свои иностранные концессии в России, но только вместо карандашей стали торговать сокровищами Романовых.

Кто же такие Хаммеры и как случилось, что они стали продавать русское искусство в Америке во время депрессии?

Джулиус Хаммер¹ сочетал энергию предпринимателя с чувством социальной несправедливости, легко объяснимым в человеке, чья юность прошла в бедности. К середине девятых годов прошлого века он был владельцем фармацевтического завода в Апшер Ист Сайд, но часто посещал собрания социалистов. В 1917 году его фармацевтическое предприятие оказалось на грани банкротства, и Джулиус попросил своего сына Арманда взяться за дела фирмы. В 1919 году Волстед акт стал законом², и Арманд обнаружил, что южане, которые с энтузиазмом поддержали сухой закон, охотно поглощали коктейли из имбирного пива со спиртовой имбирной настойкой. На имбире Хаммер вскоре сколотил целое состояние. Когда федеральное правительство заинтересовалось его деятельностью, он перекочевал на более безопасный товар — оставшийся после войны запас медикаментов, в которых американская армия во Франции более не нуждалась. Когда же спрос на них неожиданно возрос, Хаммер опять получил огромные прибыли. К июню 1921 года, когда Хаммер с отличием окончил Колумбийскую меди-

цинскую академию, он уже имел свой первый миллион.

Тем временем папа Джулиус все больше втягивался в политику. Русская революция 1917 года особенно подогрела его давние социалистические пристрастия, и он стал предпринимать попытки помочь нарождающемуся советскому режиму. Хотя в Америке не было еще коммунистической партии, Джулиус Хаммер стал к 1919 году практически настоящим коммунистом. Он был членом руководящего комитета местного Нью-Йоркского отделения левого крыла социалистической партии, которое в 1919 году выпускало газету «Коммунист Нью-Йорка» и стало той организацией, из которой в основном и выросла коммунистическая партия. Кроме того, «Коммунист Нью-Йорка» в 1919 году громкогласно приветствовал первого советского представителя в Америке Людвиг Мартенс, который только что основал Бюро РСФСР в Нью-Йорке. Если Арманда медикаменты интересовали исключительно как предпринимателя, интересы его отца были явно политического характера. И к 1919 году хаммеровские Эллайд Кемикл энд Драг Компани вплотную, хотя и без шума, занимались переправкой медикаментов большевикам. Оба генеральных директора, Джулиус Хаммер и Абрахам Хеллер, были также один — директором медицинского, а другой — коммерческого отдела Бюро, которым руководил Мартенс. Чтобы понять, почему Арманд Хаммер поехал летом 1921 года в Россию, нужно понять, чем занимались Джулиус Хаммер и Людвиг Мартенс в Нью-Йорке в 1919 и 1920 годах.

Людвиг Мартенс прибыл в Нью-Йорк в начале 1919 года. Собственно, Мартенс обосновался здесь тремя годами раньше. Инженер русско-немецкого происхождения, он знал Ленина и провел двадцать лет в ссылке в Англии и Германии как революционер. В январе 1916 года он прибыл в Нью-Йорк и сразу же присоединился к колонии большевистских лидеров, образовавшейся там вокруг журнала «Новый мир» («Нью Уорлд»). — Троцкому, Николаю Бухарину, Григорию Вайнштейну и Александру Гумбергу. В январе 1919 года, когда амери-

¹ Отец Арманда Хаммера. — Прим. пер.

² Поправка к Конституции (названная так по имени конгрессмена, предложившего ее), вводившая в действие сухой закон. — Прим. пер.

канские войска воссали с большевиками в России, Мартенс получил инструкции из Москвы основать советскую миссию в Нью-Йорке, чтобы развивать торговые связи и добиваться признания России.

В январе 1921 года Джулиуса Хаммера судили в связи со смертью одной из его пациенток (Марии Органесовой, жены атташе русского императорского посольства) от аборта, осложнившегося перитонитом. На голову его обруши-

лись потоки оскорблений, и он был осужден за убийство на пятнадцать лет, которые ему предстояло отбывать в тюрьме Синг-Синг. Бюро Мартенса, очевидно, было неудобно после этого оставаться в Нью-Йорке, и оно перенесло свою деятельность в Москву.

Мартенс занимался тем, что вербовал американских квалифицированных рабочих для работы в России. Весной 1921 года Ленин направил его в промышленные районы Донецкого бассейна, чтобы

ознакомиться с местным производством. Вернувшись в Москву, Мартенс стал во главе Главметалла, государственного управления шахтами, и вошел в Президиум ВСНХ (Высшего Совета Народного Хозяйства). Это были высокие и ответственные посты. Занимая такое положение, Мартенсу было легко убедить Ленина в перспективности торговли с Америкой и способствовать карьере своего молодого американского друга Арманда Хаммера.

Арманд Хаммер утверждает, что он отправился в Россию летом 1921 года в качестве врача в порядке гуманитарной помощи «для организации полевых госпиталей для голодающих». Но у него могли быть и другие мотивы. Бюро Мартенса уже больше года переправляло медикаменты в Россию через хаммеровскую Эллайд Кемикл энд Драг Компани. Арманд Хаммер привез с собой полевой госпиталь, хирургический инструмент и прочее на 60 000 долларов. Так как до сих пор советское правительство не смогло заплатить за медикаменты, вполне возможно, что Хаммер хотел лично получить по старым счетам.

Скоро представилась и возможность для его американской предприимчивости. По всему Уралу стояли заброшенные угольные и асбестовые шахты. Хаммер пообещал местным уральским руководителям, что он устроит доставку в район миллиона пудов муки из Нью-Йорка. Для того чтобы загрузить транспорт, который будет доставлять из Америки зерно, в обратный путь, нужно было найти товар. Правительство Ленина собирало повсюду ценности на экспорт. Но до 1920 года советское правительство еще не было готово менять сокровища русской буржуазии на промышленный капитал. Между тем на Урале были огромные запасы платины, мехов, изумрудов, полудрагоценных камней и асбеста. Почему бы не экспортировать их в обмен на муку, хлеб, зерно? Арманд Хаммер срочно телеграфировал брату Гарри в Нью-Йорк, чтобы тот отправил муки на миллион долларов в Петроград для передачи в Екатеринбург в обмен на груз мехов, шкур и других ценностей. Хаммеры, естественно, получали небольшой процент (5%) комиссионными. Ленин лично телеграфировал вскоре Мартенсу из Москвы, что сделка может состояться. Он добавил также, что, хотя Джулиус Хаммер вынужден сидеть в тюрьме в Америке за свои коммунистические взгляды, его сыновьям будет предоставлена возможность ввозить зерно «с приемом уральских драгоценностей на комиссию для продажи в Америке». Так семья Хаммеров взяла на себя роль посредников в советско-американских торговых связях.

Новая экономическая политика, с ее сравнительно открытым рынком и экономической свободой, действовала всего каких-нибудь полгода, и разоренная страна повсюду искала помощи для восстановления своего хозяйства. Молодой Хаммер был как раз тот человек, который мог помочь советскому правительству нащупать возможности торговли с Америкой. Но Арманд Хаммер ничего не делал задаром: 28 октября 1921 года он подписал соглашение с советским правительством на свою концессию — асбестовые шахты в Алапаевске.

Ленин писал в октябре 1921 года Мартенсу, что «если план Хаммера дать 1 миллион пудов Уралу серьезен... то Вам надо постараться придать всему точный юридический вид... концессии. Пусть фиктивная, но концессия (асбест или др. ценности Урала, что хотите).

ДОКТОРА ХАММЕРА

Нам важно показать и напечатать (потом, после начала исполнения), что американцы пошли на концессию. Политически важно». К концу ноября стало известно, что груз с пшеницей отправился из Нью-Йорка в Ревель, что Эллаид Кемикл энд Драг Компани действует уже как асбестодобывающая концессия на Урале с разрешения самого Ленина и что доктор Арманд Хаммер держит путь в Америку, чтобы заключить новые торговые сделки.

Дела Хаммеров шли очень хорошо. Первый груз пшеницы, который они отправили из Нью-Йорка, достиг Ревеля в декабре 1921 года, а в Америку корабль вернулся груженный уральскими мехами, шкурами и икрой. Сам Арманд Хаммер был на борту, и вскоре он появился в Детройте, где ему удалось убедить Генри Форда, что русский рынок открыт для фордовских тракторов. К весне 1922 года Хаммер стал представителем Форд Мотор Компани в России и прибыл в Новороссийский порт на Черном море с первым грузом тракторов. Хаммер сам сопровождал груз в Ростов, где и познакомился с молодым армянином — председателем Ростовского Совета Анастасом Микояном. Правда, тогда он еще не мог знать, что через несколько лет Микоян устроит ему сделку по продаже сокровищ Романовых в Америке.

К 1923 году Эллаид Америкэн Корпорейшн, уникальный советско-американский торговый эксперимент, начал приносить доходы. Важнейшим фактором в расцвете корпорации весной 1923 года было прибытие в Москву Джулиуса Хаммера. Протомившись два с половиной года в тюрьме Синг-Синг, старший Хаммер вскоре после освобождения покинул Америку и отправился в Россию, чтобы заняться делами фирмы. Он сразу заключил с Комиссариатом внешней торговли новую сделку: фирма будет ежемесячно поставлять из Соединенных Штатов в Советский Союз технику для сельского хозяйства и штак на сумму до 200 тысяч золотых рублей и экспортировать из России любой разрешенный к вывозу товар при условии, что его стоимость будет превышать стоимость импортируемого товара. Основным предметом экспорта вскоре стал асбест — тысяча хаммеровских рабочих добывала его теперь в Алапаевске, а также меха и конский волос.

В 1924 году Хаммеры переключились с асбеста на карандаши. К декабрю 1928 года Арманд Хаммер сделал миллионы на продаже карандашей в России.

В 1929 году дела Хаммеров вдруг резко ухудшились. Первая сталинская пятилетка предусматривала ликвидацию всех иностранных концессий. Было очевидно, что и хаммеровскую концессию ждет та же судьба. 18 февраля 1930 года стало известно, что Хаммер подписал соглашение с Каменевым, председателем Главного комитета по концессиям, о передаче его карандашной фабрики государству за сумму в несколько миллионов долларов, которая будет выплачена советскими рублинами (наличными), а также за советские акции и разрешение вывезти все хаммеровское «домашнее имущество». Именно тогда Хаммер и начал обменивать карандаши на произведения искусства как товар для продажи. Советское правительство вынудило Хаммеров отказаться от карандашной концессии, и теперь они занялись продажей романовских сокровищ.

Все годы после революции в России Хаммеры были так или иначе связаны с этими сокровищами. Уже бюро Мартенса финансировалось отчасти бриллиантами и другими драгоценностями, вывезенными из России во время гражданской войны. Но и до того, как Мартенс основал свое бюро, в мае 1918 года два человека были задержаны при попытке провоза контрабанды из Москвы в Нью-Йорк на 350 000 долларов платины и бриллиантов. В декабре 1919 года в Леттшиге был задержан советский курьер, направлявшийся в Нью-Йорк к Мартенсу с шестью бриллиантами в каблучках ботинок и с письмами в издательство «Новый мир». Наконец, в июле 1920 года в Нью-Йорке был задержан моряк, везший Мартенсу 239 необработанных бриллиантов стоимостью 50 000 долларов и признавшийся, что занимается такой контрабандой уже шесть месяцев. Нет никаких свиде-

тельств о том, чтобы Хаммеры сами непосредственно прибегали к подобным странностям способом финансирования деятельности советского представительства в Нью-Йорке в 1919 и 1920 годах. Но они принимали активное участие в этой деятельности, и обмен русских драгоценностей на американские деньги не был для них новостью.

На протяжении двенадцати годов Советский Союз постоянно использовал произведения искусства как средство добывания валюты. Ходило много слухов о том, что советское правительство намеревается продать свой Алмазный фонд. Однако, чтобы рассеять эти слухи, он был тщательно инвентаризован и выставлен для обозрения. Более же мелкие драгоценности были очень удобным предметом обмена. В 1923 году большое количество русских бриллиантов появилось на амстердамском и антверпенском рынках, и дилеры даже опасались, что это фрагменты Алмазного фонда. Ревельские газеты сообщали, что в 1925 году советское правительство часто использовало этот город и его банки для вывоза золота, бриллиантов, церковной утвари в обмен на иностранную валюту. Даже в 1923 году антикварный магазин в Стокгольме торговал гобеленами, коврами, фарфором и другими произведениями искусства, конфискованными у частных владельцев. Цены устанавливались в Москве, а товар переправлялся советскими торговыми представителями. Но объемы этой торговли не шли ни в какое сравнение с операциями 1928 года. Благодаря своему опыту работы в Алапаевске, в бюро Мартенса и банковским операциям в Харджу Арманд хорошо знал, какой ценный товар для экспорта представляют собой сокровища дома Романовых. Но мы не можем сказать, имел ли он доступ к ним до 1929 года.

В двадцатье годы судьба впервые, странным образом, свела Хаммеров с фирмой Фаберже: Эллаид Америкэн Корпорейшн расположилась в Москве на Кузнецком мосту, дом 4, в помещении фабрики Фаберже и его выставочного зала. Судьба многих изделий этой фирмы малоизвестна и по сей день. Часть из них, наверное, вывезли из России частные владельцы. Некоторые изделия потихоньку продавались в ленинградских магазинах в двадцатых и тридцатых годах. Среди них были и шесть из некогда принадлежавших императору псалтырных ящ.

По словам самого Хаммера, осенью 1929 года американский торговец антиквариатом по имени Сахо был поражен огромным собранием русского искусства в Коричневом особняке Хаммеров в Москве. «Если вы сможете вывезти все это из страны, — якобы сказал он Арманду Хаммеру, — я возьму вас партнером в свое предприятие». Сахо наводил справки у своих друзей в советском правительстве, и ему было сказано, что он сможет вывезти всю коллекцию, если заплатит пошлину на экспорт в размере 15 процентов стоимости и с условием, что оставит советским музеям то, что Луначарский сочтет необходимым. Хаммер утверждает, что он принял предложение Сахо и представителю Луначарского приходили в его дом для инвентаризации. Тем временем Хаммер подписал соглашение с Каменевым о передаче своей карандашной фабрики советскому правительству.

Операция по обмену карандашной фабрики на разрешение продавать произведения русского искусства за границей совершилась не сразу. Весной 1930 года Арманд Хаммер едет из Москвы в Париж со своей русской женой Ольгой и двухлетним сыном Джулианом. Но Хаммер не прерывает своих деловых отношений с советским правительством. Примерно в течение года он скупает советские акции и долговые обязательства у иностранных бизнесменов, недавно вытесненных из Советской России, в том числе и у Аверелла Гарримана. В разгар депрессии, совпавшей с изгнанием иностранных бизнесменов из Советского Союза, эти бумаги казались малоценными и их можно было приобрести за четверть цены. Хаммер утверждает, что советское правительство заплатило ему по всем акциям и обязательствам, но не сообщая каким образом. Однако можно вычислить, что примерно в это время Хаммеры как раз вели переговоры о закупке, экспорте и продаже произведений

искусства за границей в свою пользу и в пользу советского правительства.

Хаммерам уже и раньше приходилось заниматься продажей русского искусства по поручению советского правительства. В конце 1928 года Анастас Микоян пообещал Хаммерам 10 процентов комиссионных с продажи любого произведения из коллекции Эрмитажа, которое они продадут в Америке. Синдикат Дювина сделал ряд предложений, но цены показались слишком низкими, и в конце концов на этой сделке заработали Гульбенкян и Меллон.

Первые попытки продавать романовские сокровища в Нью-Йорке сделали Гарри и Виктор Хаммеры, а не Арманд. Товаром были северские вазы, фламандские гобелены, обеденные сервизы, лостры, комоды, кружево, часы, а также менее ценные из картин. Считалось, что все это было «продано советским правительством немецким гражданам, которые зарегистрированы как Импорт Антик Корпорейшн, и они привезли эти предметы в нашу

делю, «потому что курс рубля падает и мне нужно превратить свои рубли во что-то материальное. Мы вообще не торгуем произведениями искусства. Но мы хотели (и хотим) отделаться от этих вещей». Итак, весной 1931 года, когда Эндрю Меллон делал свои последние тайные приобретения из фондов Эрмитажа, Арманд Хаммер задумывал свои распродажи русского искусства в Америке, но его товар был совсем другого рода. Если Меллон покупал картины, некогда принадлежавшие Романовым, то Хаммер будет продавать их драгоценности. Однако в 1931 году, увы, на них не было спроса. Только один универсам в Сент-Луисе принял предложение Хаммера и заказал партию его товара.

Всегда подозрительные чиновники государственного аппарата считали, что Виктор и Арманд Хаммеры были советскими агентами. В своих докладах они сообщали, что «оба продолжают выполнять секретную миссию советского правительства и с этой целью разъезжают из Европы в Америку и обратно». О жене Арманда Ольге говорили, что она «агент ОГПУ». Однако Хаммеры были в основном за-

Магазин фирмы Фаберже

страну». Но распродажа сразу же вызвала скандал. Члены семьи Романовых узнали о том, что их собственность продается за границей, и немедленно заявили протест. Великие княгини Ольга и Ксения получили разрешение временно приостановить распродажу того, что они считали ворованным имуществом. Но спустя несколько недель, когда они не смогли внести 25 000 долларов по страховому обязательству в пользу фирмы, распродажа возобновилась. За три дня Хаммеры спустили на аукционе бесчисленные романовские реликвии, в том числе письменный стол Павла I (за 200 долларов), кубок Чарльза XII, короля Швеции (за 57 долларов 50 центов), икону семнадцатого века (за 75 долларов), портрет Петра Великого (за 50 долларов) и тарелку из сервиза императора Николая I (по 200 долларов за дюжину). Несмотря на то что «десятки женщин азартно торговались», цены были невысокие. «Женщины, собиравшие коллекцию предметов определенного периода для своих домов, также проявили большой интерес», — писала газета «Нью-Йорк Таймс», и все же распродажа принесла только 69 136 долларов. Так что первый опыт Хаммеров по этой части был неудачным. Искусство было третьесортное, и даже мода на царские реликвии, распространившаяся среди богатых женщин, не позволила поднять цены достаточно высоко.

Гарри и Виктор дали телеграмму Арманду в Париж с просьбой о помощи. Тот ответил, что у него есть новая идея: почему бы не продавать романовские сокровища через универсамы вместо галерей? Если американским женщинам нужны обноски русских царей, пусть покупают!.. Хаммер немедленно написал письма в несколько американских больших универсамов и предложил им продавать «романовские сокровища» за цену на 40 процентов ниже розничной (не ясно какой). Он признавался, что хочет продать русские художественные из-

яния своими собственными делами.

Так как с весны 1932 года советское правительство более не нуждалось в услугах Хаммеров, семья переехала на Запад, оставив свои прибыльные карандашные фабрики, но сохранив доступ к ценным художественным изделиям из России. Немецкие кредиторы и нацистская партия сделали Германию не очень приятным местом для деловых операций. Зато в Америке им больше уже не грозили преследования за неуплату налогов. Кроме того, появилась надежда, что выборы нового президента скоро положат конец непризнанию России и сухому закону, принятому, когда у власти были республиканцы. Хаммерам теперь предоставлялась возможность помочь советскому правительству устроить распродажу художественных изделий за границей. Так или иначе.

Летом 1932 года Арманд Хаммер был готов осуществить любой проект, который был бы выгоден Хаммерам и улучшил бы советско-американские отношения. Он уже продал свой дом издательству «Москоу Дейли Ньюс». У его поверенного Генри Холлиса было влиятельное знакомство в лице Франклина Д. Рузвельта, и за несколько месяцев до выборов Хаммер включился в кампанию поддержки ФДР (Франклина Делано Рузвельта. — Прим. пер.). 28 июля 1932 года Хаммер писал Холлису, что он обдумывает его предложение «всемерно заняться политикой, и в частности приближающимися выборами». Холлис же писал, что Хаммер оказал ему «большую помощь в получении финансовой поддержки от торговцев спиртными напитками во Франции и от их представителей в Соединенных Штатах» — очевидно, заинтересованных в отмене сухого закона. «Советы Хаммера по вопросам отношений с Россией и относительно того, как лучше всего вести дела с нынешним режимом, — говорит в заключение Холлис, — были бы чрезвычайно ценны». Вовлеченные в такую политичес-

кими рекомендациями. Хаммер лично телеграфировал Рузвельту 28 июля 1932 года: «Из здешней прессы видно, что Вы расположены признать Российское правительство. Как американский гражданин, три года проработавший в России, я всей душой за это признание». Хаммер скромничает, когда говорит о трех годах вместо девяти лет торговых отношений с советским правительством, и это любопытно само по себе. Мы можем только догадываться, какой ответ он получил от Рузвельта, если таковой вообще последовал. Как бы то ни было, в конце лета или в начале осени 1932 года Арманд Хаммер наконец приступает к осуществлению своего проекта (который немало поспособствовал более теплоте отношению американцев к советскому правительству и весьма значительно пополнил хаммеровский кошелек) — к распродаже романовских сокровищ.

Необычными в хаммеровских распродажах были их объем, а также методы, которые были здесь использованы. При распродаже картин из Эрмитажа советское правительство заключало сделки с богатыми частными лицами прямо или через дилеров. Была, правда, попытка провести открытый аукцион в Берлине и Лейпциге, но к 1932 году цены на таких аукционах падали все ниже и ниже. Хаммеры же осенью 1932 года направили свой товар в различные города Америки, выставили его в универмагах, которые сделали ему рекламу и выплачивали комиссионные по продаже, за что получили сорокапроцентную скидку от стоимости приобретенных у советского правительства изделий. К концу 1932 года Хаммеры подписали контракт, по которому они должны были выставлять и продавать русские художественные изделия, и в январе 1933 года с большой помпой распродажи начались.

Время было выбрано не случайно. Распродажи художественных изделий из Советского Союза продолжались уже несколько лет, но лишь в январе 1933 года на американском рынке начали появляться семейные реликвии последнего поколения династии Романовых. Сигналом к этим распродажам послужили первые берлинские распродажи ювелирных изделий, поставляемых советским торгпредством в Германии. Спустя две недели в Нью-Йорке открылась выставка «Коллекция Хаммеров. Художественные сокровища Российской империи из Зимнего дворца, Царского села и других царских дворцов». Каталог изучал не столько по славному прошлому Романовых, изобиловав упоминаниями имен княгини Насти, Распутина и последней царской семьи. В нем также приводились дворцовые инвентарные номера изделий. То, что Хаммер называл «сокровищами царской короны», на самом деле представляло собой утварь, собранную по русским монастырям, магазинам и дворцам, которую Хаммеры получали от советского правительства: парчовые платья, ткани, одеяния священнослужителей, серебро, фарфор, стекло, иконы и ювелирные изделия Фаберже. Цены на все это не могли идти ни в какое сравнение с теми, по которым художественные изделия продавались после второй мировой войны, да и вообще цены на рынке были еще довольно низкими из-за продолжавшейся депрессии. Все же

Хаммерам удалось найти несколько энтузиастов среди богатых американских женщин.

Выставка пользовалась таким успехом, что она продлилась семь недель вместо первоначально объявленных трех. Затем Хаммеры перевезли ее в Чикаго. Амторг³ не смог добиться разрешения на официальную советскую выставку на ярмарке «Столетие прогресса», но Хаммерам удалось выставить и продать множество изделий через универсамаршала Филда. К ноябрю 1933 года, когда СССР получил официальное признание, Хаммеры уже заложили основы новому рынку для художественных ювелирных изделий Романовых.

Если бы даже Арманд Хаммер не ставил себе другой цели, кроме как проложить дорогу к признанию СССР путем культивирования русофилии среди любителей искусства, можно было бы с уверенностью сказать, что он избрал верный путь. Хаммер лично участвовал в торжествах по поводу установления советско-американских дипломатических отношений в конце 1933 года и преподнес Франку Рузвельту подарок в Белом доме в присутствии советского министра иностранных дел Максима Литвинова. Это была модель парохода, который ходил по Волге, выполненная из серебра и платины, с музыкальным механизмом, исполнявшим «Боже, царя храни». (Собственно, Виктор Хаммер продал ее одному человеку по имени Чарли Уорд, осужденному за убийство, которого Рузвельт недавно помиловал, и этот человек вместе с Хаммером преподнес модель Рузвельту в Овальном зале.) Трудно сказать, насколько хаммеровские распродажи повлияли на отношение общественности к признанию советского правительства, но Хаммер приложил для этого все усилия.

К 1940 году выгодное хаммеровское предприятие по продаже русских произведений искусства в Америке доживало свой век. После лета 1938 года советское правительство наложило запрет на экспорт и перестало быть надежным поставщиком сокровищ искусства. Хаммеровская карандашная фабрика в Москве также переживала тяжелые времена: в тридцатые годы она была переименована в фабрику Сакко и Ванцетти, а в конце 1938 года ее руководство попало под суд за невыполнение плана и за фальсификацию данных об объемах производства в попытке свести концы с концами. Можно лишь догадываться, что произошло с этими людьми во время чисток. К этому времени Хаммеры уже потеряли все свои связи с советским правительством, и бедствия, выпавшие на долю их карандашей, более их не касались.

Но Хаммер по-прежнему находил вклады в искусство выгодными для себя. В 1961 году он вновь посещает Советский Союз (впервые после 1932 года) и несколько часов беседует со своим старым другом Микояном и новым другом Никитой Хрущевым. Спустя три года, летом 1964-го, Хаммер приезжает в Москву для переговоров с министром культуры Фурцевой о различных проектах культурных связей: в частности, о выставке работ Бабушки Мосис⁴ в Пушкинском музее в обмен на выставку икон собрания Павла Корина в Хаммер Галери (где же еще?). В 1972 году коллекция Хаммера была показана в нескольких городах Советского Союза, и Хаммер преподнес советскому правительству картину Гойи, ставшую первой в Союзе работой этого мастера. В благодарность за подарок Хаммеру была предоставлена возможность показать в американских музеях коллекцию работ французских художников двадцатого века, собранную Шуклиным и Морозовым, а ныне принадлежащую Эрмитажу.

³ Акционерное общество, учрежденное в 1924 г. в Нью-Йорке; комиссионер-посредник экспорта советских товаров в США и импорта американских товаров в СССР (КЭС).
Прим. пер.

⁴ Анна Мэри Мосис (1860—1961) — американская художница шотландско-ирландского происхождения, впервые выступила как серьезный художник в возрасте 67 лет и завоевала популярность своими яркими простыми пейзажами и сценами из жизни Америки.
Прим. пер.

ВСПОМИНАЯ Армандо ХАММЕРА

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

По поводу смерти Армандо Хаммера сожалели многие не только в США, но и в СССР. Лично я сожалел о том, что уже не могу сказать руководителям самых богатых государств, размышляющим, как это было, например, в Лондоне, оказывать финансовую помощь СССР или воздержаться из-за его нестабильности, что есть живой пример того, как вкладывать средства в Россию в худшие для нее времена.

Как это сделал 20-летний Арманд Хаммер сразу после революции 1917 года, когда речь шла не о том, состоится или нет перестройка, а о том, будет или не будет вообще Россия.

Поверил в Ленина и его утопию? В этом нас пытались уверить во времена Брежнева. Так ли? Не думаю, что отпрыск богатых родителей и впоследствии муж двух аристократических дам после беседы с Лениным стал адептом «социалистического выбора». Он поверил, как явствует из его первой книги «Поиски сокровищ Романовых», не в будущее заимствованной Россией идеологии, а в Россию с ее богатейшей культурой и искусством. А главное, его коммерческий нюх оказался много более точным, чем у солидных мужей, собравшихся в середине этого года в Лондоне и так и не решившихся вкладывать средства в Россию. Арманд Хаммер почти 70 лет вкладывал в Россию миллионы долларов, а взамен получил миллиарды, и не в рублях, и даже не в долларах, а чаще в более ценных бумагах, вернее, в полотнах великих живописцев, которые русская культура сумела сохранить, несмотря на революцию, разруху и войны. Все это позволило ему оставить после себя три памятника. 1-й памятник — нефтехимическая империя «Оксидентал петролеум», любовно прозванная «Окси», с наследством многомиллиардных проектов на разработку сибирских недр на десятилетия вперед. 2-й памятник — построенный А. Хаммером в Москве Центр международной торговли, или, как его называют даже не люди моего поколения, при котором он строился, а поколения моего сына, — Хаммеровский центр. 3-й памятник — незадолго до своей смерти, словно подводя итог жизни, А. Хаммер открыл свой музей живописи в Лос-Анджелесе вернисажем картин Малевича.

Жаль, очень жаль, что умер Арманд Хаммер... И не только потому, что он был «живой пример». Жаль, что мне не удалось с ним встретиться и спросить, почему он решил связать свою судьбу с Россией именно в момент ее развала, как тогда считали многие.

Сейчас я могу спросить об этом Теда Тернера. Этот крупный бизнесмен, владелец телекомпании Си-эн-эн, ныне всемирно известной и признанной, в последние годы вступил в активное сотрудничество с Советским Союзом в области экономики, информации, культуры, спорта. Планы сотрудничества с СССР он и его тогда еще только суженая Джейн Фонда обсуждали в конце прошлого года с Президентом СССР. Что, он поверил в перестройку? Не думаю. Ведь он стал инициатором Игр доброй воли и связанных с ними политических, коммерческих и культурных связей с Россией еще в самый напряженный период советско-американских отношений, когда после брежневского вторжения в Афганистан весь цивилизованный мир отнесся к нам так же, как ныне к Сауду Хусейну, и объявил нам экономическую блокаду, а московской Олимпиаде — бойкот.

Да, мне хочется написать книгу «От Хаммера до Тернера», показывающую мудрость тех зарубежных бизнесменов, которые пришли на помощь России в самые тяжелые времена. Причем, подчеркиваю, эти бизнесмены не всегда получали сиюминутную выгоду. Так, говорят, Тед Тернер при проведении последних Игр доброй воли понес многомиллионные убытки. Говорят, что и «Макдональдс» в Москве тоже терпит убытки. Но они все вернут! Я уже много лет слежу за деятельностью Тернера. Этому эксцентричному бизнесмену неоднократно предсказывали банкротство. Так, лет десять назад после «чашки в одной из гонимых хит, когда Тернер потерял около 18 млн. долларов, журнал «Спорт иллюстрированный» предсказывал Тернеру мрачное будущее в мире спортивного бизнеса. Да и когда он затеял Си-эн-эн, многие предсказывали ему провал. Но Тернер с тех пор еще более разбогател и укрепил свое реноме. Есть у него коммерческий нюх! Уверю вас, что после него останется не меньше памятников, чем после А. Хаммера.

Друг познается в беде — гласят русская и схожая с ней английская поговорки. Но я ни в этой статье, ни в книге не буду убеждать читателей, что эти бизнесмены вкладывали средства в Россию только из дружеских и альтруистических соображений. От того, что они действуют как прозорливые бизнесмены и преследуют корысть, польза России от их содействия не уменьшится.

Не хочу сказать, что американцы — самые проникательные бизнесмены, тем более что разделяю упрек в их адрес Горбачева, сделанный во время его прошлогоднего интервью журналу «Форчун»: американские бизнесмены довольно слабо влияют на свою администрацию в плане развития делового сотрудничества с СССР. Действительно, в прошлом году объем советско-американской торговли составил 3,6 млрд. долларов. Это чуть больше объема торговли США с Гаити.

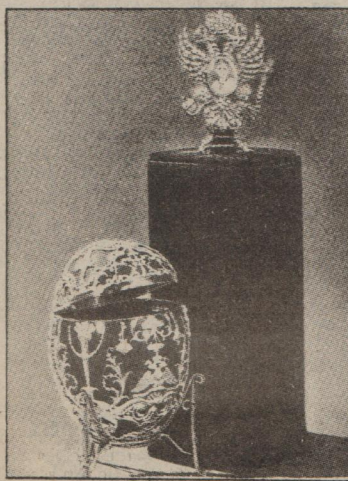
Не только американские бизнесмены имеют естественную тягу к русскому рынку (а также и к культуре, как Хаммер, или к спорту, как Тернер). В тяжелые времена с нами сотрудничали и южнокореяц Мун, и японская фирма «Тошиба», и итальянская фирма «Оливетти». Две последние фирмы из-за связей с русскими испытывали сильные проблемы.

Но я не собираюсь представлять сотрудничающие с нами фирмы в виде этих героических представителей мира бизнеса. Например, «Металлгезельшафт» и «БАСФ» считают, что их деловые отношения с СССР — А.Е. столь же успешны, как и в былые годы. А Чарльз Хьюджел, бывший президент «Комбасин инжиниринг» (фирмы, принадлежащей к объединению «АСЕА Браун Бовери»), которая ведет переговоры о создании в Тобольске совместного нефтехимического предприятия стоимостью 2 миллиарда долларов, опубликовал в «Файнэншл таймс» заявление, где резюмирует позицию наиболее дальновидных менеджеров: «Я никогда не питал иллюзий насчет того, что коммерческие перспективы будут хорошими в ближайшем будущем. Но присутствовать нужно уже сейчас, чтобы подготовиться к будущему взлету».

Из моего окна видны огни Хаммеровского центра. В последнее время они горят намного ярче, чем огни здания бывшего СЭВ, рядом, на Краснопресненской набережной... Есть еще желающие оставить после себя памятники, связанные с Россией?..

А. ЕВФАРЕСТОВ,
политический обозреватель Информационного агентства «Новости»

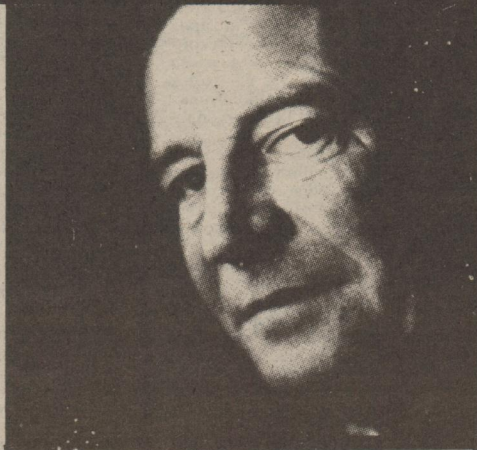
Одно из уникальных изделий фирмы Фаберже

ЖИЗНЬ СО ШПИОНОМ

Элеонора ФИЛБИ

Под нами был сплошной темный лес. За час я не увидела внизу ни одного огонька. Меня охватил страх. Я, Элеонора Филби, летела в Москву к своему мужу Киму Филби, который 26 сентября 1963 года публично признался в том, что он советский шпион.

Когда наш самолет, в котором было около двенадцати пассажиров, пошел на посадку, я разглядела небольшое здание аэровокзала и взлетно-посадочную полосу, представляющую собой всего-навсего забетонированную просеку среди берез. Никогда в жизни я не видела такого аэропорта. На середине полосы остановился автобус. При тусклом освещении я различила фигуры трех стоящих неподалеку мужчин в шляпах и в плотных, непомерно длинных черных пальто.

Ким никогда не носил шляпы, поэтому я не сразу его узнала. Я поняла, что это он, только когда услышала его незабываемый, родной голос: «Элеонора, это ты?»

Он крепко обнял меня, и мы пошли к стоявшей в поле большой черной машине. Моя радость от встречи с ним после всего пережитого была такой сильной, что я даже заплакала.

Мои страдания начались в Бейруте восемь месяцев назад, когда так внезапно прервалась наша длившаяся четыре года счастливая супружеская жизнь. Ким был в то время корреспондентом «Обсервера» и «Экономиста» на Ближнем Востоке и считался высоко ценился в тех кругах английских и американских дипломатов, журналистов, банкиров и бизнесменов, в которых мы вращались.

Впрочем, мы редко ходили на всякие официальные приемы и торжества: хотя нас почти каждый день куда-нибудь приглашали, Ким старался избегать этих визитов. Он не любил дипломатические собрания и слишком надутых женщин в блестящих платьях, толкающихся в ресторанах гостиниц в поисках икры. В океане знакомых у нас было всего несколько друзей, лучшими из которых следуют назвать Гленна и Марни Бальфур-Пол. Гленн — первый секретарь британского посольства, человек редкой честности и достоинств, был талантливый арабист. Нравилось мне в нем и то, что он всерьез занимается археологией. Хромавшая после перенесенного в детстве полиомиелита, но сильная духом Марни была поистине самой храброй из женщин, которых я когда-либо знала.

В среду, 23 января 1963 года, Гленн и Марни пригласили нас на ужин. Дождь лил весь день, и к вечеру мостовые исчезли под бурлящими потоками воды. Огромные волны обрушивались на набережную, смывая все на своем пути. Это была кошмарная ночь. Обычно четыре-пять раз за зиму на Бейрут обрушиваются жестокие штормы,

которые длятся по несколько дней. Город тогда словно вымирает и становится похожим на осажденную крепость. В тот день, о котором идет речь, был особенно сильный шторм.

После полудня Ким схватил свой дождевик и сказал, что у него свидание, вернется он около шести и вполне успеет переодеться к ужину у Бальфуров. Примерно через час он позвонил. Я была на кухне, готовила детям ужин. К телефону подошел Гарри, младший сын Кима. Помню, как он крикнул мне из комнаты: «Папа опаздывает. Он сказал, что придет прямо к Бальфур-Полам в восемь часов». Почему я тогда не подошла к телефону сама?

Вечером я поехала к Бальфурам. Это была теплая встреча старых друзей. Я извинилась за Кима и сказала, что он скоро будет. Но он так и не появился: ни в восемь, ни позднее. Несколько раз я звонила домой, чтобы узнать у детей, нет ли от него известий. Наконец мы сели за стол, поужинали, немного выпили. Меня все сильнее мучили страх и предчувствие беды. «Боже, какой ужасный вечер! — думала я. — Может, его сбила машина или смыло в море...»

Я решила вернуться домой пораньше. Все пытались меня успокоить: «Не нервничай, Кима, наверное, просто задержали по какому-то делу». Я ответила, что Ким всегда пунктуален и никогда не опаздывает, что я начинаю серьезно беспокоиться и, пожалуй, мне лучше вернуться домой.

Никто не предложил меня подвезти.

Я шла домой пешком по опустевшим из-за непогоды улицам, вдоль которых свистел ветер, растрепавший мне волосы. Вернувшись, я первым делом

тщательно обыскала квартиру, надеясь найти какое-нибудь послание от Кима. У нас было много потайных мест, где мы оставляли друг другу записки. Но ни там, ни в ящиках письменного стола я ничего не обнаружила.

Уже перевалило за полночь, а Кима все не было. Я позвонила в посольство Х, недавно прибывшему в Бейрут новому резиденту британской разведки. Мне было известно, что Ким связан с разведкой и находится в особенно близких отношениях с Ю — предшественником Х и своим школьным приятелем и коллегой со времен войны. Оба работали в MI-6¹. Ю был специалистом по европейским делам и не очень хорошо разбирался в особенностях арабской политики. Когда в 1959 году он приехал на Ближний Восток, Ким стал как бы его наставником в этих вопросах. Хорошо помню нашу первую встречу: Ю тогда попросил Кима ввести его в курс дела. Они встречались один-два раза в неделю и обычно уходили в другую комнату, оставляя меня с женой Ю судачить о наших женских делах. Я чувствовала, что Киму надоела журналистика, что он пишет свои статьи без всякого удовольствия. Встречи с Ю больше напоминали ему настоящую работу.

Первой моей мыслью в ту штормовую ночь, когда я решила, что Ким попал в беду, было обратиться за помощью к его друзьям из разведки. Однако Х дома не оказалось (позже я узнала, что в это время он был в посольстве на срочном созванном в связи с исчезновением Кима совещании). Я сказала его жене, что очень хочу переговорить с ним. Та пообещала

передать мою просьбу, и спустя десять минут Х позвонил сам. «Вы хотите, чтобы я сейчас приехал?» — спросил он. «Буду вам очень благодарна за это», — ответила я.

Когда он появился, я подробно рассказала обо всем, что произошло, и спросила, не следует ли нам обзвонить больницы. Или, может быть, лучше обратиться в полицию? Х посоветовал подождать до утра и задал мне много вопросов. Его, в частности, интересовало, не исчезло ли что-нибудь из вещей Кима: одежда, документы, пишущая машинка...

После ухода Х я перевернула в квартире все, прочитала все бумаги и заметки Кима, обыскала карманы его одежды, заглянула в сейф, в котором он хранил документы, но не нашла ничего, кроме новенького британского паспорта на его имя.

Остаток ночи я провела в лоджии и видела, как солнце встает из-за гор. Теплый свет начал заливать грязные после дождя улицы. Я все пыталась проанализировать события последних месяцев. Тревога во мне росла. Когда совсем рассвело, я уже почти смирилась с мыслью о том, что моей счастливой жизни с Кимом пришел конец.

* * *

В конце 1962 года в Бейруте внезапно появился Ю — старый друг Кима по работе в MI-6, который всего несколько месяцев назад еще занимал пост резидента британской разведки в Ливане. Поскольку Ю не хотел, чтобы о его приезде узнали, он снял номер в неспристой гостинице. Такая скрытность была ему не свойственна. Резидент в Бейруте — самый важный пост MI-6 на Ближнем

Востоке, который примерно соответствует рангу посла.

Несмотря на свою работу в секретной службе, Ю походил на типичного выпускника английских «паблик школ», был всегда с клубом и с удовольствием проводил время на скачках в Эскоте. Однако самым любимым его занятием было рассказывать неприличные анекдоты, на которые он был неистощим. Так он расслаблялся на вечеринках. И тем не менее за всем этим стоял профессионал, один из самых опытных работников секретной службы.

Накануне Рождества он пригласил нас с Кимом поужинать в модном бейрутском ресторане «Ле Тампорель». Мы сели за столик в углу. Ужинали при свечах. Как обычно, одна двусмысленная шутка следовала за другой, но я чувствовала, что веселье было искусственным. Между ними происходило что-то такое, чего я не могла понять.

Все это время я очень переживала за Кима. Он пил слишком много, и его депрессия не проходила. А тут за столом с нами сидел его старый друг, которому я могла довериться. Когда Ким вышел в туалет, я уже почти готова была сказать Ю: «Что-то ужасно беспокоит Кима. Что происходит, черт возьми?» Но я этого не сделала и упустила благоприятный момент.

Незаметно для меня происходила битва умов этих двух мужчин. Ю послали из Лондона, чтобы он представил Киму новые доказательства его работы на русских. Вся эта тщательно отобранная информация базировалась на показаниях одного старшего офицера советской разведки, который перебежал на Запад в 1961 году. Позже сам Ким подтвердил мне это.

Деликатность миссии Ю состояла не в том, чтобы арестовать Кима, а в том, чтобы, используя старую дружбу, убедить его рассказать все самому. В тюрьме Ким был бы нем как рыба; на свободе его еще можно было уговорить во всем сознаться, рассказать о масштабах нанесенного им ущерба. Не знаю, кто вышел победителем из этой схватки. Видимо, Ким что-то признал, но, вместе с тем, если бы он рассказал все, то едва ли бы его так хорошо встретили в Москве.

Я отчаянно пыталась понять причины его напряженности и отчуждения, но, естественно, не могла знать, что это была решающая неделя, которая обрубила все его давние связи с английской разведкой.

¹ Английская разведка.

единственным местом, где он чувствовал себя в безопасности. Приглашения на Рождество и встречу Нового года отвергались одно за другим. «Нам что, действительно надо туда идти?» — был его обычный вопрос. И даже если он иногда уступал, то в последнюю минуту передумывал. «Нет, мне не хочется туда идти!» В канун Нового года мы выпили вдвоем бутылку шампанского на нашей темной лоджии.

Первого января Киму исполнился пятьдесят один год, и в честь дня его рождения я устроила небольшое торжество. Стоял прекрасный солнечный день. Ким казался более спокойным и уверенным, чем в предыдущие дни. После обеда большинство гостей разошлись, и мы предвкушали, что спокойным проведем остаток дня дома. Но неожиданно пришел один наш друг и, несмотря на протесты, потащил нас на новогоднюю пирушку, которую на целый день затеяли американцы.

Большая толпа гостей оживленно двигалась по комнатам. На столах было множество еды и горячий гог. Ким пил мало, но он уже достаточно выпил до этого. Видимо, и напряжение сделало его особенно уязвимым. Казалось, одного запаха спиртного для него было достаточно. Но домой мы добрались благополучно.

Ким возился в ванной, когда я услышала шум падения. Он упал на радиатор и расшиб себе голову. Я бросилась к нему на помощь, но он уже поднялся на ноги. И вдруг снова упал на радиатор. Вся ванная была забрызгана кровью из двух глубоких ран у него на макушке.

Я быстро закрыла двери в комнаты детей. Мне удалось перетащить Кима из ванной в спальню и уложить его на кровать. Обе подушки мгновенно пропитались кровью — впоследствии мне пришлось их выбросить. Кровь хлестала из его ран, брызгала на стены. Наверное, была разорвана какая-то важная артерия. Я перевязала ему голову полотенцем, но кровотечение остановлено не смогла. Я боялась, что Ким потеряет слишком много крови.

Я кинулась к телефону, чтобы вызвать врача. В городе шли новогодние гуляния, поэтому я не могла никого заставить дома. Наконец мне удалось дозвониться до одного ливанского врача и уговорить его прийти. «Если вы не положите вашего супруга в больницу, я не ручаюсь за его жизнь», — сказал он, осмотрев Кима. Но ехать в больницу Ким наотрез отказался. Каждый раз, когда мы доводили его до двери, он упорно возвращался обратно. Его шатало из стороны в сторону; без моей поддержки он бы просто упал. Казалось, что, несмотря на алкогольный туман, его инстинкт требовал не покидать безопасного дома.

В конце концов мы влихнули его в лифт — как он был: в халате и с забинтованной полотенцем головой — и отвезли в отделение скорой помощи больницы Американского университета, где его раны промыли, наложили на них двадцать четыре шва и сделали рентген. Врач отозвал меня в сторону и сказал, что если бы в крови Кима содержалось всего на одну унцию больше алкоголя, то его уже не было бы в живых. Его хотели оставить в больнице, но я в тот же вечер забрала его домой. На его лице виднелись два огромных синяка. Он был почти невменяем.

Всю ночь я счищала кровь со стен ванной. Дети, конечно, страшно перепугались. К утру

кризис миновал, но еще в течение недели Ким почти не мог двигаться. «Я был полным идиотом», — сказал он. — Все — завязываю!»

Раны на его голове постепенно зажили, но напряжение и тревоги остались. «Что происходит?» — спрашивала я его. — Почему ты молчишь? Мне же хочется знать, что тебя тревожит? Но он только отмахивался: «Да ничего страшного, все в порядке».

Шестого января позвонили из британского посольства. Кима срочно приглашали на встречу с Х. Новый резидент был более холодным и менее общительным, чем Ю. Ким плохо его знал. Они никогда не служили вместе. А служба всегда сближает людей. Вообще-то, я считала, что Х холоден, как рыба.

Я выслушала секретаршу Х и сказала, что Ким, вероятно, не сможет приехать. Швы должны были снимать на следующий день. Секретарша настаивала, но Ким в посольство не поехал. Позже, в Москве, он сказал мне: «В ту минуту, когда раздался этот звонок, я понял, что игра проиграна». Скорее всего, англичане ждали Кима на улице, но они хотели заманить его на территорию посольства, где легко могли арестовать. Думаю, Ким никогда больше не виделся с Х.

Ким продолжал предаваться тяжелому запое. Для того чтобы быстрее добиться нужного результата, он даже мешал виски с пивом. Он постоянно был в состоянии нервного возбуждения. Я боялась, что он не выдержит. Только теперь я знаю, что он тогда планировал свой побег, ожидая сигнала от русских и každодневно опасаясь, что его могут схватить англичане или американцы.

В эти последние напряженные дни он почти не выходил из дома. У него было только несколько встреч с незнакомыми мне людьми. Не имею ни малейшего представления, где они происходили и что на них обсуждалось.

В это время наши старые друзья Балфур-Полы, не имевшие никаких связей с разведкой и не подозревавшие о том, какая разворачивается драма, пригласили нас на ужин. Но мы на него так и не пришли: 23 января Ким исчез.

* * *

Маленькая, разведимперия британского посольства под руководством Х, должно быть, провела бессонную ночь. В семь часов утра 24 января Х позвонил мне по телефону. Мы решили, что надо обратиться в полицию. Вскоре два огромных офицера ливанской службы безопасности довольно бесцеремонно вторглись ко мне в квартиру. Я сделала подробное заявление обо всех событиях предыдущего вечера и попросила их обзвонить все больницы, так как боялась, что с Кимом могло случиться какое-то несчастье. Некоторые наши друзья весь следующий день колесили по городу на такси в поисках Кима.

Я пережила еще один мучительные сутки. Неожиданно от Кима пришло письмо. Самым обычным образом: в отель «Нормандия», по нашему официальному адресу.

«Не волнуйся», — говорилось в письме. — Скоро я с тобой свяжусь, и все будет в порядке. Улыбайся и ходи на свои занятия скульптур в Американский университет как послушная девочка. Скажи моим коллегам, что я поехал в длительную командировку по Ближнему Востоку».

Я восстанавливаю текст письма по памяти, потому что по прочтении уничтожила его, как он и просил. Письмо было написано его рукой на простой бумаге, но не датировано. Оно было отправлено из Бейрута в день его исчезновения, но на конверте не было марки, поэтому я получила его на день позже, чем рассчитывал Ким. Вся трагедия состоит в том, что, если бы у него было время приклеить на конверт марку, письмо дошло бы до меня на двадцать четыре часа раньше и я бы не сразу забила тревогу.

Это письмо от Кима стало первым в череде многих других. Кое-какие из них я показала журналистам, которые скоро начали осаждать мою бейрутскую квартиру; с другими познакомила только моих знакомых из британского посольства; остальные держу при себе.

В середине апреля рано утром раздался звонок в дверь. Я уже привыкла к попыткам журналистов ворваться в квартиру, поэтому сначала посмотрела в «глазок». На пороге стоял невысокий, неряшливо одетый человек. Его лицо показалось мне знакомым, но я не могла вспомнить, где его видела. Он был больше похож на армянина, чем на араба. Наверное, я видела его в баре «Нормандия», куда мы с Кимом ходили каждый день, или в ливанском книжном магазине, где покупали книги и газеты.

Он сунул мне в руку большой конверт и, не говоря ни слова, спустился вниз по лестнице. Вся дрожь от возбуждения, я заперлась в ванной комнате, надеясь, что эта ужасная загадка — исчезновение моего мужа — наконец разрешится. Письмо было длинным, на трех отпечатанных на машинке страницах. Я сразу же узнала столь свойственный моему мужу изысканный стиль. Ким просил меня все внимательно прочитать и запомнить, а затем сжечь письмо в газовой горелке в ванной комнате и тщательно перемешать пепел. Однако письмо было слишком длинным и сложным, чтобы я могла его сразу запомнить. Поэтому, прежде чем сжечь, я носила его с собой несколько дней и сделала небольшие зашифрованные записи-шпаргалки.

Вместо того чтобы рассеять мои подозрения и дать ответы на вопросы, письмо поставило меня в тупик. Оно вообще было нехарактерным для Кима, каким-то искусственным. Мне показалось, что мой муж попал в западню.

Кроме письма в конверте было 2000 американских долларов. Ким писал, чтобы на эти деньги я купила в бюро британской авиакомпании БОАК билеты в Лондон и обратно для себя и только до Лондона для детей. Затем, чтобы замести следы, я должна была уничтожить эти билеты, отправившись в бюро чешской авиакомпании, узнать о датах и времени полетов в Прагу и выбрать подходящий рейс.

Недалеко от нашего дома была узенькая, извилистая аллея, по которой мы с Кимом часто сокращали путь к морю. В конце этой аллеи, с левой стороны, находилась белая стена. Ким просил, чтобы в верхней правой части стены я написала мелом на стене дату моего вылета в Прагу — и сделала бы это не позднее, чем за десять дней, чтобы у него (и, вероятно, у его русских друзей) было время подготовиться. Если же у меня возникнут какие-нибудь трудности, надо начертить мелом крестик на левой стороне стены. В письме оговаривалось, что

мел должен быть белым.

Потом, продолжал Ким, ко мне зайдет его близкий друг, очень умный и влиятельный человек, который сделает все, что нужно. Я должна целиком и полностью ему довериться. Далее говорилось о том, что я узнаю этого человека, но на всякий случай он захватит с собой в качестве доказательства книжную закладку, которую я подарила Киму в день его рождения три недели тому назад.

Вот это упоминание о подарке и вызвало мои подозрения. Теперь я уже не сомневалась, что Кима похитили, а его слова о книжной закладке следовало понимать как скрытый намек на это, потому что закладки у него с собой не было. Я действительно купила ему к дню рождения подарочную закладку стоимостью пятьдесят ливанских фунтов (шесть американских долларов), но он ее потерял; я купила ему другую, но очень скоро нашла старую, которую он куда-то засунул. Так что обе закладки были у меня. Неужели Ким об этом забыл?

Главным препятствием для осуществления моих планов уехать из Бейрута — на Восток или на Запад — стал младший сын Кима Гарри, у которого не было ни паспорта, ни других необходимых документов. Гарри родился в Вашингтоне в США, его отец — в Индии, дед — на Цейлоне, а прадед — в Бирме. Его британское гражданство не было поэтому документально подтверждено (и позднее в Англии этот вопрос уладили только после восьми месяцев юридических перипетий). Когда Ким был на Ближнем Востоке, Гарри ездил по его паспорту. Теперь мне надо было получить для него отдельный документ. Эту проблему Ким явно не учел. Конечно, легко инструктировать меня, как купить билет на самолет в Прагу, но как провести Гарри через ливанский паспортный контроль? Я не видела никакого выхода. Единственной надеждой была помощь британского или американского консула. Однако оба заявили, что выдают Гарри требуемые документы только в том случае, если я полечу с детьми напрямую в Лондон. Я обещала ничего не делать без их ведома. К сожалению, выбора у меня не было. Видимо, у Кима тоже — об этом свидетельствовало его письмо. Я подозревала, что он находится в одной из стран за железным занавесом, не собиравшись везти туда детей, не зная о том, какая жизнь их там ждет.

Надо было сообщить Киму о своем решении. Из классной комнаты Американского университета, где я брала уроки вания, я стащила кусок мела и в тот же вечер повела детей на ужин в немецкий ресторан, недалеко от нашего дома. Чтобы дети ничего не заподозрили, я сделала вид, будто иду в туалет, рассчитывая быстро дойти по аллее до стены и начертить на ней крестик. Однако когда я оказалась на аллее, то увидела там много людей и не смогла выполнить задуманное.

Я ждала почти до трех часов утра. Дети крепко спали. В мягких туфлях, с куском мела в руке я тихонько спустилась по лестнице. Я не поехала на лифте, чтобы не разбудить консержу. Аллея была пуста. Я подошла к стене и в ее левой верхней части начертила большой крест, чтобы ясно дать понять, что у меня есть затруднения. Это был сигнал для вызова «всепогошего» друга Кима.

Я прождала целый месяц, но ничего не произошло. Таинственный русский господин не по-

являлся. Возможно, он не осмеливался подойти к дому, ибо я была под постоянным наблюдением прессы, английской, американской, ливанской разведки и бог знает кого еще. Швейцар был подкуплен, консержка тоже, в доме напротив, в одной из квартир, расположились какие-то люди, которые вели за мной круглосуточную слежку.

Тем временем мои друзья в английском и американском посольствах с огромными усилиями убедили наконец ливанцев выдать Гарри необходимые для выезда из страны документы. Поскольку я не хотела, чтобы дети прерывали учебу в школе, мы решили вылететь в Лондон в последний день мая и заранее никому об этом не говорить.

В конце апреля, а может быть, и в начале мая, в Бейруте опять тайно появился Ю, с которым у нас произошло несколько встреч. (Однажды он пригласил меня на ужин. «Пойдемте в «Остабель», — предложил он. — Это прелестное, уютное местечко!» Почти все мои бейрутские знакомые были в тот вечер там же. Липо Ю стало пунцовым.)

Ю постоянно говорил мне, что ни под каким видом я не должна соглашаться на встречу с русским агентом вне дома. Я рассказала ему о содержании некоторых писем Кима и поделилась своими опасениями о том, что он попал в ловушку. Позднее я сильно пожалела о своей откровенности, так как Ю без моего ведома ночью отправился в аллею и написал на стене произвольно выбранную им дату — для того, чтобы выяснить, как действуют вражеские агенты и заодно внести смутение в их ряды. Уже в Москве Ким рассказал мне, что послание дошло, он отправился в Прагу, чтобы меня встретить, и прождал там целых три дня. Я захватила тот кусок мела в Москву. Он теперь у Кима.

В течение всего мая я готовилась к отъезду из Ливана. Мои английские и американские друзья предупредили меня, что ливанские власти могут не разрешить мне вернуться. Я делала вид, что занимаюсь большой весенней уборкой в квартире: прячу зимние вещи, достаю летние — но на самом деле отбирала вещи, решая, какие из них продать, какие взять с собой, а какие отправить по моему постоянному адресу. Мне не хотелось вызывать подозрения ни у консержи, которую я звала про себя «тройным конем», ни у детей. Большинство друзей я сказала, что покинула Ливан на несколько недель. Директор бюро БОАК в Бейруте обещал, что мое имя не будет фигурировать в списке пассажиров, вылетающих в Лондон 31 мая.

Однажды рано утром, примерно за неделю до отъезда, мне в дверь позвонили. Было половина восьмого — как раз середина пятнадцатиминутной паузы между уходом детей в школу и приходом горничной. Я открыла дверь: на пороге стоял высокий, голубоглазый мужчина с бычьей шеей. Он бегом говорил по-английски, но выглядел как русский. Я узнала его: он приходил к Киму несколько лет назад и представлялся как восточноевропейский корреспондент Немецкого информационного агентства.

«Я от Кима», — прошептал он. Я быстро впустила его в квартиру. Он нервничал, суетился и постоянно оглядывался, желая убедиться в том, что мы одни. «С Кимом все в порядке», — сказал он. — Он просил передать, что любит вас и хочет,

чтобы вы к нему приехали. Я готов вам помочь в этом». «Чем вы можете доказать, что вы действительно от него?» — спросила я, вспомнив о книжной закладке. Он раздраженно отмахнулся. Конечно, у него ничего не было. Но это уже не имело значения — я его узнала. Позднее я подметила, насколько это типично для русских: весь план продумывается до мельчайших деталей, но какой-нибудь особенно важный элемент обязательно выпадает из поля зрения. Однако моя уверенность не была полной. Где гарантия, что этот человек действительно от Кима? Почему он не купил похожую закладку?

Я предложила незнакомцу пройти в лоджии и приготовить ему кофе, несмотря на его нервные заверения в том, что он не может ждать. Он настаивал, чтобы я уехала вместе с ним. «Пойдемте со мной, — говорил он. — Или давайте встретимся на пляже, в маленьком кафе — где хотите. Я здесь для того, чтобы вам помочь. Нам обязательно нужно сегодня встретиться!» Он чуть не плакал.

Но я покачала головой: «Нет. Вы приехали слишком поздно. Мне очень жаль, но я должна отвезти Гарри обратно в Англию. У него нет документов, а англичане дадут ему паспорт только в том случае, если мы полетим прямо в Лондон. Это единственный выход».

Я доказывала, что полученные им инструкции осуществить невозможно. «Как я могу полететь в Прагу?» — спросила я его. — За мной следят. Я и на десять шагов не успею отойти от бюро чешской авиакомпании, как об этом узнают спецслужбы».

«Расскажите мне о Киме, — настаивала я. — Как он? Где он? Дайте мне немедленно его адрес!» Я думала о десятках писем, которые написала ему в долгие одинокие ночи и которые не могла отправить по почте. Я отчаянно хотела связаться с ним. Но русский не ответил на мои вопросы. «Согласитесь поехать со мной, и все будет в порядке», — говорил он. По его словам, он готов был принести мне столько денег, сколько я потребую. Но, хотя с деньгами у меня действительно было туго, я отказалась.

«Мы с вами еще увидимся?» — спросила я напоследок. Он пожал плечами и сбегал вниз по лестнице.

Я подождала десять минут, чтобы он успел отойти подальше, позвонила Ю в британское посольство, как и обещала, сказала ему, что мой давно ожидаемый посетитель был и что я его, кажется, узнала. Ю последил приехать ко мне. Потом в Лондоне его начальник дал мне для опознания кучку фотографий. На одной из них был запечатлен мой русский визитер. Ким сказал мне позже, что я сломала этому человеку карьеру.

В Москве я обсуждала с Кимом этот эпизод. «Ведь план был таким нелепым, — сказала я, — что я засомневалась, решила, что тебя похитили. Как глупо заставлять меня высказываться на аллее и чертить всякие крестики! И так не похоже на тебя. Это скорее напоминает плохой детективный роман». «Да, — ответил Ким. — Я спорил с ними целыми днями, доказывал, что ты на эту штуку не клонешься. Но они настояли».

Продолжение следует

Перевод с английского
Валериана НЕСТЕРОВА

В основу этого очерка положены материалы расследований закрытых уголовных дел и судебных процессов над известными советскими спортсменами и руководителями советского спорта. Чаще всего эти дела приводили следствие в высокие сферы руководства, и поэтому многие из них были прекращены по прямому указанию правительства СССР либо засекречены. Тем не менее факты, изложенные ниже, достоверны. Авторам они известны в силу того, что один 25 лет проработал в советской правовой системе, в том числе был 15 лет следователем основного уголовного ведомства страны — Прокуратуры Союза ССР — и лично расследовал большое количество крупных уголовных дел, связанных с преступниками в советском спорте. А второй 20 лет проработал в советской журналистике и кинематографе и был хорошо знаком со многими ведущими спортсменами и руководителями спорта, их частной жизнью и нравами.

явно разогрелась. Мамедовы требовали или все — сейчас, или — деньги на бочку, мол, никаких отсрочек больше не потерпим, хватит очки втирать и так далее. Москвичи упорствовали, говорили, что все будет в порядке, и показывали телефоны самых именитых столичных организаций, где завтра-послезавтра будет решен вопрос. «Тренер», залпом опустошив очередной бокал с водкой, совершенно трезво внашуп горячим кавказским братьям, что нужно потерпеть, зря они волну поднимают.

И тогда Рамиз Мамедов-старший вытащил из кармана пистолет и в упор направил его на «тренера». Остальные братья тоже недвусмысленно сунули руки в карманы. Рамиз повторил условие: или все — сегодня, деньги на бочку, или — конец вам.

Такой формы «выколачивания» фон-

Братья не колеблясь сели в такси и приказали водителю гнать за этими черными «Волгами». Таксист резонно сказал, что куда уж ему за этими правительственными машинами, у них, небось, и движки форсированные, но братья пообещали ему тройную плату, и он уже молча выжимал педаль газа.

Погоня, однако, продолжалась недолго — прокатив по улице Герцена, «кортеж» милицисских машин свернул на улицу Огарева, к массивному, занимающему целый квартал серо-желтому зданию с позолоченной вывеской «Министерство внутренних дел Союза ССР». Таксисту здесь останавливаться было нельзя, но и на тихом ходу машины бакинцы видели, как милиционеры вывели «спортсменов» и проводили их в здание министерства.

Сомнений не было — «тренер» и его подручные действительно арестованы.

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ
Эдуард ТОПОЛЬ

В один из февральских дней 1974 года в банкетном зале ресторана при московской гостинице «Украина» произошла странная история. Зал занимала смешанная компания: пятеро мужчин явно кавказского происхождения — братья Мамедовы и четверо безусловно московичей — трое со спортивными фигурами, в отличных импортных костюмах, один постарше, внешне похожий на тренера. Компания поначалу вела себя негромко, и, хотя пили много — особенно москвичи, и главным образом их «тренер», который глушил водку полными фужерами, — никто не хмелел. Разговор был деловой, твердый и трезвый. Официанту могло показаться, что очередные кавказские подрядчики в очередной раз «выбивают» фонды на спорттовары у своих столичных шефов. Так оно почти и было по сути, если не считать, что в разговоре еще мелькали крупные денежные суммы и названия марок автомобилей — «Жигули», «Волга», «мерседес». Впрочем, провинциальный тузак и на автомобили приходится выбивать фонды в столице.

Однако после нескольких бутылкок коньяка (который пили кавказцы) и водки (которую пили москвичи) обстановка

дов у начальства администрация ресторана «Украина» еще не видела. Но оказалось, что и это еще не кульминация. Как в самом тривиальном детективном романе или фильме, именно в этот момент дверь в банкетный зал отворилась и вошла группа милиционеров во главе с полковником. Даже не обратив внимания на пистолет, который Мамедов спешно прятал в карман, они подошли к столичным спортсменам, полковник предъявил свое служебное милицисское удостоверение и объявил: «Вот вы, вы и вы — арестованы, пойдемте с нами». После этого короткого и негромкого приказа милиционеры, уже не церемонясь, оторвали арестованных от стола и стульев и взащеп вытолкали из ресторана.

Братья Мамедовы, вспотевшие и ошарашенные, еще посидели с минутку, переглядываясь, а затем Рамиз решительно поднялся и пошел вслед за уведенными. Братья потянулись за ним. На площади они своими глазами увидели, как милиция затолкала арестованных в черные «Волги» с МОКовскими номерами и машины с профессиональным милицисским шиком рванулись от подъезда к Бородинскому мосту.

А теперь наступило время разъяснить происшедшее и представить действующих лиц.

Старший из братьев, Рамиз Мамедов, занимал тогда крупный пост в Азербайджанском республиканском комитете физкультуры и спорта — он заведовал снабжением, и все спортивное оборудование, одежда и фонды на другие спортивные товары были в его руках. Второй из братьев, Надыр, был директором крупного магазина спорттоваров. Третий, Реваз, работал по автомобильной части, а проще говоря, спекулировал автомобилями и запчастями к ним, хотя числился тренером по футболу детской спортивной школы «Нефчи». Младшие из братьев, Эдуард и Тофик, в основном проводили время в лагерях — Эдуард был начальником детского спортивного лагеря, где совершал хозяйственные преступления, а Тофик только что вышел из исправительно-трудового, где отбыл неполный срок за уличную поножовщину. Таким образом, все пятеро братьев жили неплохо, кормились и одевались при спорте и даже имели большие денежные излишки.

Вторую группу действующих лиц — «спортсменов» — возглавлял Виктор

Дмитриевич Михайлов, человек довольно молодой, не очень большого роста, но очень больших возможностей.

Первое знакомство братьев Мамедовых с Михайловым произошло за год до описываемых событий, в марте 1973 года. Тогда в Баку с проверкой состояния физкультуры и спорта приехал заведующий сектором ЦК КПСС товарищ Камшалов, в прошлом секретарь Центрального Комитета ВЛКСМ. Среди группы «товарищей из Москвы» приближенностью к нему выделялся человек с большими желтыми задумчивыми глазами — Виктор Михайлов, которого он не отпускал от себя ни на шаг, и бакинцы видели, что ни одного важного вопроса он не решает без своего «консультанта». И еще спортивные деятели Азербайджана подметили, что группу эту постоянно опекает второй секретарь ЦК КП Азербайджана, а это верный признак того, что у них далеко идущие связи в самом ЦК КПСС.

Значимость Михайлова как важной персоны подчеркивалась еще и тем, что он имел свою собственную свиту из шести помощников: доцент института физкультуры бывший чемпион Москвы по боксу Андрей Родионов, старший преподаватель военно-политической академии капитан Советской Армии Юрий Егоров, заслуженный тренер РСФСР Эдуард Лапинский, директор московского парка культуры и отдыха «Сокольники» Юрий Зинкович, главный редактор журнала «Легкая атлетика» Виктор Абдулаев и Лев Смирницкий.

Пока Михайлов в составе высокопоставленных спортивных и партийных деятелей республики ездил по высокогорным азербайджанским шашлычным и правительственным приемам, его свита активно контрактировала незадачливых

числе расписки братьям Мамедовым в получении от них 26 тысяч рублей.

Братья Мамедовы были только одним из десятков, если не сотен, одураченных бандой Михайлова людей. Они отдали деньги сразу и за дополнительные спортивные фонды, которые потом могли превратиться в левые товары, и за автомобиль, о котором так мечтал Рамиз Мамедов-старший.

Прождав несколько месяцев и видя, что нет ни обещанных фондов на спортивные товары, ни автомобиля, Мамедовы стали наведываться в Москву, терпеть своих покровителей. И наконец спустя год после заключения сделки терпению братьев настал конец. Они явились в Москву, поселились все пятеро в «Украине» и вызвали сюда Михайлова и его подручных для «окончательного разговора». Михайлов уже хорошо знал терминологию своих кавказских и среднеазиатских клиентов, братья Мамедовы были далеко не первыми, кто грозил ему окончательным разговором, физической расправой или судом, и посему в этих экстремальных ситуациях вступала в дело еще одна группа михайловской мафии — не переодетые, а подлинные полковники милиции и другие высокопоставленные сотрудники МВД СССР.

Система мнимого ареста была хорошо отработана. Михайлов и его свита были своими людьми в здании МВД СССР на Огарева, 8, и подчас — уже при других ситуациях — Михайлов или его помощники сами привозили своих «клиентов» прямо в зал пропусков этого всеосознано известного здания, и здесь по внутреннему телефону клиент мог свободно поговорить с пятью-шестью кадычными друзьями Михайлова. Вальяжными начальственными голосами они успокаивающе обещали: «В следующем

ских матчей СССР—США и, наконец, заводилом газеты «Советский спорт» уходили далеко вверх. А зоной преступной деятельности был спорт. Практически это была хорошо организованная, отлаженная и прикрытая ведущими правительственными чиновниками мафия.

Совершенно ясно, что без «белых воротничков», то есть правительственных и партийных чиновников, мафия слаба и легко истребима. Поэтому-то мы и рассказываем здесь не только о дельцах и мошенниках от спорта, но и о «беловоротничковой преступности» лиц, занимавших высокое общественное положение. Они-то и помогают преступникам уходить от наказания.

Для примера достаточно сказать, что одна из руководительниц «михайловской мафии», знаменитая советская спортсменка, даже была освобождена из-под следствия по личному указанию самого А. Косыгина.

В ходе следствия выяснилась почти романтическая подоплека стремительного взлета Михайлова в самые высокие советские сферы. В юности, будучи студентом Московского библиотечного института, в зале кинотеатра повторного фильма он увидел в спортивной хронике выступление Л. Тогда она была в самом зените своей славы — олимпийская чемпионка по спортивной гимнастике, чемпионка мира и Советского Союза, обладательница международных призов и титулов, кавалер ордена Ленина. Молода, красива, неотразима в своем спортивном блеске. Студент библиотечного института Витя Михайлов влюбился в нее с первого взгляда — прямо в темном зале кинотеатра.

дарственного аппарата. Во втором находились руководители спорта из различных республик, спортивных комитетов и клубов, а также «нужные люди»: директора магазинов, заведующие базами, картельные шулеры. И лишь в третьем, наименее уважаемом, были товарищи по спорту — рекорсмены мира и чемпионы олимпийских игр. Так Михайлов рассадил по заслугам три группы своих коллег. Все они так или иначе были причастны к «деятельности» Михайлова, заинтересованы в нем. Съезд и разъезд гостей напоминал дипломатические приемы самого высокого ранга. В качестве свадебного подарка жених преподнес невесте бриллиантовые подвески, принадлежавшие когда-то русской императрице Екатерине Второй.

Гимнастка-чемпионка легко вошла в новую столичную жизнь, вскоре была назначена на ответственный пост главного тренера женской национальной сборной по гимнастике, а также стала правой рукой своего мужа по руководству уже широко разветвленной сетью его спортивной мафии. На всей территории СССР они спекулировали дефицитными автомобилями, спортивным инвентарем и спортивными должностями, руководили группами профессиональных картельщиков. За громадные деньги Михайлов и его жена переводили спортивные команды из класса в класс, продавали тренерские должности, распределяли зарубежные командировки, присваивали путем подтасовок крупные выигрыши в спортивных лотереях и т.д. К примеру, за крупную взятку известный тренер по боксу был направлен на Кубу на должность старшего тренера кубинской национальной сборной по боксу. При этом, согласно договоренности с Михайловым, тридцать процентов своего

ДЛЯ ЧЕМПИОНКИ

любителей заграничных командировок, высоких спортивных должностей, покупателей дефицитных в СССР легковых автомобилей импортного и отечественного производства и т.д. «Вы видели, с кем имеет дело Михайлов? Он все может!» — был девиз этой группы. — Если нужен автомобиль — будет, нужна должность тренера — будет, фонды на спорттовары — будут! Только имейте в виду, долго разговаривать ему некогда, поэтому как придет — за пять минут в машине решит все вопросы. Приготовьте деньги и получите расписку!»

И действительно, прямо в машине или в ресторане Михайлов принимал по списку «страждущих», в течение пяти минут обещал одному автомобиль «Волгу» или «Форд» из резерва Управления по обслуживанию дипломатического корпуса, другому — дополнительные фонды, третьему — должность директора стадиона... Тут же принимал деньги и выдавал расписки. Чаше всего эти расписки писались на листках, наспех вырванных из блокнота, или же на ресторанных салфетках. Так, позже в следственном деле фигурировало несколько десятков таких расписок на клочках бумаги или ресторанных салфетках, в том

месяце обязательно все сделаем, машины будут, не беспокойтесь, ждем партию с горьковского завода». Если же попадался более настойчивый и нетерпеливый, к нему спускались и прямо говорили жалобщику, что здесь, в министерстве, хорошо осведомлены о его левых делишках и махинациях, мол, только что фельдшьяком получена из республики оперативная разработка на все ваши аферы и поэтому, разумеется, лучше терпеливо ждать...

И действительно, в руках у «группы прикрытия» Михайлова очень часто был материал на их «клиентов», не зря же они занимали свои посты в МВД СССР! Им ничего не стоило позвонить в республиканское МВД, заказать разработку и получить «компромат» на любого жулика, давшего им деньги...

Только в конце 74-го года после пяти лет активной деятельности группа Михайлова была арестована уже не мнимо, а всерьез. Следствие, которое много месяцев изучало деятельность этой организованной группы, выяснило, что связи этого бывшего секретаря Московского областного комитета комсомола, затем помощника председателя Спорткомитета СССР, организатора легкоатлетиче-

ска. Там же он поклялся приятно, что «она будет моей».

Получив очередную стипендию, он купил билет до Киева, где она жила с мужем, и поехал к ней объясняться в любви.

Чемпионка выслушала Виктора и сказала примерно так: «Ты посмотри на себя и на меня. Кто ты и кто я? Ты же библиотечник! И ты хочешь, чтобы я ушла к тебе от мужа? Вот если бы ты бросил к моим ногам миллион — другое дело! А так... Идите, студент!»

Через несколько лет Виктор Михайлов поехал в Киев еще раз. Теперь это был уже не студент, а первый помощник министра СССР по спорту. Он бросил к ногам чемпионки — лидера советского спорта — пресловутого миллион, и она с тем же «достоинством» сдержала свое слово: бросила доселе горячо любимого мужа и вышла замуж за Михайлова.

Свадьба происходила в Москве, в одном из фешенебельных ресторанов столицы — в «Берлине». Под свадьбу были арендованы три зала. Причем в первом, центральном, зале столы занимали только министры, генералы госбезопасности и внутренних дел и другие ответственные лица партийного и госу-

регулярно заграничного заработка он должен был отдавать мафии. На тех же условиях получали доступ к заграничным поездкам и международным соревнованиям десятки спортсменов и тренеров. Но самой прибыльной статьей дохода михайловского синдиката были все же автомобили. Тут творились просто феноменальные операции. Михайловы брали с клиента полную стоимость машины, а затем под всякими предлогами оттягивали передачу машины. Но, конечно, не всегда операции были чисто жульническими. Для того чтобы действовать, мафии нужны были и подлинные сделки. Следствие установило, что примерно в одном случае из десяти клиенты получали-таки обещанные им машины. Откуда же брались эти машины?

Эти машины брались, что называется, «сверху», то есть крупные правительственные руководители «выделяли» Михайлову или его подручным пяток-другой автомобилей. Небескорыстно, конечно. А однажды к своей «работе» михайловцы привлекли даже Маршала Советского Союза Семена Буденного — с помощью первого секретаря Кисловодского горкома партии они «достали» (а точнее, просто изъяли) на одном из

ставропольских конезаводов знаменитого породистого скакуна Икара и подарил его престарелому маршалу, который испытывал всю жизнь страсть к лошадям, а тот, прослезившись, в знак благодарности распорядился продать прямо с тольяттинского завода «ВАЗ» десять дорогостоящих автомобилей («Жигули», которые, конечно, тут же были перепроданы михайловцами втридорога.

Как известно, бизнес засасывает, увлекает. Человек, который «крутит» большими деньгами, уже не в силах остановиться. Михайлов, человек, безусловно, незаурядный, обладавший даже какими-то почти гипнотическими способностями, уже перестал следить за своей одеждой, ходил, ездил и летал по стране в одном и том же засаленном костюме. Из потерянных карманов торчали пакки денег, завернутые в газеты всех национальных республик. Со всего Союза в редакцию «Советского спорта» «клиенты» привозили ему деньги и типично по-советски заворачивали их перед выездом из дома в газету — «Заря Востока», «Бакинский рабочий», «Вечерний Ташкент», ереванский «Коммунист» и т.д. Когда кто-то из знакомых обращал внимание Михайлова на его костюм, он только отмахивался: «Некогда менять! Деньги делать надо!»

Наконец, в конце 1974 года Михайлов и его группа были схвачены. Но в один прекрасный день в следственное управление московской милиции вдруг пришло личное распоряжение самого Алексея Косыгина: чемпиону из дела вывести и материалы, связанные с ее именем, прекратить. Что ж, следствие покорилось этому высокому приказу, хотя причина такого благоволения к ней была, видимо, не только в том, что Косыгин был поклонником знаменитой гимнастки, о чем она постоянно твердила на допросах и требовала внести в протоколы заявления о ее личной близости к Косыгину. Не менее важным обстоятельством освобождения Л. от уголовной ответственности было и то, что ее сестра была замужем за начальником Следственного управления Министерства внутренних дел СССР.

Но не только это имя было изъято из этого дела. По распоряжению административного отдела ЦК, которому подчинены все правые и карательные службы в СССР, предварительное следствие и суд над группой Михайлова были строго законспирированы от общественности, переведены в разряд секретных и переданы в ведение военного трибунала, с тем чтобы судебный процесс происходил не только при закрытых дверях, но даже и на закрытой территории воинской части. Так «советская власть» оберегла своих крупных партийных, административных и спортивных сановников от разоблачений и наказания. Не понес кары ни один из 24 высокопоставленных покровителей шайки Михайлова. А сам Михайлов из десяти лет, определенных ему судом, отбыл всего два. В тюрьме он не терял времени даром — написал документальную повесть о своей жене-сподвижнице, которая была опубликована в журнале «Огонек», автором ее была указана сама Л. В этой повести о блистательном пути гимнастки к олимпийским вершинам нет, естественно, эпизодов истории с миллионным приданым, чемпионки, подробностей ее преступной деятельности на спортивном советском Олимпе...

Дело Михайлова не случайно, не единично и не уникально в советской судебной практике. Один из нас за время работы в советских следственных органах принимал участие в расследовании более чем пятидесяти дел, связанных с преступлениями в советском спорте.

Злоупотребления, взятки, хищения, приписки к планам и отчетам, мошенничество, развращение несовершеннолетних спортсменов, вовлечение в проституцию и приобщение к употреблению наркотиков, спекуляция импортными товарами и валютными ценностями — вот что безнаказанно совершалось в советском спорте повсеместно и ежесекундно. Об этой «беловороничковой» преступности в советском спорте никогда не

говорится в советской печати, хотя, по данным закрытых исследований, которые проводил Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, до пяти тысяч спортсменов и физкультурников ежегодно вступают в конфликт с государством и репрессированы. И это только заурядные, не прикрытые олимпийскими и отечественными медалями и лаврами спортсмены! И уж вообще остаются безнаказанными те, кто руководит спортом, возглавляет спортивные комитеты, федерации, общества. Одним из таких типичных представителей правящей спортивной элиты в СССР являлся председатель московского спортивного общества «Зенит» Сергей Гусков.

«Зенит» — спортивное общество Министерства авиационной промышленности. В СССР более привилегированного министерства, которое строит ракеты и военные истребители, пожалуй, и нет. Здесь могли все. Одним телефонным звонком «достать» квартиры, машины, дачи, дефицитные товары, дополнительные фонды и т.д.

Поэтому спортсмены, нанятые этим спортивным обществом, чтобы представлять спорт Министерства авиационной промышленности, перемаанные у других клубов за более высокие ставки, квартиры, машины и т.д., находились в полной, подчас рабской, зависимости от их спортивного шефа — Сергея Гускова. Он мог «дать» (т.е. практически подарить даром) квартиру в Москве, должность тренера или директора какого-нибудь спортивного комплекса, обеспечить безбедную старость и высокую пенсию, а мог — просто выбросить на улицу, уволить из спорта.

Возвращаясь из очередного заграничного тура — из США, Канады и Европы, — сразу после приземления в аэропорту «Шереметьево» команда, к примеру, хоккеистов в полном составе и со всеми вещами прямо с аэродрома должна была ехать в главную резиденцию Гускова — где находилась штаб-квартира спортивного общества «Зенит». Здесь со всеми своими чемоданами и баулами хоккеисты проходили в ореховый кабинет Гускова, и двери кабинета запирались. Спортсмены распаковывали свои чемоданы, и Гусков производил досмотр привезенных импортных товаров — досмотр почти таможенный. Магнитофоны, транзисторы, джинсы, кинокамеры, калькуляторы, шубы, часы «Сейко» — Гусков отбирал себе все, что хотел, это как положенный оброк. Только после того, как он заберет процентов 30–40 привезенных товаров, мастера спорта могли увезти домой свою импортную добычу.

Назавтра из-за рубежа прилетают гимнасты «Зенита», а послезавтра — волейболисты или пловчихи, и с ними — та же процедура. Некоторым начинающим или строптивым спортсменам, которые удивлялись или противились таким «изытаниям», Гусков объяснял, что они сумели ввезти в СССР столько импортного «баракла» только благодаря его, Гускова, связям в Шереметьевской таможне. А если кто-то не желает платить оброк, в следующий раз у него просто все товары изымут на таможне и еще обвинят в контрабанде.

И это — правда. Советские спортсмены, как правило, не проходят таможенного досмотра вещей при въезде в страну, сколько бы чемоданов у них ни было, не делается это не только и не столько за их спортивные зарубежные победы. Часть товаров, оставшихся в кабинете у Гускова во время этих изытаний, сама возвращалась в руки, в квартиры и на дачи руководителей Шереметьевской таможни.

А остальные реализовывались на черном рынке или через комиссионные магазины. Конечно, сам Гусков этим не занимался. Для этого у него был целый штат — инструкторы физкультуры, методисты спортивных клубов, тренеры молодежных команд и т.д. Они реализовывали, то бишь спекулировали, где только могли, не только товары, привезенные спортсменами из-за рубежа, но и остродефицитные в СССР спортивные импортные товары — олимпийские костюмы, «адидасовскую» обувь — весь тот импорт, который поступал к Гускову по спецфондам из Спорткомитета

СССР или с баз импортных товаров Министерства торговли СССР. Понятно, что не один Гусков грел руки на этих операциях, что фонды не приходят сверху только как награда за очередные победы «Зенита» или «Крыльев Советов».

Как и в деле Михайлова, «работа» Гускова завязывалась в один преступный узел самых влиятельных спортивных, правительственных, милицеских и таможенных чиновников столицы.

Другой статьей дохода Гускова являлись распродажи и дележ спортивных должностей. Эта процедура происходила не в кабинете, а в знаменитых московских сандуновских банях. Там Гусков и его подручные с утра занимали номер с плавательным бассейном, все те же прислужники — методисты, инструкторы физкультуры — привозили сюда ящики холодного чешского пива и армянский коньяк, и в этом бассейне проходили заседания коллегии спортивного общества, где прибывшим из спортклубов тренерам и спортсменам объявляли об их назначениях на очередные руководящие посты, и здесь же принимались гонорары за эти назначения.

Любопытно, что следствие по делу Михайлова установило, что порой в Сандунах одновременно «заседали» в соседних кабинетах несколько коллегий нескольких «спортобществ» — в одном бассейне Михайлов, в другом — Гусков, в третьем — руководитель Центрального стадиона им. В.И. Ленина.

Кроме этого постоянного номера в Сандунах в распоряжении Гускова находились еще весь Дворец тяжелой атлетики «Крылья Советов» в Москве, спортивный комплекс в подмосковном городе Красногорске и плавательный бассейн в Химках. А это значит, что под его опекой были сотни, а то и тысячи юных спортсменов и спортсменок — гимнастки, пловчихи, акробатки.

Гусков — сластолюбец. Еще в детских спортивных школах своего спортивного общества он пристраивал «перспективных» девочек, покровительствовал их первым шагам в спорте, а затем — развращал, создавая перспективами большой спортивной карьеры, заграничными выступлениями и т.п. Провинциальными спортсменками он соблазнял обещаниями «дать» квартиру в Москве, московских — посулами обеспечить путь к чемпионству. Заплатив государственной квартирой за «любовь», Гусков осыпал своим фавориткам и с рук на руки передавал их своим друзьям из ЦК ВЛКСМ, ЦК КПСС и Спорткомитета СССР, которые устраивали «смотрные» спортсменов в столичных и особенно подмосковных дворцах спорта. К закрытым для посторонних дверям этих дворцов, плавательных бассейнов и прочих спортивных баз и домов отдыха часто подкатывали черные «Волги» и «ЗИМы», набитые ящиками с шампанским и водкой. Здесь девочек просили выступить для начальства, «показать себя», а потом спавали «до отключки»...

То пьяное беспутство, то пивоводно-коньячный разврат и шашаш, который происходил на таких начальственных гулянках, и не снился самому похобному западному порнофильму. Круговая порука, которую, возможно, и намеренно создавал вокруг себя предсудомотрительный Гусков, помогала ему выходить сухим из воды. Это же произошло даже тогда, когда юная гимнастка Н., побывав спяну в его гареме, покончила жизнь самоубийством. Дело, которое было возбуждено и напрямую вело к Гускову и всем его правительственным, милицеским и спортивным друзьям, вдруг было прекращено, самоубийство девушки было квалифицировано как «несчастный случай».

Еще один пример «беловороничковой» преступности — всеозной олимпийский комплекс — Центральный стадион им. В.И. Ленина, что в Лужниках. Регулярно на протяжении многих лет следователи прокуратуры (в том числе один из нас), ревизоры КРУ (Контрольно-ревизионного управления Министерства финансов СССР) и работники других ревизионных ведомств вскрывали здесь многотысячные махи-

нации, хищения и аферы, но ни директор стадиона, ни заместители не были привлечены к ответственности.

Что же интересного происходит на этом стадионе в перерывах между футбольными и хоккейными баталиями?

Первым было дело о хищении государственных денежных средств и строительных материалов при производстве капитального ремонта этого главного стадиона страны. Даже выдавшие на своем веку ревизоры из Министерства финансов всплескивали руками: «Как это можно так нагло красть народные деньги?» Жульническая механика была, действительно, примитивно-беспардонная. Скажем, директор стадиона постоянно выплывал подрядчику, начальнику строительного-монтажного управления, суммы вдвое, а то и втрое большие, чем было положено за определенный объем работ. Так, по документам было проведено три покраски всех скамеек и сидений на трибунах стадиона, в то время как, естественно, скамейки были покрашены только раз. При ремонте световых таблиц этого стадиона были приписаны тысячи лишних метров кабеля, проводки, а сами таблицы увеличены на бумаге во сто крат. Многотысячные приписки несуществующих работ были выявлены в теннисном городке, в плавательном бассейне, на Малой и Большой спортивных аренах, на футбольных полях, в гимнастических, боксерских, легкоатлетических залах, на баскетбольных и волейбольных площадках.

Несколько лет тому назад в тех же Лужниках вскрылось еще одно дело. На этот раз героем, а точнее, героиней была главный бухгалтер стадиона Ольга Андреевна Шадчинова, за которой много лет держалась репутация «самого честного человека в Лужниках». Именно поэтому в течение семи лет сотрудники стадиона выбирали ее председателем поста народного контроля и казначеем месткома стадиона. Не раз на собраниях сотрудников выступала она с речами о честности и добросовестности, о необходимости беречь каждую государственную копейку. Лишь на следствии выяснилось, что в течение этих же семи лет часть денежных средств, которые получал за аренду своих спортивных залов, катков, бассейнов и футбольных полей этот самый крупный спортивный комплекс страны от заводов, институтов и предприятий, шла не в Госбанк, а откладывалась в сберкассе на улице Плющиха под видом профсоюзных средств коллектива стадиона. Рос капитал, росли проценты, и все эти деньги были личным оборотным капиталом руководства стадиона. Они вкладывали их в спортлото, в строительство финских бань, дач, в увеселительные прогулки и банкеты на лоне природы, в создание новых «левых» цехов при стадионе.

Следствие выяснило, что, только по документально подтвержденным данным, доля Шадчиновой в этих хищениях составила 186 тысяч рублей. Что может делать в СССР с такими деньгами одинокая пожилая женщина, внешне похожая на строгую монашку с аскетически-пуританским лицом? В ходе расследования этого дела выявились тайный порок Шадчиновой и статьи ее расходов — Шадчинова любила молодых мужчин. Если заместитель директора стадиона покупал на ворованные деньги драгоценности для своей жены, другой заместитель строил себе шикарную виллу, то Шадчинова буквально покупала молодых мастеров спорта СССР.

Только она одна и была осуждена по этому делу. Срок, определенный ей приговором, — восемь лет лишения свободы. В отношении остальных обвиняемых следствие вынесло 22 постановления о прекращении уголовного преследования — конечно же, снова по указанию партийных боссов из административного отдела ЦК КПСС и их прокурорских прислужников.

И тут уж действительно — комментарии излишни.

У НАС В ГОСТЯХ

— Независимая, то есть вольная, своего рода островок свободы в газетно-журнальном море. От кого и от чего вы не зависите? — спросила я у Виталия Третьякова, главного редактора «Н.Г.».

Первоначально на месте этого девиза задумывалась фраза: «Вся правда, известная нам сегодня». И вообще название «Правда» было бы самым подходящим для нашей газеты, но оно, с одной стороны, уже занято, а с другой — дискредитировано.

Конечно, полностью беспристрастным в этом мире быть нельзя, не всегда удастся сдержать гнев, но это идеал, к которому мы стремимся. Во всяком случае, мы действительно беспристрастны в изложении чужих точек зрения. Событие произошло, и мы о нем рассказываем. Как к этому отнесутся Верховный Совет, Горбачев, Ельцин — меня абсолютно не волнует. «Независимая газета» старается стоять между партийными пристрастиями. Читатель хочет узнать что-то новое, а журналист должен это новое найти.

— Между тем «Н.Г.» слывет левым изданием...

— Конечно, мы либерально-демократическая газета. Никто не пытается изобразить невинность там, где ее нет. Но если, к примеру, Иван Кузьмич Полозов представляет собой некое явление в нашем обществе, мы должны информировать о нем читателя. Мы публикуем политические заявления. Плати деньги за рекламу — напечатаем.

— Даже если будет заявление общества «Память»?

— Да, если оно не будет содержать того, что подпадает под действие Уголовного кодекса. Конечно, есть симпатии и антипатии, но журналистам «Независимой газеты» запрещается в своих статьях постоянно вести линию в поддержку какой-то партии или против нее. Наш первый принцип — незаангажированность в политике.

— Ваш учредитель — Моссовет. Зависите ли вы от него?

— Когда я рассказывал депутатам Моссовета о том, какую газету хочу создать, я говорил: «Ваша статья, Ельцина или Горбачева может быть опубликована, если она понравится редакции. Но если вы пришли, кинули на стол: «Печатай!» — этого не будет. Я буду выбирать». Это записано в уставе газеты.

«Н.Г.» независима и от неформальных связей наверху. Шестидесятники, которые сегодня возмущают многие издания, имеют друзей в правительстве. У меня нет таких связей. Я слишком молод и не вошел еще в ту номенклатуру. Мне нельзя позвонить по вертушке, у меня

ее нет и нет друга — члена Политбюро. И наконец, мы внутренне независимы. Я не правлю журналистов, я что-то вроде ОТК: хорошо — в газету, плохо — в корзину. Я работал в «Московских новостях» и помню, как взвешивалось каждое критичное слово в адрес Горбачева.

Осторожность, излишняя метафоричность, эзопов язык — это уже традиции нашей прессы. Мы называем вещи своими именами. Яркий пример — литовские события в январе, которыми все были возмущены, но мы были единственной газетой, которая вышла с шапкой на три полосы, называя событие так, как она его поняла и как

поняли все: «Попытка военного переворота в Литве».

— На страницах «Независимой газеты» часто встречаются со «звездами» — политическими, научными, театральными.

— Дело в том, что у нас газету делать просто. Надо только дать свободу. В старых газетах сложилась своя иерархия. Главный редактор хочет не хочет, но там такая очередь литературных генералов, что молодой не может воткнуться. Как войдешь, если у тебя не написан номер? Вышвырнут. Кроме того, есть как бы запретные темы. Вот все судачат о клане Михалковых в советском искусстве. Мы опубликовали

НЕЗАВИСИМОСТЬ

статью Михаила Козакова, который уехал, но, может быть, вернется, об этой семье. Невозможно представить себе такой материал в «Советской культуре» или в «Литературной газете». Пойдут разговоры: «Никита обидится...», «Андрон обидится», «Сергей Владимирович обидится...». Меня не волнует, кто обидится.

— Были ли случаи, когда «звезды» отказывались давать интервью вашей газете?

— Наша журналистка пыталась взять интервью у Ва-

НЕЗАВИСИМОСТЬ

силы Белова. Он сказал, что не верит ни в какие независимые газеты. Бог ему судья... До сих пор мы не имеем интервью Бориса Николаевича Ельцина, хотя многие считают нашу газету проельцинской. У меня впечатление, что его окружает такая плотная толпа клеветников, которые сами решают, где публиковаться российскому президенту. Я прошить не буду. Рано или поздно Ельцин сам придет, захочет опубликоваться в «Независимой газете».

Когда верстался номер. Беседа с Виталием Третьяковым состоялась в июле, примерно за месяц до государственного переворота, предпринятого высокопоставленными преступниками. Уже 19-го «Независимая газета» была закрыта путчистами вместе с другими «неблагонадежны-

ми» изданиями. Но журналисты «Н.Г.» продолжали работать. Как жила редакция в дни переворота?

— Рано утром 19 августа меня разбудил звонок заводилом политики Дмитрия Остальского: переворот. Я поехал в редакцию. Там уже были все. Ситуация прояснялась, но мы надеялись, что газета выйдет. В номер кроме документов хунты, их портретов и биографий мы поставили заявление Ельцина, мою редакционную статью о событиях, два больших документа — Закон о чрезвычайном положении и извлечение из Международного пакта о правах, подписанного и Советским Союзом, касающееся ситуации чрезвычайного положения. Две полосы были отданы информации и хронике сопротивления.

Затем прошел слух, что нас закроют, а вскоре поступила тассовка с сообщением, что выпуск ряда газет прерван. В тот же день у наших людей отобрали пропуска для входа в издательство «Известия», где печатается «Независимая газета». Стало ясно, что ничего не выйдет. Мы решили собирать информацию и всяческими методами ее распространять. Факсы работали, линия международной связи отрезана не была. Используя наши зарубежные связи, мы выпустили этот номер в Париже сотысячным тиражом. Все материалы мы отправляли в Париж, газета «Либерасьон» распространила наше обращение к свободным журналистам мира. Затем приступили к изготовлению листовки, которую делали всю ночь, размножали здесь и на Московской товарно-сырьевой бирже.

На бульварах стояли бэтэры. Уже состоялась пресс-конференция путчистов, на которой наша журналистка Татьяна Малкина задала свой прямой вопрос: «Понимаете ли вы, что сегодня ночью вы совершили государственный переворот? Какое из сравнений вам кажется более корректным: с семнадцатым или шестидесятым четвертым годом?»

Страх среди журналистов я не видел. Все ребята чрезвычайно смелые, я просил их быть осторожными, когда объявили комендантский час, но они не думали о собственной безопасности. Одни были на баррикадах, другие — в «Белом доме», третьи — в редакции. В ночь, когда ждали штурма, наши люди непрерывно звонили в гостиницу «Октябрьская», которая была штаб-квартирой путчистов, и помощник Янаева говорил, что вице-президент спит. Потом вообще перестал снимать трубку. На один из звонков отозвался человек, назвавшийся администратором, и сказал, что проживающего с фамилией Янаев в этой гостинице нет.

В среду 21 августа, когда группа путчистов спешно вылетела в Форос, стало окончательно ясно, что переворот не удался. Мы открыли старые запасы — три ящика шампанского — и выпили за победу.

Беседу вела
Елена СВЕТЛОВА

Фото Дмитрия АЗАРОВА

НЕЗАВИСИМАЯ
ГАЗЕТАПОЧЕМУ
Я БЕЖАЛ НА ЗАПАД

31 января 1991 года редакция «Независимой газеты» обратилась к начальнику Центра общественных связей КГБ СССР Александру Карбаинову с просьбой изложить мнение этого ведомства по делу бывшего резидента КГБ в Лондоне Олега Гордиевского. Не получив никакого ответа, 28 февраля мы опубликовали подборку материалов о семье Гордиевского, в том числе статью лорда Бетелла и комментарий народного депутата СССР Анатолия Лубенченко. На эту публикацию КГБ отреагировало довольно быстро. Сразу же по получении текста «Независимая газета» поместила его в номере от 14 марта. Однако точку, как оказалось, ставить рано. Во-первых, на публикацию ответа КГБ счел необходимым откликнуться сам Олег Гордиевский. Во-вторых, сэр Николас Бетелл предоставил в наше распоряжение тексты двух писем, предметом которых является все тот же ответ КГБ. Наконец, редакция располагает списком высланных из Великобритании в 1985 году советских граждан, который она тщетно пыталась получить на Лубянке.

непринемлемо и должно быть резко сокращено. Сейчас, в эпоху демократизации в СССР и нового мышления в советской внешней политике, понять это чрезвычайно важно.

С любопытством констатирую я возмущение КГБ и его домыслы по поводу моего побега на Запад, после того как они подвергли меня попытке с помощью высокотоксичного наркотического спешпрепарата. Фактом между тем является то, что пока никто в СССР не знает, как мне это удалось.

Основная цель чекистской публикации — это, как выражаются в Англии и Америке, «характерассасинейшн» (уничтожение репутации). Печальное зрелище: организация, которую на Западе (ошибочно) считают умной, элитарной и находчивой, использует старомодные примитивные приемы: вымысел, инсинуации, фальшивое морализирование. Можно догадаться, почему публикация подписана не конкретным именем, а анонимно — Центром общественных связей. Если в СССР будет когда-нибудь создано правовое государство, клеветникам придется отвечать перед судом.

В интервью еженедельнику «Собеседник» я подробно изложил свои взгляды того периода, который предшествовал моему побегу. Но КГБ живо и оскорбительно продолжает утверждать, что, сотрудничая с Западом, я руководствовался не идеями, а инстинктами. Я задумался: зачем они постоянно повторяют эту вопиющую ложь? Я четверть века знал КГБ, знаю, как там обманывают сотрудников. Для них неприемлема сама мысль, что, чекист может

быть противником тоталитарной системы по мировоззренческим соображениям. Может быть, сами чины КГБ по своей природе легче понимают вульгарные материалистические побуждения, идеино-философские соображения им, как видно, недоступны. Поэтому они меня, как и других диссидентов, пытаются стащить на свой убогий уровень. Об этом свидетельствует их традиционный чекистский жаргон: «его хозяева», «любовь к сладкой жизни», «набивал себе лену» и т.п. Центр связей КГБ утверждает, что Гордиевскому были свойственны «распущенность и низменные инстинкты». Между тем все, кто знал меня, также знали, что я был серьезным человеком, моими интересами были лингвистика, история, старинная музыка. Я никогда не увлекался материальными сторонами существования. Причиной, по-

будившей меня к сотрудничеству с западными демократиями, было знание (приобретенное рано, лет за 30 до гласности) того, что тоталитарная диктатура и ее тайная политическая полиция сделали с российской интеллигенцией, армией, крестьянством и духовенством. Каплей, переполнившей чашу, было вторжение в августе 1968 года коммунистических войск в Чехословакию. В тот месяц я отчетливо понял, что коммунизм, его гигантская военная машина и репрессивно-шпионские органы представляют смертельную угрозу всей западной цивилизации. Теперь, когда Восточная Европа свободна и появилась некоторая возможность победы демократии и в СССР, я рад, что внес маленькую лепту в достижение этих великих побед.

Я сожалею только, что в прошедшие годы я не смог так энергично, как мне хотелось бы, ободрить и поддержать тех порядочных людей в КГБ, которых там имеется, к счастью, немало.

Особенно любил КГБ употреблять слова «измена» и «предательство», вокруг которых в СССР с 1937 года всегда создавалась атмосфера демомонизации и истерии. Между тем традиция российских демократов и революционеров в их борьбе с правительством сотрудничать с западными государствами восходит к Герцену и Бакунину и не кончилась Зиновьевым и Трошкин. Весной 1917 года несколько групп революционно-демократических деятелей германским правительством были переправлены в Россию, с которой Германия находилась в состоянии войны. Большинство этих деятелей

приняли активное участие в Октябрьской революции и создании Советского государства, включая создание ВЧК — КГБ. Все эти революционеры стремились разрушить ту добрую, мягкую и процветающую Россию, какой она была до 1917 года (и преуспели в этом). Их до сих пор в СССР считают героями. Людей же, которые, подобно мне, помогали западным демократиям в знак сопротивления самой чудовишной диктатуре в истории человечества, КГБ считает предателями. Я думаю, история рассудит иначе.

Если уж серьезно говорить об измене, то, по моему глубокому убеждению, работа на КГБ и другие репрессивные органы тоталитарного государства является предательством России, ее народа и ее истории.

Но самое главное в публикации Центра связей — он не отвечает на основной вопрос, поставленный дискуссией в «Независимой газете»: почему КГБ в течение шести лет продолжает удерживать в качестве заложников мою жену и детей? Насколько это соответствует международному праву и многочисленным соглашениям о правах человека, подписанным советским президентом и министром иностранных дел в последние годы? Почему игнорируются неоднократные обращения британских и американских руководителей с просьбой освободить мою семью? Как это сочетается с желанием СССР укреплять взаимное доверие и принадлежность к семье цивилизованных наций?

В течение шести лет КГБ ведет непрерывную круглосуточную слежку за женой, прослушивает ее квартиру и телефон, квартиры и телефоны родственников (на это уходит миллионы рублей советских налоговладельцев). Письма и посылки перехватываются. Создаются помехи действиям западных дипломатов, стремящихся оказать семье гуманитарную помощь. Полностью игнорируются выступления печати за воссоединение семьи. Как Центр общественных связей объяснит эти аморальные, противозаконные действия КГБ, любящего называть себя правоохранительным органом?

Все эти тоталитарные прелести, созданные КГБ вокруг моей семьи, хорошо, в подробностях известны на Западе, как правительствам, так и министерствам иностранных дел, как средствам массовой информации, так и организациям общественного мнения, в частности религиозным, и вызывают глубокое и тупое разочарование в политике СССР, подрывают его международное положение.

Олег ГОРДИЕВСКИЙ

ОТ РЕДАКЦИИ. Когда верстался номер, стало известно, что жена Олега Гордиевского получила разрешение на выезд из СССР и уехала с детьми к мужу.

Публикацию подготовили Владимир АБАРИНОВ, Андрей ПОЛЕЩУК, Елена БЕРЕЗНИЦКАЯ

ЭКСПРЕСС-
ДЕТЕКТИВ

Ласло Л. ЛЁРИНЦ

20 декабря

Читателю предлагается глава из политического детектива венгерского писателя Ласло Л. Лёрица «Покушение на гегека».

Лёриц — по специальности филолог-востоковед, изучающий литературу и фольклор Бурятии, Монголии, Тибета. Его широкие познания в области восточных культур, сочетаясь с живой фантазией и быстрым пером, породили на свет множество детективных историй с головоломными сюжетами, невероятными приключениями, роковыми тайнами.

Но вот и наша развороченная перестройкой действительность, вместе с Тибетом и какими-нибудь там джунглями в верховьях Брахмапутры, попала в число тех экзотических мест, куда Лёриц пускает пастись свое воображение. И получился остроюжеженный роман, где причудливая фабула воспринимается вполне естественно — настолько тесно она уязвана с фактами и реалиями нашей расхристанной жизни, которую писатель знает не понаслуху.

Фабула книги, написанной в 1990 году, вкратце такова. Консерваторы в политическом и военном руководстве СССР, придя к выводу, что в развитии событий наступил критический момент, решают ликвидировать лидера перестройки. Покушение должен осуществить наемный убийца-одиночка. Повествование состоит из небольших главок, рассказывающих, как жестоко и хладнокровно продвигается он к своей цели, одновременно выстраивая побочную, отвлекающую цепь убийств и похищений.

Прогрессивные политические деятели, почуявшие неладное, по вынужденности действовать чрезвычайно осторожно, находят ему равноценного противника. Разрабатывая свою версию покушения на президента СССР, автор не собираясь заниматься политическими прозрениями, его цель — захватывающая фабула. Однако он весьма точно уловил суть ситуации, ту остроту, с какой консервативные силы в нашей стране отстаивают свою власть, свои привилегии. Август 1991 года показал, на что способны эти силы. А что касается конкретных форм их действий, кто решится утверждать, что, потеряв неудачу, они сложили руки? В этом смысле книга Ласло Л. Лёрица не только увлекательна, но и, увы, актуальна.

Полностью авторизованный перевод романа выходит в самое ближайшее время в очередном выпуске приложения к журналу «Детектив и политика».

Лидию в эту ночь беспокоили мрачные мысли. Старая ведьма — так называла она свою квартирную хозяйку Абдуллаеву — дважды уже устраивала ей скандал, требуя квартплату, иначе — собирай свое барахло и иди на все четыре стороны, охотников на эту чудесную комнату найдется больше, чем надо, другие и платят куда аккуратнее, и не таскают в дом всяких подозрительных типов. Что говорить, содержать Женю — на одно это требуется целое состояние, а сколько других расходов! Что она, деньги печатает, что ли? Конечно, подумала она, если от Женки избавишься, в каком-то смысле стало бы легче. Но — ненадолго. Там, где она живет, и в том кругу, где вращается, без такого Женки не обойтись.

Она так глубоко погрузилась в свои невеселые думы, что не сразу заметила, как в ресторан вошел высокий белокурый мужчина с необычно светлыми глазами. Наверняка хорошо дядю Пашу подмазал, раз тот не только впустил его, но еще и проводил, кланяясь чуть не до земли, к свободному столу.

Лидия сунула в рот зубочистку и украдкой стала рассматривать нового гостя. Конечно, не слишком уж откровенно, но и особенно не стараясь, чтобы тот ничего не заметил. Взяв из-под стойки еще довольно чистую и сухую тряпку, она выбрала столик, не очень близко, но и не особенно далеко от стойки, и пружинистой, самой выигрышной своей походкой двинулась туда через зал. Два татарина, что сидели за столиком, разинули рты, силясь понять, что побудило высокомерную официантку в тесной юбке и еще более тесной блузке подойти именно к ним и, подняв их бокалы, вытереть несколько капель шампанского, пролившегося на столик.

Перегибаясь через стол, Лидия постаралась, чтобы формы ее предстали перед зрителями в самом выгодном свете. Тот, на кого это было рассчитано, просто не мог не загореться от такого роскошного зрелища.

Во всяком случае, два татарина совершенно обалдели, не в силах оторвать взгляд от ее выразительного лица и умопомрачительной груди. Одновременно подняв ко рту бокалы, они одновременно забыли выпить из них. И вспомнили об этом, лишь когда Лидия повернулась, предоставив возможность белолазному оценить ее в профиль. «Больше я для тебя ничего не могу сделать», — подумала она, возвращаясь к стойке. Она взяла меню, раскрыла его, провела вдоль строчек красным ногтем с потрескавшимися краями, потом недовольно захопнула твердый переплет и, далеко обойдя грузин с их длинными руками, подошла к столу, за которым сидел белолазый.

Лидия Муратова не принадлежала к той категории женщин, что предлагают себя бесстыдно и откровенно. Она никогда, например, не подмигивала мужчинам и даже в глаза им не заглядывала многозначительно. Она и в постели вела себя с клиентами — кроме Женки, конечно, — так, чтобы те помнили: за свои пятьдесят они получают лишь то, что положено. И ничего сверх. Ни улыбки, ни ласкового слова. Лидия знала: именно за таких женщин мужики готовы на что угодно.

Белолазый взял меню, раскрыл и тут же закрыл. Подняв голову, улыбнулся девушке. Может быть, в этом повинны были его странные светлые глаза, но улыбка его напомнила Лидии детство на берегу Волги, осенние вечера, когда мальчишки пугали их выдолбленными тыквами со свечами в пустых глазницах.

— А вы что могли бы мне предложить?

Вопрос понравился Лидии. Именно так, казалось ей, уважающий себя гость должен разговаривать с официантом. А не мусолить меню, ища, что подешевле.

— Есть котлеты по-киевски.

Гость улыбнулся.

— Порядок. Пусть будет котлета по-киевски.

— Пить что-нибудь будете?

Белолазый оглядел зал, наморщил лоб, указательным пальцем постучал по зубам.

— Импортное шампанское держите? Или оставшееся от экспорта?

Лидия отвела взгляд от стены и внимательно посмотрела на гостя.

— Вы серьезно?

— Серьезнее не бывает.

Лидию охватила безумная радость. О господи, если бы ей удалось хоть на одну ночь заполучить этого толстого москвича, то ли прибалта, одетого за таким вкусом!.. Уж она бы заткнула ненасытную пасть Абдуллаевой!.. Но — не спугнуть, Лидуся, без спешки!..

Она наклонилась, делая вид, что смахивает со стола соринку.

— Вот что. Сделать можно, только придется другую этикетку наклеить. Подождете?

Гость кивнул и закурил. Когда Лидия увидела на его коробке верблюда, у нее перехватило дыхание. «Господи Иисусе, помоги! — горячо молилась она про себя. — Этот пареня «Кэмел» курит. Если не отстегну у него сотнягу, значит, я ни на что не годна, можно брать билет за Полярный круг и уезжать стирать тунгусам подштанники. Только спокойно, спокойно, Лидочка!..»

Не обращая внимания на громогласные реплики грузин, она возвратилась к стойке. Если бы в углу зала, как в бабушкиной избе, была икона, Лидия, пожалуй, встала бы перед ней на колени. Только бы не упустить свое счастье!..

Ее даже почти не вывело из себя, когда в помещении склада, где она разыскивала экспортную бутылку и переклеивала на нее этикетку, к ней тихой сапой подобрался Шишлин и, зайдя со спины, стал ее лапать.

Поскольку руки ее были заняты, а бутылку она отпустить не посмела, то ей ничего другого не оставалось, как острым каблук из всех сил лягнуть шефа. Тот охнул, отпустил ее — и уже открыл рот, чтобы высказать все, что он о ней думает, как дверь открылась и в подсобку заглянула беззубая старуха уборщица. Она искала Шишлина: в зале за одним из столиков скандалят. Шишлин вышел, шипя от злости, прихрамывая и грозя кулаком равнодушной спине Лидии.

Получив заказанное шампанское, белолазый благодарно улыбнулся официантке. Под наклеенной этикеткой Лидия оставила старую: если гость посмотрит на свет, пусть видит, что его не надули.

Впрочем, надул его все равно бы не удалось. Когда Лидия откупорила бутылку и налила гостю на пробу, тот поднял бокал, вдохнул аромат, сделал глоток и с одобрением щелкнул пальцами.

Поступило в продажу два года назад, поначалу только в Москве и окрестностях.

Лидия потеряла дар речи. На какой-то момент даже маска высокомерного равнодушия спала с нее; она с неприкрытым благоговением смотрела гостю в лицо.

А тогда ни слова не говоря, осушил бокал до дна.

В эту ночь Лидия Муратова опять умирала со скуки. Она видеть уже не могла ни возбужденных пьянчуг, ни кислых трезвенников с больными желудками. Не могла слышать ни шумных, задирающих друг друга русских, ни мешающих родной язык с русским азербайджанцев, ни узбеков, редко-редко роняющих слова. Все ей осточертело до тошноты, а большие всех — шеф, Шишлин, не пропускающий ни одной возможности, чтобы не запустить свои похотливые лапы ей под юбку.

Отвергать притязания шефа Лидию побуждали не какие-то нравственные соображения. Причины были скорее практические. Дело в том, что от Шишлина, этого несчастного женатика, она ну совсем ничего не ждала. Ровно в полночь, словно по расписанию, в ресторан входила на пожках-спичках его благоверная, вертела тощим задом, совала нос в кассу и посылала Лидию злобно-ласковую улыбку. Муратова знала: Шишлин бежен, как церковная мышь, хоть ворует больше, чем вся верхушка какого-нибудь столичного главка. И она ни малейшего желания не ощущала просто так, задаром, между двумя глотками мартини, потакать сластолюбию шефа.

Сегодняшняя ночь, увы, ничего интересного не обещала. День получился давно митовал, следующий маячил где-то на горизонте. Она тоскливо облокотилась на стойку и, за неимением лучшего, наблюдала за компанией грузин, которые, словно воду, хлещали шампанское.

З а те полчаса, что Шишин, этот придурок несчастный, жарил котлету по-киевски, Лидия хорошо рассмотрела необычного гостя. Раз или два взгляды их встретились, пусть и не более чем на долю секунды. Но Лидия уже точно знала, о чем идет речь. Она нужна белоглазому, в этом можно не сомневаться. Хотя в своем деле она далеко не была новичком, однако у нее даже руки дрожали, когда она несла к столу блюдо.

Гость поднял на нее глаза и, не обращая внимания на принесенный заказ, закурил сигарету.

— Прощу прощения, барышня, можно один вопрос? У Лидии даже горло перехватило, как когда-то, в ранней молодости, когда какой-нибудь толстый клиент раздевался у нее на глазах.

— Пожалуйста... хоть не один.

Она старалась говорить как можно интеллигентнее — а сама сжимала руку в кулак, чтобы не видны были облезшие ногти. Хотела ведь вчера маникюр сделать, да этому идиоту Женьке как раз приспичило потанцевать с ее друзьями...

— Я город ваш плохо знаю, — сказал белоглазый с улыбкой. — Ехать пришлось неожиданно, а сейчас вот все гостиницы обошел, мест нигде нет. Не хочется ночевать в машине. Вы мне не могли бы помочь?

Лидия даже покачнулась от радости. Все стало прозрачным и ясным, как день. «Меня ты не проведешь, дружок», — подумала она, переживая, пока немного успокоится сердце. — Не пудри мне мозги, милый. Так я тебе и поверила, что такой мужик, да еще с машиной, не способен найти в Баку свободный номер в гостинице. На меня ты, красавец, нацелился, на меня. И если будешь себя хорошо вести, то свое получишь».

Конечно, Лидия очень старалась, чтобы лицо ее оставалось невозмутимым. Она задумалась, глядя перед собой, потом снова стряхнула соринку со скатерти.

— Я, пожалуй, попробую.

Белоглазый выпустил струю дыма.

— Когда вы закрываетесь?

— В десять. Ждите меня на аллее, второй перекресток. Встаньте куда-нибудь в тень, под дерево. Какая машина у вас?

— Красные «Жигули», шестерка.

Подходя к перекрестку, Лидия размышляла о том, куда же ей повести своего нового знакомого. К Людке не годится, факт, к себе же, в трущобу, вообще-то можно бы, у Женьки сегодня карточный день, домой он явится с тяжелой головой лишь завтра к полудню; вопрос только в том, как гость отнесется к ее норе.

Ломая над этим голову, она увидела под деревьями «Жигули».

— Так, значит, куда?

Именно этого вопроса Лидия больше всего боялась.

— Может... в «Баку» еще есть места. Правда, там за валюту...

Белоглазый удивленно вздернул брови.

— Вы хотите пойти в бар?

— Даже не знаю, — заколебалась она. — Все дело в том...

— Извините, я еще не представился. Меня зовут Феликс.

— Лидия, Лидия Муратова.

Он нажал на педаль газа. Двигатель рывкнул, но передача еще не была включена.

— Целый день за рулем, — сказал он, улыбаясь. — С удовольствием посидел бы в каком-нибудь тихом, уютном месте. Может, поедим к вам? Конечно, если мамаша... или муж... не будут против.

Лидия облегченно вздохнула. Она почувствовала, что можно, пожалуй, рискнуть: авось он не испугается ее квартиры.

— Спасибо, — ответил он. — Я вам очень признателен. Я и надеяться на такое не смел.

В словах его как будто звучал еле заметный оттенок иронии.

Лидия поняла: с нерешительностью надо кончать и брать инициативу в свои руки.

— Только есть тут одна загвоздка.

— Да? — спросил белоглазый. — И что же это?

— Я на горе живу.

Он невольно выглянул в окно. Но с того места, где они находились, видны были только деревья на набережной и море.

— Что значит — на горе? — спросил он. — Очень далеко?

— Не то чтобы далеко, — ответила Лидия. — Гора — это не тот район, который вам подойдет.

— В самом деле? И почему же?

В голосе его не было и намека на страх.

— Вы когда-нибудь бывали... в трущобах?

— О да.

— Где?

— Например, в Бразилии.

— Вы были... в Бразилии?

— Раз или два. Так вы, говорите, живете в барачном поселке?

— Ну... да... на машине туда вообще-то легко добраться, — затаропилась она, испугавшись, что Феликс все-таки передумает.

— Показывайте-ка дорогу.

Лидия вытерла пот со лба и принялась объяснять, где свернуть с набережной, чтобы попасть в центр, и по какой улице потом подниматься в гору.

Феликс не включал фары: зажег лишь габаритные огни. Деревянные лагуны, ржавые корпуса автобусов, вагоны, стоящие как попало, напоминали железнодорожную станцию, попавшую под бомбежку. Когда пе-

ред ними в свете луны возник контейнер, который Лидия снимала у Абдуллаевой, она попросила остановиться.

— Приехали?

Она кивнула.

Феликс не стал рассматривать дом, не стал высказывать свое отношение к нему; он повернулся к Лидии.

— Куда бы поставить машину? Здесь слишком уж на виду.

Она молча показала на щель между контейнером и стеной соседней хибары: туда как раз могла поместиться машина. Белоглазый кивнул. Лидия вылезла из машины, сняла с веревки несколько простыней и, держа их под мышкой, стала смотреть, как Феликс втискивается в узкий проход. Потом он вышел, забрал у нее простыни и бросил их на машину.

Лидия открыла дверь, вошла и зажгла настольную лампу. Тусклый желтый свет залил комнату. Лидия быстро убрала Женькины штаны, висящие на спинке стула, захлопнула под кровать его ботинки и смущенно повернулась к гостю.

— Ну, вот и... прибыли. Конечно, не люкс в отеле «Баку», но переночевать можно.

Белоглазый присел на край кровати, застеленной синим вязаным покрывалом, и взглянул на Лидию, медленно растегаивающую пуговицы плаща.

— Сколько?

Лидия вздрогнула от неожиданности.

— Что сколько?

Белоглазый схватил ее за локоть. Плащ свалился на вытертый, когда-то очень красивый азербайджанский ковер.

— Мне кажется, пора внести в это дело ясность, — сказал он почти грубо, со странной улыбкой. — Сколько ты за ночь берешь?

Лидии захотелось выругаться и осадить нахала, но она вспомнила, сколько мужчин побывало в этой комнате, и она вместе с плащом отбросила свое высокомерие.

Звонко расхохотавшись, она села рядом с ним на кровать и откинулась к стене.

— С тебя сотню возьму.

— А с других?

— С кого сколько. Кто богатый, тот пускай платит больше.

Белоглазый улыбнулся.

Лидия, опираясь на локоть, повернулась к нему.

— Ты что, стеснительный? — спросила она смешливо.

Белоглазый упруго поднялся и сам выключил свет. Узкая полоса лунного света пересекла комнату, легла на ковер, на кровать, на грудь гостя. Подгоняемая желанием, Лидия начала торопливо раздеваться. И, когда на ней почти уже ничего не оставалось, вдруг обнаружилась, что гость сидит и внимательно наблюдает за ней.

Она испугалась и замерла в неподвижности.

— Что случилось? Не так что-нибудь?

— Иди сюда!

Она села на пол ворох одежды, подошла к Феликсу и опустилась возле него на колени. Ей хотелось коснуться его, но она в последний момент удержалась.

Глаза его как-то по-дьявольски светились в темноте. Лидия ощутила у себя на руке что-то хрустящее.

— Вот тебе две сотенные, — услышала она тихие слова белоглазого. — И будешь делать все, что я скажу. Ясно?

Лидия обомлела. «Господи Иисусе, — подумала она с ужасом, — неужто нарвалась на такого?..» Людка рассказывала, как один клиент как-то потребовал, чтобы она перед тем, как лечь с ним, хлестала его кнутом...

Белоглазый снял повязанный вместо галстука шейный платок в мелкий горошек. Такие платки Лидия видела на мужчинах в старых французских фильмах. У Ива Монтана, например, в фильме... как бишь его?.. Белоглазый накинул платок на шею Лидии и улыбнулся.

— Ты очень красивая.

Зажмурив глаза, она опустила руку и незаметно сунула сотенные бумажки под ковер. Не то чтобы она боялась, что гость, передумав, потребует деньги назад. Она хотела спрятать их от Женьки.

Когда белоглазый наклонился над ней, у нее вырвался тихий, страстный вздох. А в следующий момент она ощутила, что в легких у нее нет воздуха; перед глазами плясали тысячи звезд, целый Млечный путь появился и поплыл где-то в изгибе кровати. Она попыталась вскрикнуть, но издала лишь едва слышный хрип, попыталась вырваться, но на нее словно повалилась сама гора, на которой построен был бакинский барачный поселок...

Белоглазый улыбнулся и чуть-чуть отпустил удавку. Лидия только сейчас заметила, что душит он тем самым платком в горошек, который она так доверчиво дала накинуть себе на шею. Она набрала в грудь побольше воздуха и попробовала завизжать. Завизжать так произительно, чтобы все соседи в ужасе повыскакивали из своих конур.

Вместо визга, однако, получилось лишь слабое бульканье. Белоглазый, угадав ее намерение, снова стянул платок. Она чувствовала: жилы у нее на висках напряглись до предела. Она сама не могла понять, как ей удалось постичь смысл тихих слов.

— Закричишь — убью. Будешь молчать — все обойдется. Даю слово. Обещаешь молчать?

Лидия из всех сил закивала. О, она была согласна, согласна была каждая клеточка ее тела.

Страшная тяжесть, что давила на нее, немного осла-

бла. Лидия уже ощутила шершавую ткань и струйки холодного воздуха, что текли из щели под дверью.

— Повторяю: крикнешь — задушу. Мне нужно поговорить с тобой. Просто поговорить, и все. Ты поняла?

Белоглазый окинул ее взглядом; это был взгляд мясника, что разглагольствует очередную овцу, которую выбрал, чтоб заколоть. Лидия потянулась за одеялом, чтобы накрыться, но резкий голос остановил ее.

— Не двигайся!

Она оцепенела. Казалось, даже душа ее превратилась в ледяшкуну от безжалостного выражения на лице белоглазого.

Феликс сел рядом с ней и почти с состраданием погладил ее волосы.

— Все-таки я убью тебя, Лидия.

Она чувствовала, что по щекам ее потоками льются слезы. Шея горела, словно ее прижали раскаленным железом. Все тело болело, как изломанное, будто она провела ночь с Тимофеем, десятипудовым грузчиком, занимавшимся грабежом железнодорожных вагонов.

Она сама удивилась, когда из горла ее вырвался какой-то членораздельный звук.

— За... что?

— Так надо, Лидия. Мне очень жаль.

— Не-е-ет!

Феликс развел руками.

— Ты сама хочешь этого, Лидия.

Она попыталась слотнуть слону. В глотке словно застряли спутанные куски ржавой проволоки. Она задыхалась, кашляла; еще немного, и ее вырвало бы прямо на постель.

Белоглазый брезгливо поморщился, вертя в руках шейный платок, и локтем вытер себе потный лоб.

— Давай поскорей кончать с этим!

— Не-е-ет!

Лидия попробовала обороняться; все ее усилия кончились тем, что она отодвинулась на несколько сантиметров к стене. Она поняла, что спасение невозможно.

— За... что?

Феликс спокойно, уверенно обвил ее шею, улыбнулся, сдавил ей горло. Ровно настолько, чтобы она снова ощутила боль.

Он опять улыбнулся и, словно играя, погладил обнаженную грудь Лидии.

Как тебя зовут, девочка?

Она задыхалась. Она была совершенно уверена, что попала в руки садисту, сумасшедшему, безжалостному убийце. Глотка у Лидии все еще горела, будто набитая раскаленным углем. Она проклинала про себя Женьку, которого именно сегодня угрожали свалить к приятелям. «Ах, Женька, Женька, мошенник ты подлый, то-то ты рот раскроешь, когда утром увидишь под одеялом мой труп. Одна надежда, что никогда не найди тебе денежки под ковром».

Белоглазый, напоминая о себе, резко стянул платок.

— Так как твоё имя, девочка?

Лидия решила, что если она все поставит на одну, хоть и слабую, карту — будет покорно выполнять приказы, — то этот чокнутый, может быть, отпустит ее.

— Лидия, — прошептала она. — Лидия Муратова.

Платок сдавил горло. Глаза Лидии вылезли из орбит, руки дергались и били по одеялу; удавка чуть-чуть ослабла.

Как тебя зовут? — прозвучал бесстрастный голос. У Лидии промелькнула мысль, что теперь, видно, все равно конец и потому можно говорить что угодно; опыт прошедших лет, однако, научил ее, что даже перед лицом смерти надо молчать о том, о чем сам Бог велел молчать.

— Лидия Муратова.

На сей раз белоглазый не стянул концы платка, а потянул их к себе. Голова Лидии оторвалась от подушки. Когда она поднималась еще выше, он жестко и точно ударил ее в лицо. Лидия рухнула на подушку, чувствуя, как теплые струйки крови из носа стекают по лицу и каплют на наволочку.

Белоглазый удовлетворенно оглядел ее и снова потянул к себе платок.

— Как твоё имя, девочка?

Второй удар Лидия почти не чувствовала. Ее словно задела какая-то призрачная рука. В старой книге про партизан она читала: истязаемый человек спустя какое-то время перестает ощущать боль. Дальше, наверное, следует смерть.

Феликс отпустил ее и поднялся, наклонившись над ней.

— Ты понимаешь, что я говорю?

Лидия нашла в себе силы кивнуть.

— Я не хочу тебя убивать, Лидия. Но, вероятно, придется. Ты спрашивала за что. Так вот: за то, что ты не хочешь говорить правду.

— Я... как... скажу...

— Ладно, тогда начнем сначала. Как тебя зовут, девочка?

— Ли... Мура...

Белоглазый выпрямился, отряхнул на коленях брюки, вынул из кармана ключи от машины, внимательно осмотрел их, словно желая убедиться, все ли они на месте, потом пожал плечами.

— Что ж, мне жаль, Лидия. Очень жаль. Скверное дело — умирать, когда тебе всего двадцать шесть.

Лидия беспомощно дергалась на постели, словно гусеница, разрезанная лопатой.

— Спрашиваю последний раз. Итак, твоё имя?

Лидия выплонула стукот крови и выдавила сквозь кровотокающие десны:

— Светла... на Коз... лова...

Белоглазый улыбнулся и сел на кровать.

— Bravo, девочка. С этого и надо было начать... Ну-ка, еще раз!

— Светлана... Козлова...

Феликс погладил ее по щеке — и вдруг с прежней силой ударил снова.

Она и на сей раз не ощутила боли. Когда голова ее падала на подушку, она успела поймать взгляд Феликса. В его глазах с почти белыми, как у альбиноса, зрачками было столько возбуждения и неподдельного блаженства, что от ужаса она едва не потеряла сознание.

Когда Феликс снова заговорил, в голосе его уже не было угрозы. Слова звучали холодно и бесстрастно, словно он зачитывал на собрании передовицу из «Правды».

— Козлова Светлана Ивановна, до декабря 1982 года жительница Москвы, воспитательница детсада при заводе «Красный винт».

Лидия-Светлана застонала и кивнула.

— Или начать с другого места? Ладно, начну с другого. Жили-были в Москве три подруги: Люба Кольцова, Валентина Романова и Светлана Козлова. Вместе кончили школу, вместе пошли работать в детсад завода «Красный винт», где в скором времени нашли себе покровителей. Романову взял под крылышко партсекретарь завода, Кольцову — главный инженер, а Козлову... человек, чью должность не рекомендовалось называть вслух. Так?

Лидия-Светлана в знак согласия прикрыла глаза. Перед мысленным ее взором возникли огненно-рыжие Любины косы, толстые Валькины ляжки на столе, где она отплясывала в чем мать родила, и Молчанов, который заставлял ее, Свету...

— Три подруги решили, что им все дозволено. И в самом деле им все было дозволено. Получали они надбавки к зарплате, подарки, премии... пока не случилась беда. Так было, девочка?

Лидия (или Светлана) боялась пошевелиться. Сейчас она в первый раз подумала, что, может быть, ей совсем не обязательно умирать. Может, это Молчанов ее разыскал?

— Но беда случилась. Кто-то из них принес в детсад бутылку водки... Кто это был, деточка?

— Валька Романова.

— Вот-вот. Накормив детишек обедом, они устроились в медицинской комнате и распили бутылку. Показалось мало. Они послали еще за одной. Кого послали?

— Меня.

В общем, Светлана притащила вторую бутылку,

они ее тоже распили. И до того набрались, что уже ничего не соображали. Поскольку в медицинской комнате была только одна кровать, то одна из них осталась там... Кто бишь это был, а?

— Любка Кольцова.

Правильно, деточка. Рыжая Любка. До того была она пьяная, что слюны текли изо рта. А две другие пошли к детям в спальню, нашли пустые кровати и улеглись туда. Правильно?

Лидия глотнула слюну и не ответила.

Однако перед тем, как заснуть... Светлана Козлова, или, можно теперь сказать, Лидия Муратова, закурила сигарету, один раз затянулась и тут же уснула, с зажеженной сигаретой.

Лидия передернулась. Она снова видела перед собой полную дымом комнату, мечущихся, кричащих людей. Молчанова, который, закутав ей голову простыней, увел в безопасное место.

— От сигареты вспыхнуло постельное белье, и в огне и дыму погибли двенадцать детей.

На сей раз белоглазый не задал вопроса, так ли оно было. Вместо этого он встряхнул Лидию за плечо, а когда она обратила к нему неподвижный, почти бессмысленный взгляд, снова ударил ее по щеке.

— Сейчас не время для упрямости, девочка. Я пришел не за тем, чтобы требовать покаяния... На ход следствия старались повлиять многие, особенно энергично — Молчанов, и результат был таков: трагедию вызвало короткое замыкание. Несколько электротриков на полгода остались без премии. Вам же трем пришлось уехать подальше. Молчанов сказал: исчезни из Москвы и никогда даже близко не появляйся. Так?

— Так.

— Это он тебе выбрал новое имя?

— Нет... Другие...

— Впрочем, это неважно. Кто была эта Лидия Муратова?

— Она... умерла.

— Прекрасно, девочка. Надеюсь, ты знаешь, что тебя жлет, если когда-нибудь все это станет известно людям. Время нынче такое, что кое-кто с удовольствием раскопал бы эту историю. Причем, чтобы ты не питала иллюзий, знай: речь не о тебе и не о твоих подругах, а о бывшем твоим покровителе, Молчанове. О Молчанове, который любил, чтобы... да ведь тебе это лучше знать, девочка... С тех пор он высоко поднялся. Ты слышала о нем, Лидия?

Она облегченно перевела дух, чувствуя, что голос белоглазого стал мягче. Более того, он словно бы давал понять, что оба они находятся по одну сторону баррикад.

Многие хотели бы сегодня лягнуть Молчанова. Он, Лидия, человек старого мира. Знаю, то это тебя не касается, но Молчанов натворил немало таких дел, из-за которых кое-кто желал бы навсегда заткнуть ему рот. Такое сейчас время, Лидушка, — каждый хочет забыть свое прошлое... Словом, если люди узнают, что ты жива и что ты — Светлана Козлова, то, я думаю, тебе останется выбирать один из других вариантов.

Лидия застонала и попробовала закрыться одеялом.

Но белоглазый схватил ее руку и стиснул запястье. — Не двигайся!.. Ты согласишься мне помочь? Вообще-то выбора у тебя нет, Или ты скажешь «да», или... я тебя задушу. Ну, отвечай, девочка!

Он повертел в пальцах платок и склонился над Лидией.

В эту секунду она поняла, что ее жизнь зависит от одного-единственного кивка. Она приподнялась на локте и, одолевая подступившую тошноту, еле заметнo кивнула.

В этот момент кто-то забарабанил в дверь.

Белоглазый действовал молниеносно. Схватив Лидию за горло, он сделал ей так, что она опять захрипела, потом за доли секунды сбросил пиджак, брюки, ботинки, поднял одеяло, прыгнул под него и притиснул к себе Лидию.

— Кто это?

Она не ответила: в горле горело, кровь под языком не давала говорить.

Белоглазый обхватил ее, словно страстный любовник.

— Вот тебе, девочка, первая возможность доказать, что ты согласишься со мной сотрудничать. Одно необходимое слово, и ты покойница. А теперь спроси, кто там.

Платок на горле у Лидии натянулся. На какой-то миг она ощутила безумную радость: вот сейчас войдет Женька и уберет этого дьявола. Но радость быстро угасла. Если даже уберет... Через пару недель появится кто-то другой, потом — третий. Можно ли убежать всю жизнь от призраков? Нет, от них ей никогда, никогда, никогда не избавиться!..

— Кто... там?

— Я, кто же еще... Спишь, что ли, Лидка? Чего дверь заперла?

Белоглазый показал на себя.

— У меня... гость.

— А вот это зря. Я ведь тоже гостя привел. По голосу можешь узнать?

— Ку-ку, — загудел за дверью чей-то глубокий бас. — Ку-ку, Лидушка, это я, ваша тетя.

Белоглазый вопросительно поднял брови.

Выплунув стукот крови, она тихо ответила:

— Трошин.

— Кто это?

— Такой... дурак здоровенный. Боровом его зовут.

Белоглазый смотрел на нее, словно решая, можно ли ей довериться.

— Скажи еще раз, что ты не одна.

— Жень... ка, гость у... меня...

Те двое захохотали, словно услышав хорошую шутку.

— Какой гость? Как зовут?

— Пьяные они, — сказала Лидия.

Белоглазый смотрел на нее, словно решая, можно ли ей довериться.

— Лидка...пусти нас, — настаивал прежний голос. — Нам денег надо.

— Проигрался он, — тихо сообщила Лидия, пробуя нащупать какую-то одежду. — За деньгами пришел...

Феликс все еще колебался. Лидия спустила ноги на пол и осторожно пощупала горло. Под ее пальцами опять словно запыхал огонь.

Белоглазый вздохнул и крепко стиснул ей локоть.

Слушай меня внимательно, девочка. Все, что я тебе рассказал, известно не мне одному. И если со мной, не дай бог, что случится, они за тобой придут. В самой глухой тайге, на дне моря отыщут. Ты им нужна, ясно? И тогда я тебе не завидую... А теперьпусти их.

Женька и его друг чуть не сшибли ее с ног. Лидия вскрикнула от ужаса и от боли, когда Женька — тонкий, гибкий, с лисьим лицом — оттолкнул ее, двинув в бок. Второй — огромный, как гора, и едва державшийся на ногах от водки — обхватил ее плечи и звучно чмокнул в лоб.

— Привет, Лидушка. Нам бы только деньжонок...немножко... — Он тихо присвистнул, оглядев полуодетую Лидию. — Вот это-то да!.. — заржал он, хватая приятеля за рукав. — Ты гляди, Женька, да у них тут самое веселье...

Женька даже не посмотрел на лежащего в постели мужчину. Зато он сразу увидел его пиджак на полу: подняв его, он нащупал карман, вытащил капареечно-желтый бумажник, раскрыл — и словно обжегся, заметив в одном отделении аккуратно сложенные сторублевки.

Белоглазый натянул одеяло до самого подбородка. Женька, присев на край кровати, стал внимательно разглядывать гостя.

Слышь, Володька... мы с тобой, похоже, крупного зверя поймали. Глянь-ка на это!

Он протянул приятелю две купюры. У того подбородок отвалился от изумления; белоглазый мог бы поклясться, что огромный Володька протрезвел за какие-нибудь секунды.

Женька ласково улыбаясь, потрепал по щеке лежащего под одеялом мужчину...

Чего испугался? Не бойсь, гражданин! Все будет о'кэй. Ты с моей подругой заключил честную сделку... Я, правда, страсть не люблю, когда чужой дядя спит

с моей бабой, да уж ладно, на сей раз не стану сердиться — и не сделаю тебе еще одну дырку. Наоборот, я с тобой побеседую, и очень серьезно.

Лидия наклонилась было за платком, но Женька, подняв руку, остановил ее.

— Не надо! Сделка так сделка. Или вы уже отстрелялись?

Белоглазый уже улыбался.

— Вообще-то мы бы еще...

Женька потрепал Лидию по щеке.

— Ну вот, видишь? Ложись-ка к нему в постельку...

Лидия робким, боязливым движением приподняла краешек одеяла. Женька рывком:

— Что я тебе сказал, Лидка! Быстро в постель!..

Ишь, стерва...

Она легла рядом с белоглазым.

— Слышь, Женька, — подал голос его приятель, полностью протрезвевший. — А ведь он, видать, крепко порабатал с Лидухой! Глянь: белье все в крови... Лидка-то вроде давно уж не...

Женька бросил взгляд на возвышающегося над ним приятеля.

— Заткнись, Боров! Нам до этого никакого дела... Поработал — и поработал. Ты никогда не слыхал про такое?.. Уважаемый товарищ... или гражданин! Вкусы у людей разные, верно ведь? Если кто-то любит до, или после, или во время... в общем, бить девушку по мордам — ради бога! Личное дело каждого. Вот только личное дело иногда кучу денег стоит. Мы понимаем друг друга?

— Вполне, — сказал белоглазый.

— Клёво... Я просто в восторге, что вы разделяете мои взгляды, гражданин. А конкретно дело выглядит так: назлицо имеется моя невеста, Лидия Сергеевна Муратова. Ладно, вы с ней сообразили вдвоем кое-что, ко взаимному удовольствию, и это было бы личное ваше дело, если б на горизонте не появился я. А раз я появился, то ваше личное дело превращается в дело общее. Мы понимаем друг друга?

— Вполне, — повторил белоглазый. — У меня с собой семь сотен. Забирай все.

Женька ухмыльнулся и бросил бумажник на кровать.

— Не надо.

Огромный его приятель произительно взвизнул, словно неосторожная крыса, которой на хвост нахалко колесо вагона.

— Ты что, чокнулся, Женька? Семь сотен...

— Цы! Повторяю: не нужны мне эти семь сотен. Мы, в конце концов, не грабители, так ведь? Джентльмены не говорят всю дорогу лишь о деньгах... Знаете что, гражданин? Будьте моим гостем. Пользуйтесь моей хатой, моей невестой сколько вам влезет. Взамен я не прошу у вас ничего, только одно маленькое одолжение.

— Почему бы и нет, — улыбнулся белоглазый.

Женька с облегчением хлопнул себя по коленям.

— Чувствовал я, что мы найдем с вами общий язык! Настоящие джентльмены понимают друг друга с одного взгляда. Я, как вошел, сразу увидел, что имею дело не с кем-нибудь. И я спросил себя: интересно, а что за человек гость моей Лидочки? Костюм, прямо скажем, что надо... если судить по карманам, итальянского производства. Рубашка — австрийская или западногерманская, ботинки тоже не наши... так что же он, этот симпатичный незнакомец? Партийная шишка? Товарищ из министерства? Вряд ли... Думал я, думал, а потом догадался. Наверняка председатель или главбух какого-нибудь кооператива, который печет хлеб или шьет модное барахло. Костюмчик, рубашка, корочки — вроде бы все говорит за это. Ну так вот, думаю, значит, я для того кооператива было бы крайне неприятно, если бы в руководящие органы поступило несколько фотографий, где его председатель или главбух изображен в постели с избитой в кровь шлюхой, которая, кстати, известна как невеста заслуженного сутенера. Это было бы дьявольски неприятно... Я прав?

— Ты даже не представляешь, как ты прав, — кивнул белоглазый.

— Bravo, bravo! Мы пришли к полному согласию по всем пунктам. Если бы так легко достигалось согласие в мировой политике!.. Короче, надо нам обсудить вопрос об этих фотографиях, которые не следуют никуда отправлять.

— Хорошо, обсудим.

— А ты не хочешь закончить, что начал? Мы с Боровым выйдем пока, погуляем немного. Только скажи — и ты снова в раю.

— Лучше сначала поговорим, — предложил белоглазый.

— Ладно, как хочешь... Честно говоря, я сам такой. Когда тебе в самый интересный момент аппетит перебивают, потом дожидаясь, пока он снова придет... Так где, говоришь, твой кооператив находится?

— Какое это имеет значение?

— То есть как это, какое значение! Надо нам знать адрес или нет? А, Володя? Готов держать пари, что где-нибудь около набережной. Таким кооперативам место там, где народу побольше. Конечно, в горсовет приходится кое-кого подмазывать, конвертики, пакетики, то, се... Да что я: тебе лучше знать, как это делается.

Короче, вот что я предлагаю: мы с моим другом Володей каждый месяц, скажем, где-нибудь в первых числах, навещаем тебя, посмотрим, как ты поживаешь, спрашиваем, не нужно ли чего, вежливо беседуем, как это водится у солидных людей. Обсуждаем всякие дела, оказываем друг другу маленькие одолжения... И нам хорошо, и твоему кооперативу... А?

— Это стоит обмозговать, — сказал белоглазый.

Женька поднялся, протянул руку и взял с полки из нетесаных досок маленький японский фотоаппарат. Блеснула вспышка. Белоглазый по-прежнему улыбался.

— А теперь, для большего художественного эффекта... — сказал Женька и неожиданно сдернул с них одеяло. Фотовспышка сверкнула несколько раз подряд. — Вот так! Я думаю, этого хватит. А теперь, будь добр, имя и адрес... паспорт твой я что-то не нашел... Неужто ты в другом городе живешь? Черт возьми, Володя, об этом мы не подумали. Придется еще путешествовать каждый месяц куда-нибудь в Симферополь. Кто нам дорожные расходы оплатит? А, Володя-ка?

Володька потупил глаза и захихикал.

— Скажи-ка свой адрес, гражданин!

— Наклонись поближе.

Женька наклонился, почти приложив ухо ко рту белоглазого. Володька-Боров увидел, как дернулись его плечи. «Черт побери, — подумал он, — выдать, в самом деле большая добыча, если даже Женьку проявило. Господи, только бы не оказалась слишком большой!..»

Только когда приятель совсем припал к лежащему, Боров понял, что тут что-то не так. Лидия, отвернув голову, булькала и давила, словно ей мешал собственный язык. Боров пискнул и попятился к стене. Когда Женька вдруг поднялся с постели, у его приятеля вырвался крик ужаса. Его закадычный друг, раскрыв рот, изверг струю крови, словно корова на бойне.

Боров вытянул руки, но удержать летящее к нему тело не смог. Женька, ткнувшись в него лицом, выпустил на него новый фонтан крови.

Почти ничего не видя, не слыша, огромный, насмерть перепуганный человек ошупью стал пробираться к двери. Он уже взялся за ручку, когда страшная сила рванула его назад. Повернувшись, чтоб не упасть, он снова наткнулся на падающего Женьку. Руки у того были прижаты к животу, меж пальцев торчала костяная рукоятка ножа.

Боров еще раз попробовал дотянуться до ручки, но белоглазый вывернул ему руку, и сокрушительный удар обрушился на его затылок.

Огромное тело рухнуло на пол.

Белоглазый прыгнул к двери и повернул ключ в замке. Потом пул лежащее Женькино тело и, убедившись, что тот не шевелится, сел на кровать, потрепал Лидию по щеке.

— Все в порядке, девочка. Ты хорошо себя вела.

Подняв с пола свой шейный платок, он спокойно и методично стал протирать им спинку кровати, углы шкафа, а под конец — рукоятку ножа, что торчал у Женьки из живота. Потом подтащил к группе Женьки грузное тело Борова и, взяв его руку, старательно обвил его пальцами нож.

До Лидии только сейчас дошло, что она, скорее всего, окончательно потеряла Женьку. И, хотя она была совсем не в том состоянии, чтобы анализировать свои чувства, все же испытала некоторое облегчение.

— Что... теперь?

Белоглазый поднял на нее взгляд.

— Ты останешься здесь.

— А... вы?

Белоглазый выскользнул за дверь. Он двигался так уверенно и бесшумно, словно много лет прожил в таком же контейнере. Стараясь не смотреть на труп, Лидия начала одеваться. Это ей удавалось с трудом, она то и дело садилась: руки и ноги не подчинялись ей, тело прошибал пот, перед глазами мельтешили черные точки.

Белоглазый вернулся, поставил на середину комнаты, под лампочку, стул и встал на него. Двигался он упруго и быстро, как на пружинах. Вытянув руку, он ошупал большой ржавый крюк, торчащий у потолка возле электрического шнура.

Лидия только сейчас заметила, что в руке Феликс держит веревку: видимо, это был буксир от его «Жигулей». Он ловко привязал веревку на крюк, сделал петлю, проверил, выдержит ли она вес его тела.

Лидию охватил дикий, животный ужас. Белоглазый решил повеситься!.. Она чувствовала, что пот льет с нее потоками, белье все промокло; казалось, еще немного — и вся она растечется по грязному полу.

Ломая руки, она упала на колени...

— Не надо... пожалуйста...

Она хотела уговорить его, чтобы он не кончал с собой, не оставлял ее одну: ведь те решат, что это она сделала. Они подумают, что и Женьку убила она. Если, конечно, Боров не покажет другое... но кто же поверит

Борову, который больше времени провел в тюрьме, чем на свободе...

— Не делайте этого!..

«Господи, только не это! — стучало у нее в голове. — Не хочу умирать, я ведь еще молодая, двадцать семь лет, жизни не видела, любви не знала, все мимо прошло, дура я, дура... Жить хочу, не хочу умирать, поеду за ним, куда позовет, лягу с ним, когда только захочет, все сделаю для него, только пусть не оставляет одну, жить хочу, Господи...»

— Не надо!..

Белоглазый взглянул на нее со стула и ласково улыбнулся.

— Не бойся, девочка. Это недолго.

Лидия вскрикнула и тут же зажала рот ладонью. «Господи Иисусе, да он же меня собрался повесить! Не себя — меня!.. Господи, я-то, дура... подумала, он — себя. Меня, меня, Господи!»

Но прежде, чем она успела проникнуться ужасом, белоглазый прыгнул и взял ее за руку.

— Помогни-ка! Держи стул!

Лидия не помнила, когда и как она выполнила приказ... Она ощутила лишь, что обеими руками изо всех сил держит стул, держит так, словно от этого зависит ее жизнь. Глядя куда-то в угол, она пыталась молиться. Вспомнить ей удалось «Отче наш», да и то лишь первые слова.

Феликс поднял Борова, лежавшего без сознания, и встал с ним на стул. Если бы Лидия могла думать спокойно, она еще раз удивилась бы невероятной физической силе белоглазого, игре его мышц под полосатой рубашкой. Он даже дыхание не задержал, вкладывая в петлю падающую Володькину голову.

Спрыгнув на пол, он взглянул на веревку и отпустил Володькины ноги.

— Убирай стул, девочка!

Лидия перестала молиться и, не мигая, смотрела на обвисшее тело.

— Стул убирай, говорю!

Стиснув зубы, она вдруг вспомнила о задохнувшихся в дыму детишках. И о том, что, может быть, завтра ее тоже повесят на каком-нибудь тюремном дворе.

— Что я сказал!..

Собрав остаток сил, она дернула стул.

Из груди Володьки вырвался мучительный хрип, словно он наконец очнулся.

Лидия взвизнула и закрыла руками лицо. Ноги повешенного качались прямо перед ней.

Белоглазый, сжав губы, внимательно оглядел комнату.

— Ситуация ясная, — сказал он довольно. — Боров перепил и убил Женьку, потом понял, что натворил, и повесился. А ты — исчезла. Возьми с собой какую-нибудь одежду... потом мы ее сожжем. И захвати фотоаппарат.

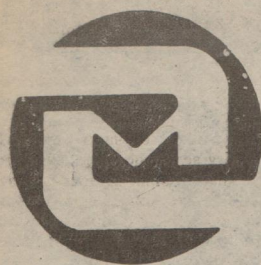
...Луна все еще прокалывала по глади Каспийского моря серебряную дорожку. Хриплый, пьяный голос пел что-то по-азербайджански.

Лидия откинула голову на спинку сиденья, попробовала внушить себе, что все это — сон. И скоро наступит утро, она проснется и вытолкнет из своей постели этого кретина Женьку.

«Жигули» тихо урчали во тьме.

Рис. Валерия БОЧКОВА

МЕНАТЕП
FINANCIAL GROUP

**МЫ ФИНАНСИРУЕМ ВСЕ,
ЧТО ИЗМЕНЯЕТ МИР
К ЛУЧШЕМУ**

Деловым людям, туристам!

Аэрофлот предлагает новую международную авиалинию.

МОСКВА—НАГОЯ

По этому маршруту самолет Аэрофлота ИЛ-62 летает один раз в неделю. К вашим услугам 12 мест 1-го класса, 18 — бизнес-класса и 102 — экономического класса.

SU 591 Понедельник	Аэропорт			SU 592 Вторник
17.45	о.	Москва	п.	17.25
			о.	09.10
		Хабаровск	п.	07.50
10.30	п.	Нагоя	о.	12.10

Время указано местное (в Хабаровске время московское).

Подробную информацию о полетах Вы можете получить в любом представительстве Аэрофлота, а также по телефону 156-80-19.

Путешествуйте
Аэрофлотом, если
Вы хотите увидеть мир!

В следующих номерах «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО» читайте:

**Лев БЕЗЫМЕНСКИЙ. Как работала комиссия
А. Н. Яковлева**

Даниил ГРАНИН. В августе 91-го

Валентин БЕРЕЖКОВ. Тайна смерти Литвинова

**Почетный
президент-основатель
МАДПР
Юлиан СЕМЕНОВ**

Редколлегия:
Артем БОРОВИК,
главный редактор
Александр БЕНЕНСОН,
зам. главного редактора
Владимир ВЕДРАШКО,
зам. главного редактора
Борис ДАНЮШЕВСКИЙ
Владимир ДОБИН,
ответственный секретарь
Дмитрий ЛИХАНОВ
Елена СВЕТЛОВА
Евгения СТОЯНОВСКАЯ
Вера ЧЕРНИКОВА
Михаил ШЕСТОПАЛ,
главный художник

Редакционный совет:
Майк АНДЕРЛЕ (Австрия)
Лев АННИНСКИЙ
Виктор БАНЛАКИ
(Венгрия)
Александр БЕЛЯЕВ
Карл Арне БЛОМ
(Швеция)
Алоиз БРЕНЧ
Ролан БЫКОВ
Аркадий ВАЙНЕР
Микола
ВИНГРАНОВСКИЙ
Геннадий ЛИСИЧКИН
Анатолий ЛЫСЕНКО
Хуан МАДРИД
(Испания)
Николай МИТРОФАНОВ
Вячеслав ПАНКИН
Роджер САЙМОН (США)
Мартин Круз СМИТ (США)
Олжас СУЛЕЙМЕНОВ
Рафаэль Р. ЭРРЕДИА
(Мексика)

Любовь ПЕШКУНОВА,
зам. ответственного
секретаря
Оформление номера:
Владимир ВОВНОВОЙ
и Владимир ПОМОЧИЛИН
Технический редактор
Татьяна КОЙРАНСКАЯ
Корректор
Татьяна ПОЛЕНОВА
Рукописи, присланные
в редакцию, не рецензируются
и не возвращаются.
При перепечатке ссылки на
«Совершенно секретно»
обязательны.
Во всех случаях типографского
брака обращаться в типографию,
указанные в выходных данных.

Московская штаб-квартира
Международной ассоциации
«Детектив и политика» (МАДПР)
1991

Адрес: 119021, Москва,
Зубовский бульвар, 4, ИАН
Московская штаб-квартира
МАДПР

Ежемесячник
«Совершенно секретно»
Тел.: 291-98-62; 202-20-11
Телекс 411323 Факс 2302170
Подписано к печати

ОТПЕЧАТАНО ТИПОГРАФИЕЙ «ВСЛ»
ПРИ СОДЕЙСТВИИ ВОСТ-СИБ
ОТДЕЛЕНИЯ «ЗОРГЕ» г. ИРКУТСК

Тираж 100 000 экз.